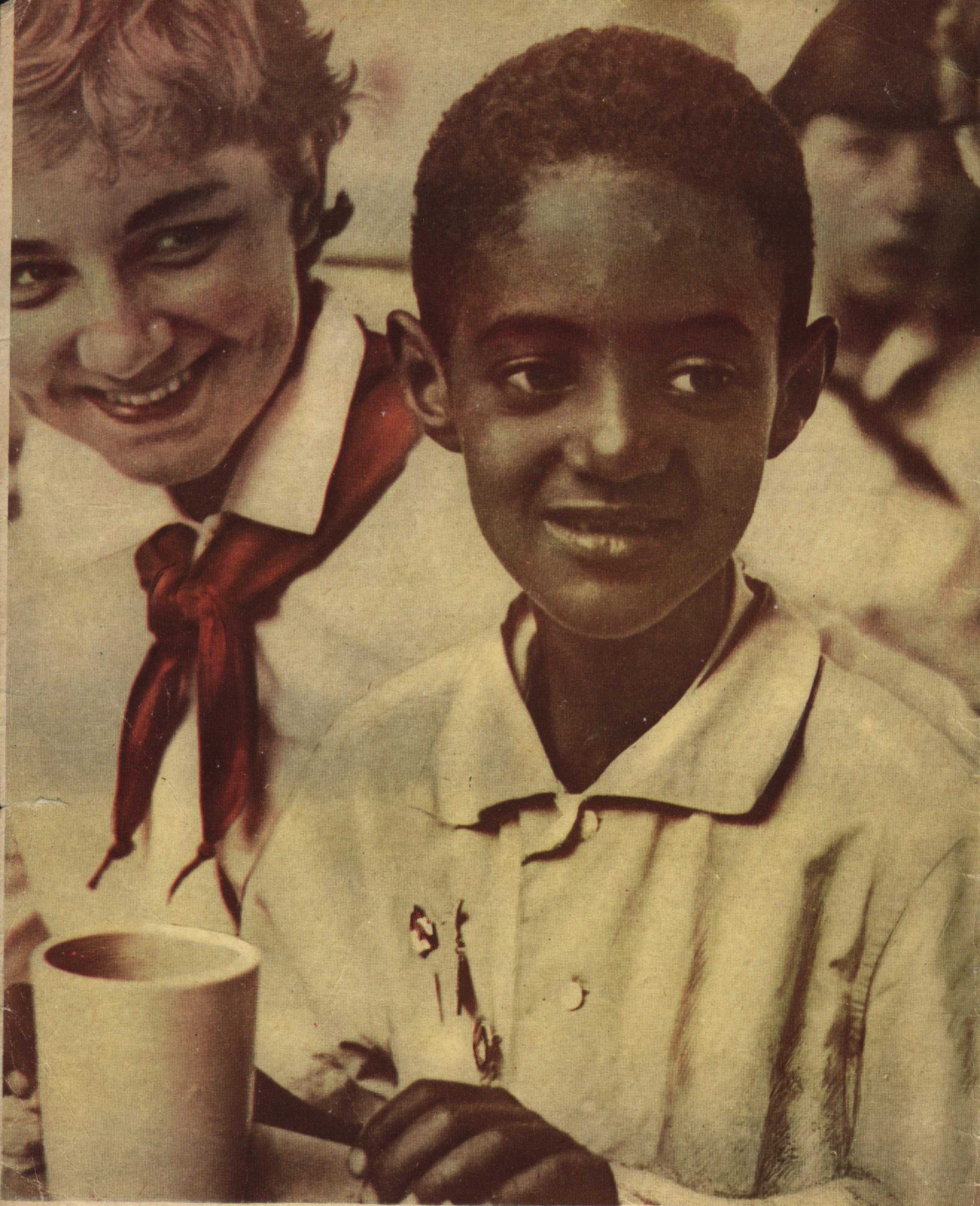

Космёр

1

ЯНВАРЬ
1966

МАКСИМКА

смотри страницу 48

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Тревога

из записной книжки Г. УСЫСКИНА 2

Клуб Жака Паганеля 5

Что такое бомба

рассказ А. КИРНОСОВА 9

Лето все впереди

отрывок из романа Р. ДОСТЯН 17

Стихи о Солнце

ВЛАДИМИРА ОРЛОВА 28

**Путешественник, геолог, географ —
на всю жизнь**

очерк Н. ТЕРЕБИНСКОЙ 29

Заяц и выдра

ульчская сказка 31

**Лиза Кострова и „великая герман-
ская армия“**

очерк М. ЛАЗАРЕВА 32

Почта Кости Теркина

обзор писем читателей 34

Предостережение

заметка Я. ХАСКИНА 35

В Стране Вечных Наникул

повесть-сказка А. АЛЕКСИНА 36

Что? Где? Когда? Почему?

заметки, фото, рисунки 45

Чистота „шесть девяток“

репортаж Ю. КОЛОСОВА 47

Уголёк

журнал для малышей 49

Контршпион

документальная повесть М. ХЕЙФЕЦА 51

Школа „Спринт“ 57

Вниз с горы со скоростью самолета

фотоочерк Е. ПОЛЯКОВА 58

Уголок веселого архивариуса 61

Ураган

приключения в картинках Ю. ЛОБАЧЕВА 62

Шахматы

ведет Ю. БАРСКИЙ 63

Наша творческая мастерская 64

Это кто тут перед входом
В снаряжение полным встал,
Поздравляя с Новым годом
Всех, кто входит в наш журнал?

Ето такой он в самом деле,
Предстоит тебе узнать
В Клубе Жака Паганеля
На странице номер пять.

ТРЕВОГА

*Из записной книжки
нашего специального
корреспондента Г. Усыскина
на слете победителей
Всесоюзного похода
по местам боевой славы
советского народа
Сентябрь 1965 года
Брестская крепость*

Фото автора

...Ночью я услышал сигнал тревоги, старый, хорошо мне знакомый сигнал. Смотрю на часы — три. Быстро одеваюсь, выбегаю из палатки, вижу: на площади полным-полно народу. На трибунах — защитники Бреста, маршалы, генералы, почетные гости. Минута молчания. А потом — над притихшими бастионами торжественно: «Вставай, страна огромная...»

Никогда не забуду этих тревожных минут.

Четыре часа утра. Защитники Брестской крепости вместе с делегатами слета уходят в темноту, чтобы рассказать ребятам о той памятной ночи, ночи 22 июня 1941 года.

...Выступает на слете девочка из села Ковалевка Николаевской области. Рассказывает, как ребята ее школы устанавливают имена тех, кто погиб за освобождение села. Жалуется на трудности: найти бы кого-нибудь из воевавших в этих местах...

И вдруг встает полковник запаса.

«Я, — говорит, — там воевал. Моя часть освобождала Ковалевку». Девочка даже растерялась от радости. Вот так: кто ищет, тот всегда найдет!

...Наш ленинградец Боря Петров рассказал на слете о шлюпочном походе по местам боевой славы Ладожской флотилии. Маршал Советского Союза И. С. Конев похвалил ленинградцев и за поход и за хороший отчет. А жюри слета присудило отряду первое место.

...Делегаты Латвии в национальных костюмах и фуражках знаменитых латышских стрелков. В голове колонны алый стяг с девизом: «Без борьбы нет победы!» Латыши привезли в пода-

«Главный следопыт» слета, лауреат Ленинской премии, писатель Сергей Сергеевич Смирнов. Его благородный поиск раскрыл для нас историю героической обороны Брестской крепости.

Начальник Центрального штаба Всесоюзного туристского похода молодежи по местам боевой славы советского народа Маршал Советского Союза И. С. Конев.

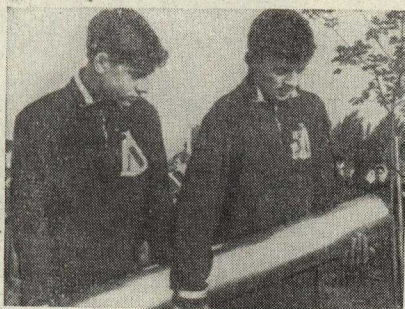
Юный следопыт «неунывака» Коля Волокитин.

По сигналу тревоги гость слета писатель Константин Михайлович Симонов пришел к месту сбора одним из первых.

рок слету бутылку балтийской воды, да не простой! Набрали ее в том самом месте, где первый советский солдат-освободитель прорвался к балтийскому берегу. Бывалые солдаты рассказывают, что в тот памятный день такой же точно подарок был отправлен из действующей армии в Ставку Верховного Главнокомандования.

Ленинградцы привезли в подарок слету снаряд с легендарного крейсера «Аврора»

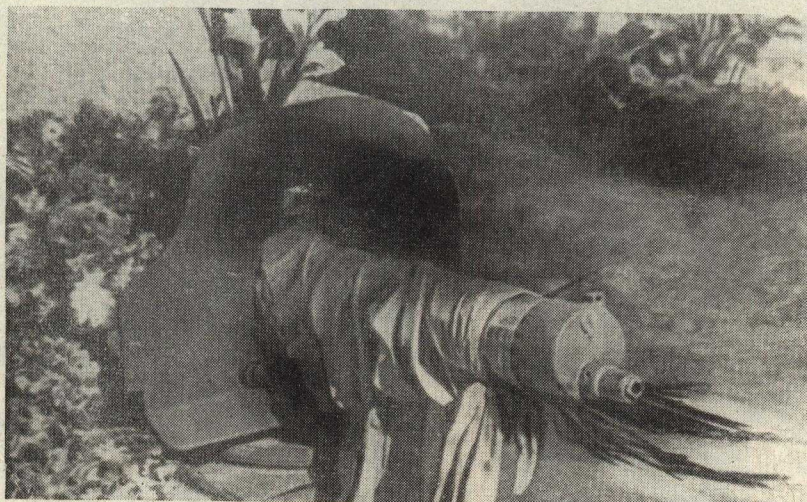
...Самый маленький делегат слета Тарас. Ему семь лет. Он учится в первом классе и вместе с папой и мамой совершил уже три похода по местам боевой славы.

А самый старший делегат — Григорий Яковлевич Базыма, бывший начальник штаба партизанского соединения легендарного Ковпака. Каждое лето Григорий Яковлевич водит школьников Сумской области по дорогам боев.

...Вот какую реликвию привезли на слет смоленцы: камень, на плоской грани которого выцарапано гвоздем, ножом, а быть может, и штыком, несколько слов: «Здесь стояли на смерть рядовые Тимашков, Панченко, Старостенко, Жданов, 1942 год». Нашли ребята этот камень в походе, в шести километрах от города Ярцева.

...Кто на слете заметнее всех? Конечно, липецкий клуб «Неунываки». Они прошли триста пятьдесят километров по маршрутам боевой славы, заложили памятный обелиск на месте захоронения шестисот советских воинов. А мальчишки в клубе собранные самые отчаянные — раньше из милиции не вылезали...

...Историю этого памятника я запишу так, как услышал от старожилов: сначала их было

Я пришел к этому памятнику рано утром. Но кто-то уже успел побывать тут до меня. Обелиск утонул в цветах, а на стволе пулемета были повязаны шесть алых пионерских галстуков...

двое, двое солдат — русский и узбек (или казах, точно никто не знает). Потом пришел третий, парнишка лет четырнадцати, да так и остался с ними до того часа, когда на дороге показались фашисты.

Почти весь день 23 июня не давали они врагу пройти вперед. И только когда был убит последний в расчете, пулемет замолчал.

Немецкий офицер приказал похоронить русских здесь же, на перекрестке дорог. Рядом с маленьким холмиком вырос целый лес крестов с немецкими касками.

Местные жители подобрали брошенный пулемет и зарыли в землю. После войны его откопали и навечно поставили к подножию обелиска.

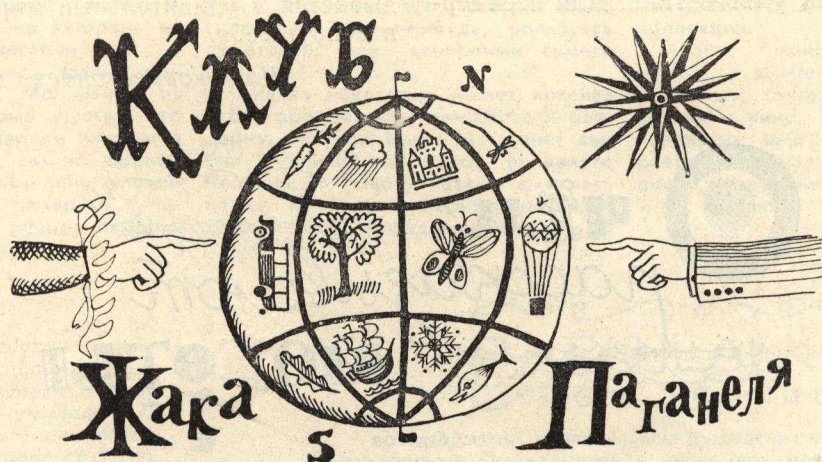
СЛЕДОПЫТЫ!

**ВСЕСОЮЗНЫЙ ТУРИСТСКИЙ ПОХОД ДОРОГАМИ СЛАВЫ ОТЦОВ
НЕ ЗАКОНЧЕН — ОН ПРОДОЛЖАЕТСЯ.**

**ПУСТЬ ТЫСЯЧИ НОВЫХ ОТРЯДОВ ВЫЙДУТ В ТРУДНУЮ
ДОРОГУ ПОИСКА!**

**ПУСТЬ ОТКРОЮТСЯ ВАМ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ ГЕРОИЧЕСКОЙ
50-ЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ!**

**ПУСТЬ НИКОГДА НЕ ГАСНЕТ В ВАШИХ СЕРДЦАХ
БЛАГОРОДНАЯ ТРЕВОГА ЗА СУДЬБУ СВОЕЙ РОДИНЫ!**

Рисунки С. Острова

Жак Паганель смотрит в подозрную трубу. Смотрит не для того, чтобы глазеть, а для того, чтобы острее видеть. Каждый открыватель знает, что видеть и смотреть — не одно и то же. «ВСЕ СМОТРЯТ НА ТО, НА ЧТО СМОТРЮ И Я, НО НИКТО НЕ ВИДИТ ТОГО, ЧТО Я ВИЖУ». Чтобы видеть, надо иметь острый глаз!

Паганель способен удивиться тому, что другие считают скучным и обыкновенным. За это он прослыл чудачком. Но он не обижается: для него нет и не может быть ничего скучного, заурядного, обыкновенного. Для него весь мир — чудо!

Снежинка, которую построил скульптор по не открытым еще законам — разве это обыкновенно?

Цветок, который родился из комочка земли и капельки солнца — разве это скучно?

Личинка стрекозы, которая, как ракета, вот уже миллионы лет передвигается с помощью ракетного двигателя — разве это заурядно?

Привычным все это стать может, обыкновенным — никогда!

Больше всего Паганель любит такие факты и события, которые для устаревших теорий представляются невозможными. И опять это потому, что «СЕКРЕТ КАЖДОГО ОТКРЫВАТЕЛЯ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО ОН НИЧЕГО НЕ СЧИТАЕТ НЕВОЗМОЖНЫМ».

Музыкантом может стать только тот, кто родился с хорошим слухом. Дальтоник никогда не станет живописцем. А искателем и от-

крывателем не станет человек равнодушный, нелюбознательный, апатичный.

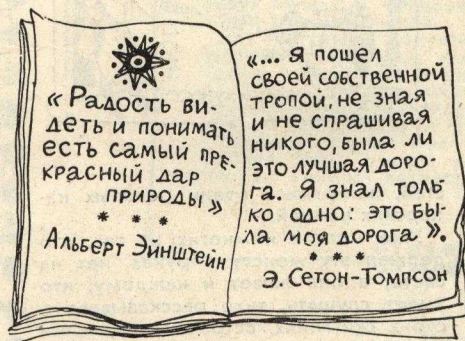
Хорошо, конечно, когда говорят: «Он родился художником» или «Он родился конструктором». Ну, а если не известно пока — ни твоим родителям, ни тебе самому — кем ты родился? Что делать тогда? Тогда в первую очередь на-

до начинать искать и открывать самого себя. Кто ты такой? Как ни странно, но часто самих себя мы знаем хуже всего. Знаем свой рост, свой вес, внешний вид. Знаем, сколько раз можем выжать гирию, за сколько секунд пробежать стометровку. Но не знаем, какая у нас «душа», какой характер, какие таланты. А это очень важно: найти свой главный талант, любимое де-

ло на всю жизнь. Потому что счастье — это, пожалуй, возможность всегда быть самим собой и делать то, что тебе по душе. Потому что только увлеченный человек приносит наибольшую пользу людям. Всем людям.

Летит во вселенной удивительная голубая планета. Когда на ее верхней половине лето, на нижней — зима. Когда на одной стороне день, на другой — ночь. Сверху и снизу впечатают ее два белых пятна. С одного пятна — куда ни посмотри! — все будет юг, а с другого — север. Там есть океан, в котором встречаются восток и запад.

Планета полна чудес. На ней живут разумные существа. Себя они называют людьми, а планету свою — Землей. Для всех рук на ней хватит дела. Для всех глаз у нее хватит

красок. Для всех ушей и носов — звуков и аромата. Для всех умов — тайн. Для всех сердец — радости.

Паганель смотрит в свою трубу. Он вглядывается в удивительный мир: за горизонтом и вокруг себя.

Член-корреспондент клуба, писатель
Н. И. Сладков

О чем рассказывают монеты

О. Орлов

По вечерам я открываю ящик с монетами. Это целый мир. Вереницы прошедших веков, судьбы людей, истории государств, пороховой дым, вкус хлеба. Это — великие войны, далекие путешествия, несбывшиеся надежды, дерзновенные начинания, смелые замыслы, неудавшиеся аферы...

Вот эта монетка, я знаю ее на ощупь. Она бесформенна, один край ее здорово измят. Это карфагенская монета. Ее нашли на Канарских островах. Ей всего-навсего около двух тысяч лет. Такую отыщешь не во всякой коллекции. Мне подарил ее дед, старый моряк, объехавший весь свет. Он купил эту монетку давно, в какой-то лавке старьевщика в Гельсингфорсе.

Как эта малютка попала на Канары за много веков до того, как Канары, если верить учебнику географии, были открыты европейцами? Наверно, старинный корабль с карфагенскими купцами занесло бурей к этим неведомым островам. Те, что спаслись после бури, не смогли вер-

другим. А монеты, на которые они хотели закупить ливанских пряно-

стей, затерялись среди розовых канарских камней.

Уже многих и многих из тех, кто держал эту монету в руках, нет на свете, а она живет и каждому, кто умеет слушать, тихо рассказывает о своих скитаниях, встречах и приключениях.

Вот еще одна. Испанский пиастр времен карибских пиратов. Какой путь проделал он, пока не попал в мою коллекцию?

Быть может, он побывал в кармане самого Френсиса Дрейка? А потом сэр Френсис Дрейк проиграл его в кости в лондонской таверне «Золотой якорь»...

Быть может, именно об этом пиастре кричал попугай одноногого Флинта, а писатель Стивенсон задумал свой «Остров сокровищ», поглажив мой пиастр своими худыми, длинными пальцами...

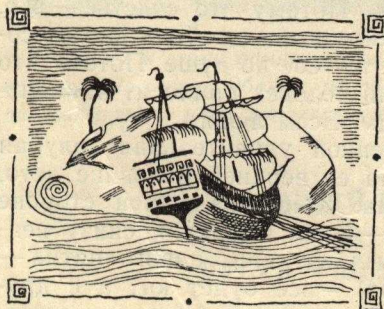
Впрочем, возможно, на него покупали рабов в Африке или платили за мушкеты и пули для восстания на Гаити.

А вот еще одна монетка. Она серебряная и не тускнеет от времени.

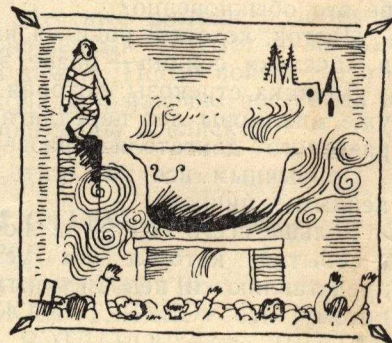
На гербовой стороне — ошипанный орел. Это четвертак Николая Второго. Никакой романтики. Вид четвертака такой же казенный, как и николаевское время.

Французский экю. Он знаком с Д'Артаньяном. Он скитался от Гавра до Марселя и много раз пересекал Па-де-Кале. Из бисерных кошельков его пересыпали в кожаные переметные сумы. Его обменивали на фунты и центизимы. Он бывал в разных компаниях, он знает цену дружеской поддержке, когда один экю стоит дороже тысяч золотых луйдоров. Он любит острое слово, хорошо понимает по-английски и по-испански. На португальском он объясняется с трудом, потому что в Португалии побывал только один раз, да и то по секретным делам государственной важности, так что во время поездки ему приходилось держать язык за зубами.

Снова Франция. Это денье, мелкая монетка. Она была дружна с

нуться на родину. Они целыми днями вглядывались в горизонт, бродили среди обломков своего корабля... Потом старились и умирали один за

беднотой, Гаврош путешествовал по Парижу, припрятав ее за щеку про черный день. Она слышала выступления Марата, звенела в такт «Мар-

сельезе», видела солдат генерала Галифе, расстрелявшего французскую революцию. Она ветеран: на боку ее — след от картечи.

А это редкая штучка — фальшивый германский пфенниг. Мошенника из Бранденбурга, который пустил его гулять по свету, сварили живьем в кипящем масле на самой людной площади в праздничный день, а пфенниг еще много раз повергал в тихую панику честных купцов на бре-

менных рынках и гамбургских базарах. Впрочем, его всегда ловко сплавляли кому-нибудь, пользуясь суматохой или вечерними сумерками.

Чеканка некоторых монет красива и благородна, других — груба и бездарна. Рисунок одной из монет выбил великий скульптор Бенvenuto Челлини, и я могу часами смотреть на ее простые и верные линии. А иные монеты, попадавшие ко мне, я

давно обменял, потому что они мне не нравились и не украшали моей коллекции.

Многие монеты мне подарены, многие я выменял, кое-какие купил на деньги, сэкономленные на мороженом и кино. Так что вот эти два новеньких фартинга обошлись мне ровно в двенадцать эскимо. Двенадцать несعدенных эскимо, которое я так люблю...

На первом заседании клуба поэт Вольт Суслов прочел свое стихотворение. Некоторые слушатели в знак протеста покинули зал. Мы предполагаем, что они обнаружили в себе некоторое сходство с коллекционером Серегой...

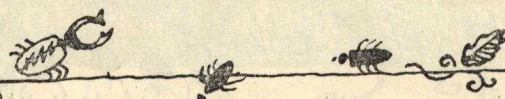
КОЛЛЕКЦИОНЕР • Серега •

Я нашел одну монету,
Побродившую по свету.
Буквы стерты, чуть видны..
Чья она? Какой страны?
Осмотрел монету строго
Коллекционер Серега.
— А чего тут разбираться, —
Говорит, — давай меняться!
Отдаешь свою монету —
Получаешь марку эту.
Государство Парагвай!
Что задумался? Давай!
Мы монету с Николаем
На открытки обменяем.
Видел я значки у Ритки,
Предложу за них открытки.
На значки могу у Светки
Обменять я этикетки.
А у Никоновой Нинки
От конвертов есть картинки...
Что задумался? Давай!
Не желаешь Парагвай?
...Попрошались я с Серегой
И пошел своей дорогой.
Опустив в карман монету,
Побродившую по свету.
Погрустил один немного
Предприимчивый Серега
И на фантик голубой
Обменялся... сам с собой.

ПАГАНЕЛЬКИ

Короткие, поучительные и занятные истории,
рассказанные паганельцами в перерывах между заседаниями
почтенного клуба

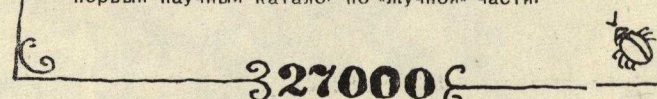

Коллекционеры влияют на ход истории. Однажды они чуть не помогли австрийской кавалерии выиграть сражение. Дело было во время одного из походов Наполеона. Генерал Дежан, командовавший французским отрядом, был страстным коллекционером жуков. Он заставлял своих солдат и офицеров бегать с сачками по полям и ловить жуков.

Вот на такую компанию солдат-энтомологов (энтомология — наука, изучающая насекомых) однажды и наткнулся отряд австрийской кавалерии. Плохо бы пришлось французам, если бы не подоспело подкрепление. Вот, наверно, досталось этому Дежану от Наполеона!

Впрочем, Дежан был упорным человеком: он собрал 27000 разных видов жуков и составил первый научный каталог по «жучной» части.

327000

Известно ли вам, друзья, что Петр Первый коллекционировал собственноручно удаленные им зубы? Он весьма гордился этой коллекцией, а также набором принадлежавших ему зубоврачебных инструментов. И то и другое сохранилось до наших дней и выставлено в Музее Академии наук СССР, который называется «Кунсткамера» и находится в Ленинграде.

Император среди самых неотложных государственных дел не забывал о своем медицинском увлечении. Он очень сердился, когда придворные, у которых болели зубы, не обращались к нему за помощью.

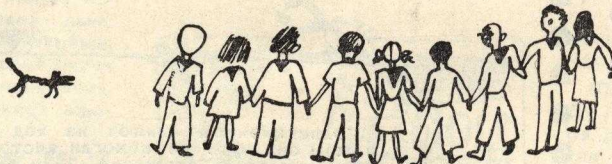
Юные коллекционеры нередко жалуются: «Мы посылаем письма разным героям, собирателям древностей, деятелям искусства. а нам никто не отвечает...»

Позволю себе по этому поводу рассказать один случай, который произошел с юными историками из города Заокска Тульской области. Прослышали они, что у одной женщины в Ленинграде хранится зуб мамонта, доставшийся ей в наследство от бабушки. Сколько раз эту гражданку упрашивали подарить редкий зуб музею, школе. Нет, нет и еще раз нет! Семейная реликвия, любовь к антикварным вещам — я это прекрасно понимаю...

Но вот коллекционеры из Заокска, именующие себя Ядром Стойких Любителей Истории, отправили в Ленинград следующее письмо: «Понимаете, Вы только одна смотрите на этот зуб. А у нас его увидит целая школа, город ребят, для которых это будет не только любопытно, но и полезно...»

И что вы думаете: упрямая гражданка прислала зуб! Он находится теперь в витрине исторического музея заокской средней школы. Я видел его собственными глазами.

Уметь писать — это наука!

В подозрительную трубу виден ленинградский зоопарк. Львенку Нерону семь месяцев. Он с уважением относится к Любимой Ивановой. Каждое утро перед школой Алла со своей подружкой ухаживают за ними. Алла мечтает стать дрессировщицей. А настоящий дрессировщик не гнушается никакой работой.

На первое заседание клуба мы пригласили секретаря Парижского географического общества, члена-корреспондента географических обществ: Берлина, Бомбея, Дармштадта, Лейпцига, Лондона, Петербурга, Вены, Нью-Йорка, почетного члена Королевского географического и этнографического института восточной Индии, самого Жака-Элиасена-Франсуа-Мари Паганеля.

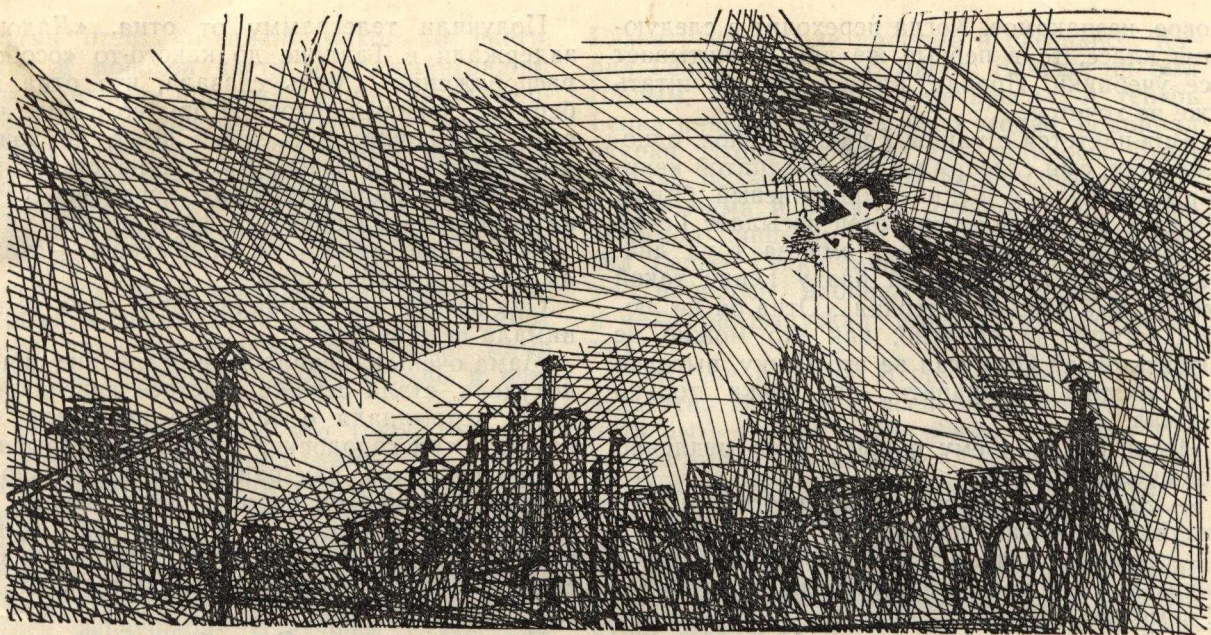
Жак Паганель ответил согласием. Французские газеты опубликовали интервью со знаменитым путешественником, где он выразил бурную радость по поводу предстоящей поездки.

И вдруг Паганель исчез. Выбыл в неизвестном направлении, не оставив своих координат.

Наши корреспонденты направлены во все уголки мира на поиски рассеянного ученого.

Ждите дальнейших сообщений.

ЧТО ТАКОЕ БОМБА

РАССКАЗ

Алексей Кириосов

Рисунки А. Сколзубова

1

Игорь сидел на штабеле свежих, остро пахнущих досок. Их привезли во двор вчера. Малыши уже понастругали себе мечей из этих досок и играют в Александра Невского. Площадка у задней глухой стены дома одиннадцать, замыкающей двор — Чудское озеро, песочный ящик для младенцев — Вороний камень. Сперва здорово подрались из-за того, кому придется быть немцами, а потом — как положено по ходу истории.

Игорь скинул рубашку, потому что безветренно и печет солнце. Он жарился в его лучах и пробовал на доске все четыре лезвия нового ножа. Нож подарила Ольгина мать, которую он шесть лет называл тетя Наташа, а теперь от него вдруг требуют, чтобы он называл ее Наталья Петровна. Мама сказала, что дарить ножи — это не к добру. Наталья Петровна посмеялась над суеверием, а Игорь быстренько сунул нож в карман. В самом деле, какое может быть «не к добру», когда он перешел в восьмой класс, впереди лето, а завтра он один (один!) поедет в Таллин к отцу. Это ему подарок за успешное окончание седьмого класса.

В ярко-синем небе плывут два крохотных блестящих аэроплана. Они тащат за собой расплывающиеся полосы белого дыма. Смотреть на них можно только из-под руки, — и то слепнешь от солнца. Какое оно сегодня яркое!

Игорь воткнул нож самым большим лезвием в доску и задумался, куда бы пойти... Конечно, Наталья Петровна попросит его погулять с Олей. Ольга еще малышка, ей девять лет. Она какая-то застенчивая, боится играть во дворе с ребятами. Сядет где-нибудь в уголке и смотрит. Игорь подумал, что погуляет с Ольгой часок по набережной, потом махнет на Кировские острова...

Нож очень острый. Игорь легко вырезал свое имя, потом слово «Ладога». «Ладога» — это название парохода, на котором плавает отец.

По диагонали двора от дверей дома к воротам и обратно ходят люди. Игорь живет в этом доме уже шесть лет и знает их всех. Знает, кто где работает, кто чем болен, у кого какие странности характера, кто держит какую собаку или кошку... Это даже скучно — все знать. Он радуется, когда кто-нибудь уезжает и вселяются новые люди. Он любит все

новое, незнакомое. Когда переходит в следующий класс, то в первые же дни прочитывает все учебники. Правда, второй раз их читать уже не хочется...

Вот плетется с улицы Генка Воронов, одноклассник, сын слесаря из девятнадцатой квартиры. В руке у Генки алюминиевый бидон. Каждое воскресное утро отец посылает Генку в ларек за пивом и дает ему за труд двадцать копеек. И каждый раз у Генки такой же хмурый вид, как сегодня... Отца он не любит. Игорю не понятно, как это можно не любить отца? Он ругал за это Генку, пытался его убедить, исправить, но Генка только молчал.

Игорь помахал ему рукой. Генка медленно подошел к доскам.

— Здорово, пивовоз, — сказал Игорь и протянул нож. — Как ножичек, а?

— Война началась, — проговорил Генка каким-то глупым, безразличным голосом. — С немцами.

— Болтай больше! — сказал Игорь.

Он подумал, что хмурый Генка мрачно шутит.

— Точно, — сказал Генка, глядя поверх головы Игоря желтыми, немигающими глазами. — Киев бомбили, Минск... Скоро объявят по радио.

Он поднял голову и стал смотреть в голубое небо, где плыли, оставляя за собой белые хвосты, два аэропланчика. Потом перехватил бидон в другую руку и медленно, шаркая подошвами, пошел к двери.

Игорь даже не догадался спросить, где Генка слышал такое. Он вдруг поверил и сразу стал думать об отце.

— Мамаша тебя теперь в Таллин не пустит! — крикнул издали Генка, повернув голову.

Малыши с воплями играли в Александра Невского. С глухой задней стены дома одиннадцать скалились нарисованные мелом рожи. Игорь побежал домой, оставив на досках нож и рубашку.

В квартире пили утренний кофе и ничего еще не знали.

2

Каждый день война оборачивалась новой, еще не известной вчера стороной. Выстроились длинные очереди у магазинов. По радио передавали невероятные, хлещущие по сердцу сводки. Сирены провыли первую воздушную тревогу. Появились карточки и бомбоубежище в подвале старой церкви, пахнущее плесенью.

Получили телеграмму от отца. «Ладогу» задержали в Таллине до какого-то «особого распоряжения». Мать сказала, что отца заберут в военный флот. Игорь возразил, что отец сам пойдет в военный флот, не дожидаясь, пока его «заберут». Он не станет возить всякие пиломатериалы, когда вся страна поднялась на борьбу с фашистами.

— Ты еще ничего не понимаешь, — сказала мама, опустив глаза.

Она всегда так говорила, когда сама не понимала чего-нибудь.

Мама очень изменилась за последние дни — похудела, стала строже, быстрее двигалась и часто вспоминала о том, что пережила две войны и три голодовки. Теперь она называла Игоря не Игуся, как раньше, а нормально — Игорь. За такое он боролся лет с десяти, но ничего не получалось. Даже при ребятах называла Игусей. А этот Игуся вымахал в сто семьдесят пять сантиметров и весит шестьдесят три килограмма!..

Пришло письмо. Оно было тревожное и местами совсем непонятное. Отец несколько раз повторял, что надо уезжать из Ленинграда. Мама сразу же ответила отцу, что никуда не поедет, не повидав его.

Игорь не хотел уезжать. Была мысль пойти в военкомат, но как это похитрее сделать при его четырнадцатилетнем возрасте, он еще не продумал. Ждал отца — отец что-нибудь посоветует...

А дом постепенно пустел. Люди уезжали хмурые, озабоченные, торопящиеся и не замечавшие друг друга. Тот, кто вчера ругал уезжающих паникерами, сегодня сам принимался собирать вещи. В городе становилось все меньше людей, все тише. Даже в очередях стояли тихо, не толкались и не шипели друг на друга. Тихо двигались по улице непроницаемые патрульные, ломаным строем проходили красноармейцы или просто гражданские в темно-серой одежде, с мешками.

Генкин отец ушел в армию. Он уходил трезвый, помолодевший, чисто бритый и ему было весело. Или он делал вид, что весело — кто теперь разберет, когда его нет на свете?.. Они проводили колонну до вокзала. На прощание отец сказал Генке:

— Ты уже мужик здоровый. Станешь вместе меня к станку, если что... Я, брат, еще раньше начинал. Главное — береги мать. Ты же видишь, какие у нее нервы... Из-за меня, недоумка, — добавил он, виновато улыбнувшись матери. — Понял, сын?

Генка ничего не ответил, кинулся к отцу на шею, и Игорь видел, как он плачет.

Ольгин отец, интендант какого-то ранга, служил в морской части под Ленинградом. Раз в неделю он приезжал домой на служебной машине. Привозил продукты — навролочные с мукой, кульки с макаронами, консервы. Наталья Петровна делилась с мамой и просила не говорить мужу. Мама брала продукты, кивала, поджимала губы. Казалось, им обем стыдно...

Продуктов пока хватало. Ели нормально, три раза в день. Даже кисель или компот был на столе ежедневно. Все равно мама и Наталья Петровна подолгу стояли в очередях.

— Вы еще не знаете, что такое голод, — тихо и скорбно говорила мама.

Они уходили в магазин с утра. Игорь и Оля оставались одни в квартире. Уходили гулять, но воздушная тревога загоняла домой. А дома становилось печально. Разговоры не получались. О чем можно разговаривать с девятилетней девчушкой? В лучшем случае она что-нибудь спросит. А спрашивала Оля все реже... Игорь пытался учить ее играть в шахматы. Оля никак не могла запомнить ходы.

Когда первый раз стали стрелять зенитки, Оля схватила его за руку, зарылась лицом в диванные подушки... Потом она привыкла, перестала бояться выстрелов, и после тревоги они ходили собирать осколки. Сперва все собирали осколки, даже взрослые. Игорь видел, как семидесятилетняя Анна Павловна из соседнего дома, о которой говорили, что она бывшая княгиня и праправнучка фельдмаршала Барклая де-Толли, нагнулась, опираясь на толстую лакированную палку, подняла с земли осколок, рассмотрела его внимательно и положила в кошелку. Осколки были теплые и блестящие, с царапающимися, зазубренными краями.

К концу августа дом совсем опустел. Даже кошки, которых во дворе по самым умеренным подсчетам было пятнадцать штук — и те исчезли. Говорили, что дворник переловил их и съел. Кто-то будто бы видел, как он варил кошку в кастрюле. Из-под крышки торчал хвост. Дворник Алфей Макарыч — бородатый, неопрятный, угрюмый старик. Игорь верил, что Алфей съел кошек, а насчет того, что из-под крышки торчал хвост — не верил.

Генкиного отца убили. Приходила мать, надрывно, в голос плакала. Игорю стало не по себе, он забрал Ольгу и ушел на улицу. Генка почернел, стал курить. Его приняли на завод. По вечерам Генка сидел во дворе на скамье, согнувшись, свесив руки между колен, всегда с короткой черной трубкой в зубах.

Глаза у него были красные и слезились. Курил Генка чудовищно много. Раньше он был гордым, никогда ничего не просил. А теперь Генка клянчил табак у кого угодно, подбирал окурки. Игорь приносил ему папиросы. Дома лежало больше сотни пачек «Беломора» для отца — мама и об этом позаботилась. Игорь вынимал пинцетом по паре папирос и выносил Генке. Генка дрожащими пальцами ломал папиросы, набивал трубку, вдыхал дым и медленно выпускал его, широко раскрывая рот...

Мама не пустила Игоря на завод. Безрезультатно побывав в военкомате, он стал ходить рыть траншеи. По ночам во время тревог дежурил на крыше. С бойцами отряда ПВО проводил занятия молодой лейтенант в просторной не по росту гимнастерке и огромных сапогах.

— Что такое бомба? — задавал лейтенант вопрос и, подняв указательный палец левой руки, отвечал: — Бомба есть оперенный снаряд, сбрасываемый с самолетов или иных летательных аппаратов с целью поражения объектов!

Никому не становилось страшно. Подумаешь — оперенный снаряд, сбрасываемый с летательных аппаратов...

Немцы подходили все ближе, их самолеты рвались к городу все чаще и настойчивее. Проектора резали черное небо на остроугольные куски. К перекрестью лучей иногда прилипал маленький, совсем игрушечный самолетик. Стрельба зениток становилась звонче. Игорь знал, что брюхо самолета набито теми самыми оперенными снарядами. И хотя казалось, что летательный аппарат висит над самой головой — страха не было. Он еще не знал, что такое бомба.

3

Отец пришел неожиданно. Игорь не сразу узнал его, а мама вскрикнула и потом долго плакала, вздрагивая в руках отца. Игорю казалось странным — зачем плакать, если отец жив, вернулся домой? Наоборот, надо радоваться и смеяться.

Отец был в кителе с военными нашивками, высоких армейских сапогах. Непривычно было видеть его ноги обутыми в сапоги — тяжелые, корявые, давно не чищенные. Голова отца острижена наголо, а лоб перевязан несвежим бинтом. Мама осторожно трогала повязку, спрашивала:

— Саня, что это? Как же это тебя?..

Отец отводил ее руку, целовал и говорил громко:

— Пустяки, Катюша, пустяки.

Мама стала торопливо накрывать на стол. Отец потрепал Игоря за вихры, крепко пожал ему руку.

— Противовоздушной обороной занялся? Хорошо, мой мальчик...

Он раскрыл портфель, достал пять больших плиток шоколада.

— Все, что сумел сэкономить!

Отец развел руками.

— У нас всего достаточно, — сказала мама. — Ничего не надо было экономить. Ты мне, наконец, расскажешь, что у тебя с головой?

— За столом, — улыбнулся отец. — Дай сперва хоть ложечку шей проглотить. Хочу есть, как новобранец... А я и есть новобранец, — сказал он, посерьезнев. — Три дня назад мне присвоили воинское звание.

Игорь спросил:

— «Ладога» в Ленинграде?

Отец помолчал, потом ответил:

— «Ладоги» уже нет, мой мальчик.

— Ты был на ней, когда она тонела?

— К счастью, нет. Я плавал неподалеку и держался за ящик с печеньем.

Отец улыбнулся, а мама охнула и приложила ладони к глазам.

— Меня, подобрал «морской охотник» из конвоя.

— И на нем ты пришел в Ленинград? — спросил Игорь.

Отец покачал головой:

— Его расстреляли штурмовые самолеты. Мне повезло: я очутился на тральщике, сам не помню как.

— И на нем...

— ...Я подорвался. На mine.

Отец улыбался и сдвигал брови. Игорь уже не спрашивал.

— Меня подобрала шлюпка с эсминца «Могучий». Страшный был корабль. Три пробоины ниже ватерлинии, крен на правый борт двадцать пять градусов — а все идет, стреляет. Почти все командиры убиты. Кораблем командовал лейтенант из артиллерийской боевой части. А я стал за штурмана. Вел корабль до Кронштадта.

— Где ты теперь будешь служить? — спросила мама.

— Там же. Штурманом на «Могучем».

Она вздохнула, приложила к глазам край посудного полотенца.

— Садись есть...

После обеда отец заставил Игоря и маму съесть по целой плитке шоколада. Игорю все же удалось половину плитки утаить для Оли. Он ушел к ней, оставив отца с мамой вдвоем.

— Вот и твой папа приехал, — сказала Оля, поблагодарив за шоколад. — Теперь все хорошо. Только бы скорее разгромить немцев.

— Завтра отец уедет в Кронштадт, — сказал Игорь. — А «Ладогу» фашисты утопили.

— Я их всех ненавижу, — тихо и зло сказала Оля. — Каждый день все больше ненавижу. А за «Ладогу» в десять раз сильнее буду ненавидеть. Помнишь, ты мне обещал показать «Ладогу»?

— Помню, — вздохнул Игорь.

— Теперь я ее никогда не увижу... Знаешь, чего я сейчас больше всего хочу? Убить фашиста! Было бы мне четырнадцать лет, как тебе, я пошла бы на фронт.

Игорь положил руку на Олино плечо, улыбнулся:

— Не вышло бы, Оленька. Я пробовал.

— Да? — Олины глаза широко раскрылись. — А что тебе сказали?

— Сказали, что молод, — вкратце объяснил Игорь. — Послали рыть траншеи, зачислили в отряд ПВО...

— Ты хоть что-то делаешь для победы, — печально сказала Оля.

Она подошла к пианино, взяла несколько низких, не связанных друг с другом аккор-

дов, сильно хлопнула крышкой, повернулась к Игорю:

— А что твой папа привез из продуктов?

— Пять плиток шоколаду, — ответил он. — А что?

Оля опустила голову.

— А мой очень много привозит, — сказала она. — Где он столько берет, как ты думаешь?

Игорь кое-что думал по этому поводу, но не хотел говорить. Все-таки отец... Он только пожал плечами. Оля посмотрела на него в упор и зло сказала:

— А я думаю, что он берет нечестно. Работает интендантом, вот и пользуется... Может быть, мне заявить об этом в милицию? — тихо спросила она.

Игорь видел, что у нее дрожат губы. Что он мог ответить? Он подошел к ней, сел рядом на стул, взял ее за руку, спросил:

— Тебе тяжело из-за этого?

Оля вздрогнула, уткнулась лицом в его плечо. Она плакала. Игорь обнял ее, поцеловал пушистые светлые волосы.

— Не плачь, Оленька... Когда придет, говори с ним. Он перестанет.

Оля всхлипнула:

— И мама уже радуется, когда он приносит... Он ведь у бойцов берет, фашистам помогает!

Она зарыдала, вцепившись пальцами в его куртку. Он совсем растерялся и не знал, как ее успокоить. Самому хотелось зареветь или кого-то ударить... Он шептал:

— Успокойся, Оленька... Не надо... Все будет хорошо...

4

Становилось все хуже. Немцы окружили город. Еще двенадцатого августа ушел последний поезд — с ним Генка отправил мать. У них были родственники в Уфе. Сам он не поехал, несмотря на слезные уговоры.

— Отец завещал мне сберечь тебя и стать на его место, — твердо сказал Генка.

Мать покорилась и уехала одна.

Восьмого сентября немцы разбомбили Бадаевские продовольственные склады. Они горели медленно и долго, как бы нехотя. Днем пожар обволакивал небо коричневым дымом, а ночью над складами поднималось бледно-рыжее зарево. Хлебный паек уменьшился на половину. Школы не работали.

Тринадцатого октября шел первый, робкий еще снежок. Было тихо и безветренно. Они стояли у окна и смотрели на снежинки, которые падали плавно и медленно. Снежинки покачивались в воздухе, кружились, догоняли

друг друга и, соединившись, быстрее летели вниз, к земле.

— Асфальт совсем белый, — сказала Оля. — Даже то место, где проходит паровая магистраль. Игорь, ты помнишь, это место никогда не покрывалось снегом...

Он кивнул. Топить не будут, это уже ясно. Мама нашла мастера, который делает железные печки-буржуйки.

— Это насовсем зима, да? — спросила Оля.

— Первый снег всегда стаивает. Он не бывает насовсем.

— Тихо сегодня, — сказала Оля и отошла от окна.

В самом деле, сегодня удивительно тихий день — ни тревог, ни обстрелов.

— Очень тихо, — согласился Игорь. — Завтра мы с мамой пойдем покупать буржуйку.

— Какую буржуйку? — удивилась Оля.

Когда она удивлялась, ее синие глаза становились большими и круглыми, как у маленькой принцессы из сказки Андерсена... Игорь подумал, что Оля красивая. Была бы она постарше — он влюбился бы в нее. И еще — если бы не жили в одной квартире...

— Это такая печка, — объяснил Игорь, глядя в синие глаза. — Из железа, на четырех ножках. Буржуйку ставят посередине комнаты, а трубу выводят в форточку. Она греет, и на ней можно готовить.

Больше Игорь ничего не знал о печках-буржуйках.

— А моя мама тоже купит буржуйку? — спросила Оля и засмеялась. Ей понравилось новое слово.

— Конечно, — сказал Игорь, хотя и не знал, собирается ли Наталья Петровна покупать печку. — Не замерзать же вам зимой!

— Давай заводить патефон, — сказала Оля. — А то очень тихо.

Теперь, когда им приходилось подолгу бывать вдвоем в пустых и холодных комнатах, они заводили патефон каждый день. В тишине осажденного города, рассекаемой вдруг воем сирен и грохотом взрывов, каждый звук доносит до человека свой смысл полностью и без остатка. Веселая музыка звучала нелепо, издевательски. А грустная напоминала о боли, утратах и о смерти, которая притаилась рядом. Трудно было выбрать музыку, которая говорила бы ни о чем...

Ольга не могла слушать фокстроты, ту-степы и арии из оперетт. Она била эти пластинки и выбрасывала куски в форточку. Когда Игорь поставил «Калифорнийский апельсинчик», Оля сорвала пластинку с диска, швырнула на пол и растоптала.

— Нельзя слушать это, когда стреляют, — сказала она.

Снаряды рвались около, разрушая и убивая. Снаряд разорвался на углу. Там все годы, сколько Игорь помнил себя, чистил людям ботинки смешливый ассириец дядя Аббас. Его знали все, и он знал всех на улице. Все любили почистить у него ботинки. Отца Игоря дядя Аббас называл по имени-отчеству. Но когда отец садился на табурет в морской форме с золотыми нашивками, дядя Аббас обращался к нему почтительно: «товарищ капитан». На Игоря эта почтительность не распространялась. Его дядя Аббас называл Гарькой, а Олю — Лялечкой. Лялечкины туфельки он надраивал старательно и бесплатно...

От дяди Аббаса осталась лужа черной, полированной крови. Оля долго смотрела на кровь, на обломки голубой палатки чистильщика, разбросанные по булыжной мостовой. У нее было до синевы бледное лицо и сжатые в ниточку губы. Дул холодный ветер с Невы, трепал светлые, легкие волосы. Она стояла неподвижно, и только когда Игорь третий или четвертый раз позвал ее, оторвала взгляд от крови.

— Снаряд, это еще ничего, — сказал прохожий. — Это еще не бомба.

Дома Оля разбила еще два десятка пластинок, уткнулась лицом в диванную подушку. Игорь не успокаивал ее. Знал, что это бесполезно. От сочувствия и ласки Оля еще больше редела.

— Битье пластинок — это не форма протеста, — умно сказал Игорь.

Оля не откликнулась. Он собрал осколки и выбросил в форточку. Наталья Петровна не должна знать, что дочь что-то в доме портит. Вещи для нее были святы, даже никому не нужные.

5

Игорь завел патефон, поставил большую пластинку с арией Ленского, сел на диван. — А снег все идет...

Оля села рядом, прислонилась к нему плечом и головой.

— Про Ольгу поет... — сказал Игорь.

Он высвободил руку и обнял Олю. Так было теплее.

— Что такое дуэль? — спросила она.

Игорь объяснил, что такое дуэль. На этот счет у него были огромные знания, заимствованные из сочинений Дюма-отца и Луи Буссенара.

— Глупые люди, — сказала Оля. — Шли бы лучше фашистов убивать. А в меня весной

влюбился один мальчик из нашего класса. Его очень дразнили... Это стыдно, когда влюбишься, да?

Игорь не мог толком ответить на такой сложный вопрос. Сам не знал, стыдно это или нет. До пятого класса влюбленность считалась у них в школе крайне постыдным делом. В шестом многие не выдержали и влюбились. Влюблялись тайно и все делали для того, чтобы это было не заметно. Получалось наоборот.

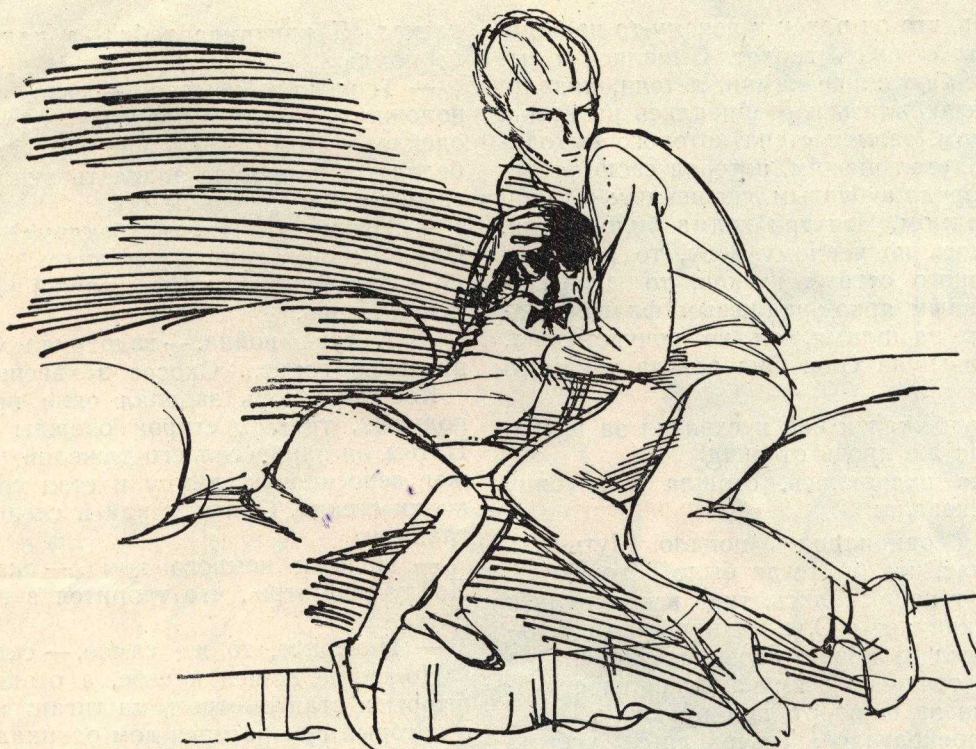
В седьмом классе выдержка кончилась. Начались записочки, провожания, прогулки по улицам, приглашения в кино и поцелуйчики в потаенных местах... Игорь сам досыта настрадался из-за девочки из параллельного седьмого «б» класса. Звали ее Эмма, и была она такой красавицей, что оставалось только ахать и разевать рот. На короткое время Эмма остановила свое внимание на его скромной особе — наверное, надоели более солидные кавалеры из старших классов. Несколько раз ходили вместе на каток. Игорь, ошарашенный своим счастьем, молчал, как пень. Кроме того, у него никогда не было денег на лимонад, так как в доме поддерживалась строгая финансовая дисциплина. Однажды они с Эммой сидели на лавочке и по обыкновению молчали. Игорь выбивал копытом ямку во льду. Подошел Вася Медников из десятого «а». Он пригласил Эмму кататься, сделав вид, что Игоря не существует на лавочке и даже на свете вообще. Эмма улыбнулась, пошла кататься и на лавочку больше не вернулась. Гасли фонари. Два сторожа, посвистывая в милицейские свистки, гнали с катка закатавшихся. Игорь все сидел и ждал. Несмотря на горячие чувства, он замерз, как собака. Впав в отчаяние, он отвинтил коньки и ушел с катка последним. А через месяц любовь прошла. Он здоровался с Эммой почти равнодушно...

— Не знаю, — честно ответил Игорь. — Наверное, ничего стыдного в этом нет, если не делаешь глупости и не унижаешься... Ведь некоторые под окнами стоят. Письма пишут... Только вот неудобно жить, когда влюбишься, — вздохнул он, вспоминая свое увлечение. — Все время в голове одна мысль, как заноза.

Кончилась пластинка. Он встал с дивана, поставил другую. На улице отвратительно звывали сирены.

— Все-таки прилетели, проклятые! — сказала Оля. — Ни одного дня без тревоги...

— Вот и нет тишины, — печально произнес Игорь. — Пойдем в убежище?

Он всегда спрашивал об этом, и Оля каждый раз отвечала:

— Не хочу. Там завалить может. Не выберешься...

— Ну не пойдем, — сказал Игорь.

Он снова сел на диван и обнял девочку. Оля прижалась к нему, закрыла глаза. Чудилось, что она спит. А патефон все крутился. Могучий бас, рокоча, звал какого-то нежного друга выйти и сообщал ему, что бил давно свиданья час. Потом бас хохотал, и в такт его хохоту, только на две октавы выше, шелкали зенитки. Игорь еще раз перебрал в голове числа. Вышло, что сегодня не его очередь дежурить на крыше.

— Игорь, я в тебя влюбилась, — прошептала Оля.

— Ну и хорошо, Оленьш. И я тебя люблю, — сказал Игорь и поцеловал ее волосы.

Несколько раз прогудели далекие, глухие взрывы. Оля вздрагивала, но не открывала глаз.

— Я тебя люблю так сильно... так сильно, как ненавижу фашистов, — сказала Оля. — Я тебя люблю сильнее, чем маму.

— Не говори так, Оленьш. Это разное.

— Почему разное?

Прогрохотал близкий взрыв. Задребезжали стекла. Пластинка давно уже кончилась.

Игорь встал и выключил патефон. Стемнело. В окно был виден кусок зеленого, прозрачного неба и темно-лиловые тучи вокруг него. Игорю вдруг показалось, что он слышит гул мотора. Зенитки хлопали чаще и звонче.

— Игорь, иди сюда, — позвала Оля, — мне холодно... Почему так громко стреляют?

Он понял, что ей не холодно, а страшно — одной в темноте слушать выстрелы и тонкое дребезжание оконных стекол, заклеенных перекрещенными полосками белой бумаги.

Он подошел, обнял Олю. Она снова породному прижалась, спрятала лицо у него на груди. И ему вдруг привиделось, что сейчас Новый год, и сидят они под елкой, увешенной подарками, и на елке вот-вот зажгутся разноцветные огоньки. Ему захотелось иметь такую сестренку, как Оленька, и он кошунственно подумал, что если Наталья Петровна почему-нибудь погибнет, он уприсит маму взять Олю в дочки...

В окне полыхнуло оранжевое пламя. По комнате заметались тени и рваные пятна света. Сердце его сжалось. Он крепче обнял Олю, загородил ее от окна. С грохотом полетели стекла и рамы, в комнату ворвался ветер. Что-то ударило его в лоб. Сразу же на глаза, на щеки полилось густое и теплое. Он поднес руку ко лбу и только тогда понял, что

это — кровь, что он ранен и почему-то не больно. Он стал слушать грохот. Сыпались и сыпались с неба тяжкие камни, летели, падали, катились, сшибались и разбивались на куски. Высокий дом, задняя стена которого выходила во двор, стал низким, потерял свою форму и теперь торчал зубчатым, скошенным с одной стороны холмом. Изнутри холма било пламя. Оно металось по черному небу, то разрывалось на много острых кусков, то колыхалось сплошным ярко-оранжевым флагом. Заглядевшись на пламя, он не почувствовал, как выскользнула Оля. Она встала у самого окна.

Игорь подбежал к ней и схватил за плечи: — Сейчас же прочь от окна!

Она тихо покорилась, отошла в глубину комнаты, сказала:

— В дом одиннадцать попало. Чуть-чуть бы — и в нас, что бы тогда было, Игорь?

Она вдруг пошатнулась, тихо вскрикнула и упала. Он кинулся к Оле, поднял легкое тельце и положил на диван. Его кровь падала на нее. Кровь текла по всему лицу, одна струйка протекла за шиворот, под рубашку.

Грохот прекратился. Теперь слышно было гудение пламени, треск, хлопучее шелканье зениток, какие-то далекие крики. Он подумал, что испачкает кровью Олин светло-коричневый свитер, взял полотенце и туго перетянул им лоб. Концом полотенца он вытер лицо и снова удивился, почему голова не болит.

Оля лежала неподвижно. Он не знал, что надо делать. Даже зажечь свет нельзя было. Наклонившись, он приложил ухо к ее груди — и ничего не услышал. Перепугавшись, Игорь стал перед диваном на колени, поднял Олин свитер, разорвал лямку рубашки и приложил ухо к телу. Он услышал сердце. Оно билось. Редко, едва слышно, но билось.

Он долго тер ей грудь, руки, виски — где-то он читал, что когда человек в обмороке, ему надо тереть виски. Но это не помогло. Игорь вылил ей на лицо стакан воды. Оля открыла глаза.

— Холодно, — сказала она, изменившимся, хриплым голосом. — Вытри мне лицо... А я помню, как падала, — сказала она, когда Игорь укутывал ее одеялом. — В глазах стало темно, голова закружилась и стол от меня

поехал. Я крикнула тебя — а дальше ничего не помню.

— И не надо помнить, — сказал Игорь. Он положил ей под голову подушку, поправил одеяло. — Лежи спокойно. Я приберу этот бедлам и попробую заделать окно. Надо его занавесить и зажечь лампу.

— Игорь, что такое «бедлам»? — спросила Оля не своим, хриплым голосом.

— Знаменитый сумасшедший дом, — объяснил Игорь.

— А тут война, — вздохнула Оля. — Как противно горит... Скорее занавешивай окно.

Кое-как Игорь заделал окно при помощи подушек, тряпок, старой одежды и гвоздей. Потом он занавесил его тяжелой шторой, зажег керосиновую лампу и стал собирать осколки стекла. Оля молчала и следила за ним глазами.

— Полежи немного дома, — сказал он. — Пойду посмотрю, что творится в нашей комнате.

— Наверное, то же самое, — сказала Оля.

Но он не пошел к себе, а отодвинул угол шторы и стал смотреть на гигантский костер, в который превратился дом одиннадцать. «Вот тебе и оперенный снаряд, сбрасываемый с летательных аппаратов», — думал Игорь. Зенитки уже шелкали где-то далеко, едва слышно. Он вспомнил, что он боец отряда ПВО, и эта мысль хлестнула его, как плеть. Игорь вышел в коридор, надел пальто и кепку. Заглянув в комнату, он сказал:

— Я пойду туда. Наверное, там нужна помощь.

— А я? — спросила Оля, приподнявшись.

— А ты спи, — сказал Игорь.

— Нет, я с тобой! — крикнула Оля, спустила с дивана ноги и сунула их в туфли.

— Сумасшедшая! — сказал Игорь. — Там и без тебя забот хватит. Зачем там дети?

— Нет, я пойду! — крикнула Оля. — Может, там и моя помощь потребуется. Куда ты, туда и я. Да, Игорь?

— Безумная девчонка, — сказал он и пропустил Олю в коридор.

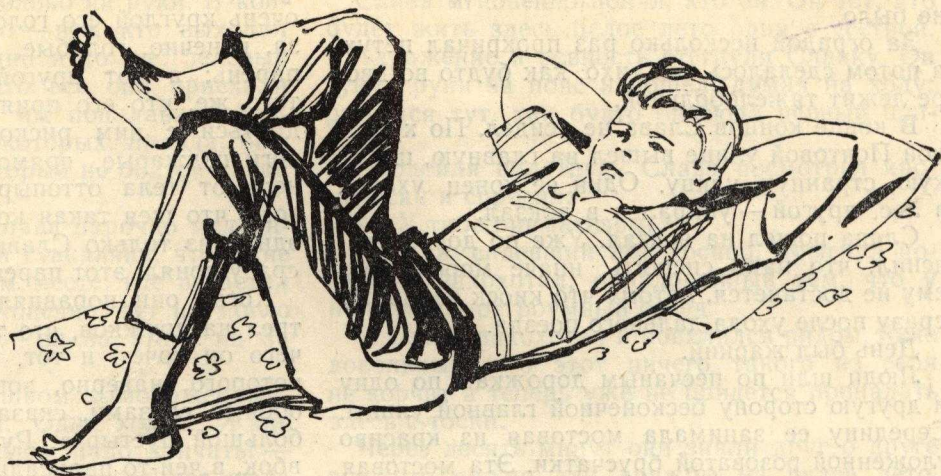
Оля быстро оделась, они вышли на лестницу и, не запирая двери, побежали вниз. Он широкими шагами шел через двор к воротам. Оля бежала за ним.

— Может, там и моя помощь потребуется... — повторяла она.

ЛЕТО ВСЕ ВПЕРЕДИ

Ричи Достан

Рисунки Н. Харкевича

Ранней весной у Славы родилась сестра. Поначалу он и не подозревал, какие перемены это событие внесет в его жизнь... — Об лагере о своем... и не надейся! — сказала мать.

Слава скулил, грубил, а по-маминому вышло — на дачу его повезли.

Проснулся он на этой даче и лежит.

Ему бы выскочить во двор, осмотреться, поглядеть, какой на вид этот Сосновый Бор, но Славе все равно, куда его привезли и где он будет жить. *С дитем заодно, шоб денег меньше вышло.*

Он лежал, опечаленный и злой. Память бередила душу...

Бегали его дружки по дорожкам, посыпанным битым кирпичом, пахло шиповником после дождя, и на высокой мачте, в небе очень голубом, стреляло выцветшее лагерное знамя.

Все было хорошо в те недавние времена. Летом — лагерь. Зимой — школа, дом. В доме — жизнь приятная и понятная. От самого рождения, казалось ему, Слава знал, что, кроме него самого, мамки, бати, да еще тети Клаввы-соседки, которая тоже из-за своего Васечки *кому хошь голову оторвет*, все остальные *паразиты, гады и кое-кто еще!*

Зная это, ориентироваться в окружающем мире было легко, и забота тогда у Славы была одна — как бы у кого не оказалось того, чего у него пока нету. Вот он и зыркал по сторонам — прислушивался, высматривал, а потом ныл, подражая голосу своей матери, которая не было дня чтобы не выговаривала отцу: «У их это вот есть, а у нас нету. А мы,

чай, не хуже их!» Батя отвечал добродушно: «Погоди маненечко, будет холодильник и у тебе». Или: «Будет пылесосина и у тебе».

«По-о-осмотрим, — злорадно думал Слава, одеваясь, — сейчас посмотрим, что я буду иметь вместо лагеря». Вместо ребят, с которыми вырос, вместо реки, леса. Лагерь он любил, как любят свой дом, даже если он и поднадоел.

Вышел Слава во двор, осмотрелся и сплюнул в песок. Вот это да! Во дворе торчало несколько сосен, и все. Они были прямые и тонкие с очень маленькими кронами, которые даже не шумели на ветру, хотя утренний ветер раскачивал их; в жару и тени от них, наверное, никакой. Голый какой-то этот двор. Ни кустика, ни травы — кругом сплошной крупный желтый песок, пересыпанный сосновыми иглами. Слава смотрел себе под ноги и не понимал, как так может быть, чтобы не было земли?

Двор Славе не понравился. На другом его конце, за тонкими соснами виднелся некрасивый кирпичный дом — очень приземистый и крепкий. Батя вчера говорил — хозяин с хозяйкой в нем живут. А этот новый, подле которого он стоит, батя говорил, построила хозяйская дочь, но ей пока некогда в нем жить — сна где-то пока ездит.

«Это и есть дача? — уныло размышлял Слава. — Снаружи обшита вагонкой, изнутри за чем-то вся оштукатурена?! Потом, для чего два крыльца с двумя верандами, величиной с милицейскую будку?!»

Он посмотрел на соседнее крыльцо. Какие-то люди сняли вторую половину дома для своих детей, а сами будут приезжать сюда по субботам, так батя говорил. Слава этому не

Отрывок из романа «Тревога». Роман будет опубликован в журнале «Звезда» № 1, 1966 г.

поверил, тем более, что пока там никого не было.

За оградой несколько раз прокричал петух, а потом сделалось так тихо, как будто во дворе лежит тяжелобольной.

В конце концов Слава не устоял: По короткой Почтовой улице вышел на главную, широкую, странную улицу. Один ее конец уходил в лес, другой — упирался в вокзал.

Слава пошел на вокзал. Уже по дороге выяснил, что надо спешить, иначе мороженого ему не достанется, потому что киоск запирают сразу после ухода дальнего поезда.

День был жаркий.

Люди шли по песчаным дорожкам по одну и другую сторону бесконечной главной улицы. Середину ее занимала мостовая из красиво уложенной розовой брусчатки. Эта мостовая была выше песчаных дорожек, заменявших тротуары, она круглилась. Между дорожками и мостовой тянулись глубокие канавы, поросшие травой. Это Славе понравилось. У перекрестков над канавами висели бревенчатые мостики.

За несколько кварталов до вокзала стали встречаться едоки мороженого. Он обратил внимание на двух парней, даже пожалел, что поздно идет туда, откуда возвращались они. С этими можно было заговорить. Один — типичный Вовка. Можно поспорить, что его Володей зовут.

Для своего возраста пухловат. Волосы цвета пыли. По характеру — шляпа. Потому что кто даст подстричь себя под машинку? А это

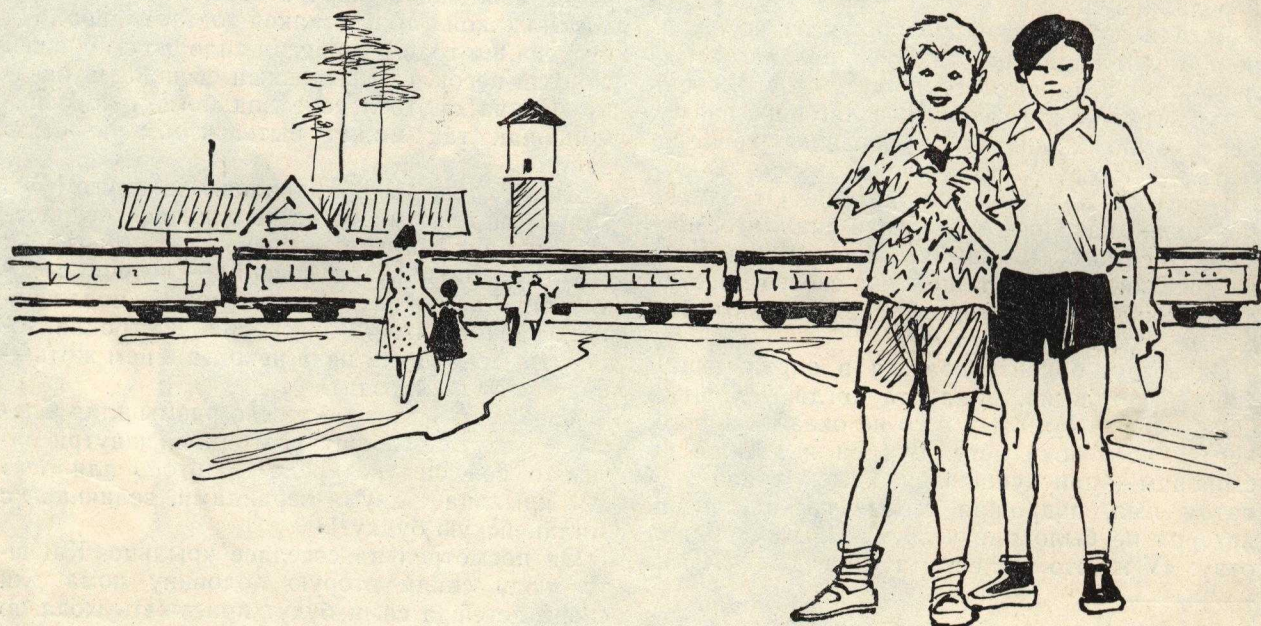
факт, хотя теперь подросшие волосы стоят на очень круглой его голове ровным пухом. Глаза, конечно, голубые, в общем — нормальный парень; а вот другой — роста он примерно того же, что его приятель и сам Слава, но драться с ним рискованно. Грудь мощная, ноги поджарые, прямо боксер, даже руки у него от тела оттопыриваются, может, из-за того, что шея такая короткая. Потом глаза — один раз только Славка встретился с ними и сразу понял: этот парень все может!

Когда они поравнялись, Слава так посмотрел на дружка, что те моментально поняли, чего он хочет, и тот, первый, обыкновенный, которого, наверно, зовут Вовкой, подмигнув обоими глазами, сказал: «Приходи потом на большой пустырь». Рукой он указал куда-то вбок, в чей-то палисадник.

Славе надо бы спросить: «А где большой пустырь?», но он не остановился, хотя знал, что потом пожалеет. Он только ускорил шаг, забеспокоился, а вдруг закроют киоск или кончится мороженое.

Когда до вокзала оставалось совсем немного, Слава перешел на бег, но эти двое и большой пустырь не выходили из головы.

Пришла электричка и перегородила путь. Слава нервничал. На платформу из всех вагонов одновременно стали выскакивать борзатые парни с громадными рюкзаками и девушки разной толщины, но все в одинаково тесных брюках. За ними медленно стали вылезать пожилые люди с авоськами. Слава боялся, что ему не достанется мороженого. От

нетерпения он смотрел только на руки. В конце концов стало смешно — все, кто выходил на платформу, несли одно и то же: зеленый лук и батоны. Как будто все они приехали сюда с одной елки, где им понадавали одинаковых подарков. У некоторых, правда, был еще торт «Сюрприз», который не боится давки и жары.

Весь обратный путь Слава нарочно медленно обкусывал вафельный стаканчик, чтобы не скучно было идти. В том месте, где встретил дружков, остановился. Конечно, тут не могло быть никакого пустыря — ни за этим, ни за другими домами.

Мороженое было слишком замороженным, поэтому не имело вкуса. Один холод. Жаль стало денег. «С этим делом надо кончать! — решил он. — Не для того я согласился сюда ехать!»

У каждого человека, как бы он мал ни был, есть свои способы мирить себя с неизбежным. Слава еще в городе решил: раз мать с отцом сэкономили на путевке в лагерь, то за это он должен что-то иметь!

У Славы давно были «свои» деньги, но сперва он им значения не придавал, даже злился, когда мать посылала его к утильщику с костями, вынутыми из супа, когда заставляла таскать дрова одной старушке, конечно, за деньги, которые мамка отдавала Славе. Он их бросал в коробку из-под халвы. А потом, как-то совершенно для себя неожиданно, Слава понял, что имеет право тратить «свои денюжки» как хочет, и это ему так понравилось, что он стал тянуть «денюжку» со своей мамки.

Предположим, просит она сходить на чердак. Слава — пожалуйста! Раньше он ходил с ней и гордился, чувствуя, что мать боится одна ходить на темный чердак. Потом, когда поумнел — то шел, но за это ему кой-чего полагалось. Мать удивлялась, а как-то даже похвастала отцу, что сын у них с башкой — с матки деньги дерет, да еще торгуется!

«Башка» у Славы, действительно, работала. На свои «денюжки» он покупал только то, что родители сами ни за что бы не купили. Карманный фонарик, например. В городе он ведь действительно не нужен. Или клизмочку — такую маленькую, круглую. Их делают из очень толстой резины, и, если отрезать наколечник, получается замечательный мяч для игры в хоккей!

Становилось по-настоящему жарко.

Он плелся к дому, понунив голову. Калитку открыл пинком ноги, вошел и увидел — парень сидит под сосной. До пояса зачем-то засыпал себя песком — наружу торчат только босые ступни.

Слава мгновенно понял, кто он. Он тот, кто будет жить здесь целое лето один с сестрой. Раздражение и ревность стегнули Славу. Он сунул руки за пояс и пошел, думая на ходу: расселся тут, как будто он сюда первый приехал...

Подойдя вплотную, Слава посмотрел иронически и спросил:

— У тебе ривматизъм?!

Парень, сидевший под сосной, дрыгнул ногами и захохотал, обрадованный тем, что у него такой остроумный сосед.

И Слава захохотал и повалился рядом, тоже довольный, что этот ничего такого из себя не корчит и теперь уже не придется пропадать здесь с тоски.

Через десять минут они знали друг о друге все, что нужно для дружбы на целое лето, а может быть, на целую жизнь.

На крыльце появилась Славкина мать. Молча поглядела на сына и снова ушла в дом. Сын был тут, а остальное не имело никакого значения. Она и не подумала поинтересоваться, что за дети живут у нее за стеной. Не было у нее такого *обычая* знакомиться с людьми. Надо будет, сами заговорят. Не надо — «фик с ими со всеми!»

В тот момент, когда Костя и Слава, лежа на животах друг против друга, выясняли, у кого рука сильнее, из открытого окна донеслось:

— Костя, что такое муфлон?

Хотя Костина сестра появилась, наконец, в окне, понять, какая она, Слава не мог, потому что из окна во двор свешивались темные длинные волосы, которые закрывали ей все лицо, кроме белого игрушечного носа и такого же игрушечного рта. Глаза угадывались по блеску, как у нестриженого пуделя.

Девочка откинула назад волосы и совершенно немыслимым голосом, медленно и повелительно, сказала:

— Я жду ответа, Константин!

Слава всматривался в белое, маленькое, высоко поднятое лицо и ничего не понимал. Девчонка вся задеревенела и смотрела не на них, а куда-то вдаль.

«Она сумасшедшая», — быстро подумал Слава и взглянул на Костю, который в это время извивался на песке, издавая странные стоны: «Ой, Вилка, ой, мамочка!» Потом как вскочит, как закинет голову! И тоже задеревенев, странным, повелительным тоном изрек:

— Подбери патлы, о Виктория!

«Оба психи», — растерянно подумал Слава. В комнате что-то грохнуло. Девочка испугалась, а из окна стали доноситься слабые пiski — она там тоже корчилась от смеха.

Заметив недоумение на Славкином лице, Костя пояснил, что это такая игра, которую они только что с сестрой придумали...

Слава ничего не понял. А Костя до того подробно начал пояснять, что Славу зло взяло, но вида он не подал. Выходило, будто брат и сестра таким вот манером передразнивают свою ученую бабушку, которая будто бы больна и поэтому они свободны от тирании, что будто бы это первый раз в жизни такое счастье, когда они могут не есть с утра до вечера виноград в какой-то там Молдавии, где жуткая жара и сплошные мухи, и что вроде папаша ихний заявил ихней бабушке, пусть, мол, дети лучше совсем не дышат чистым воздухом, пусть лучше едят асфальт, но пускай знают,

что такое свобода... В общем, ерунда какая-то! Слава делал вид, что слушает, и ни единому слову не верил.

Через некоторое время с крыльца сошла высокая, худенькая девочка, причесанная на две косы. Она шла к ним, засунув руки в большие карманы халатика. Она была такая узкая в поясе, что Слава подумал с насмешкой: «Две недели ничего не ела!»

Когда она была уже в двух шагах, Костя сказал:

— Знакомься, моя сестра Вилка.

Девочка протянула Славе руку. Сказала «Вика» и опустилась между мальчиками на песок.

Слава не привык к церемониям, молча двинулся до ее ладони и, сразу надувшись, стал глядеть себе на ноги. Он был уверен, что Костя так по-дурацки назвал сестру, чтобы посмеяться над ним. Откуда Слава мог знать, что это была одна из легальных форм борьбы все с той же бабушкой, не ленившейся повторять раз и навсегда созданное ею изречение: «Исключи из своей речи этот жаргон!». А Костя на радость всем «не исключал».

— Ну? — сказал Костя.

— Вот именно! — сказала Вика.

Слава угрюмо молчал, не поднимая головы. Он чувствовал себя лишним.

— Сходи ты сегодня за молоком, — сказал Костя.

— Пожалуйста, — сказала Вика. — Но куда?

— Папа обоим, кажется, объяснял.

— Хорошо, — мирно отозвалась она, — но если я не найду, на поиски отправишься ты.

Вика начала лениво подниматься. Встав на колени, она приложила ладонь к Костиному лбу, как будто он был больной, и строгим голосом сказала:

— По-моему, ты перегрелся.

— А по-моему, нет!

Он не отдернул голову, как этого ждал Слава, и не сказал ей «отцепись», когда она поправила волосы, падавшие ему на нос.

Слава иронически скривил губы: было ему и по-мальчишески противно, и что-то кольнуло в то место, где он обычно ощущал зависть.

Когда Вика скрылась за калиткой, они заговорили опять.

Сначала они говорили про свои школы, потом Славка стал зачем-то рассказывать про дворовую собачонку Шайбу. Потом Костя тоже вспомнил одну историю про собаку. Будто чей-то папа служил после войны в Германии и привез оттуда громадного пса странной породы. Если перевести название этой породы с немецкого на русский, получалось «проволочный волос».

Слава слушал Костю рассеянно. В его мыслях все время торчал тревожный вопрос: «На самом деле эти двое будут жить одни или все-таки не одни?»

Вика очень долго ходила за молоком, и все это время Слава надеялся, что из ихнего окна вот-вот высунется толстая тетечка и заорет: «А ну, марш домой!»

Дождался он совершенно другого. Его мать выглянула из своего окна и крикнула:

— Слава, куда ты мыло личное девал?

На этот раз удивился Костя: «Зачем каждому свое мыло?» В голову ему, конечно, не пришло, что речь идет о мыле для лица и что Славина мать пользуется родным языком, как домашней утварью, выбирая слово, которое сподручнее.

— Там лежит, — завопил через весь двор Слава.

— Чего глотку дерешь, иди и найди! — был ему ответ из окна.

Слава сбегал домой и вернулся. Лицо его выражало брезгливость и гнев. Для того что-

бы выглядеть перед Костей мужчиной, он оглянулся на дом и бросил через плечо:

— Тоска собачья с ими... будут теперь все лето мозги вынимать!

— А я нашла, — послышалось от калитки. Вика несла на вытянутой руке бидончик. Подойдя к ним, она весело спросила:

— Молока хотите, мальчики? Оно холодное. Оно висело в колоде.

— Хотим, — ответил за обоих Костя.

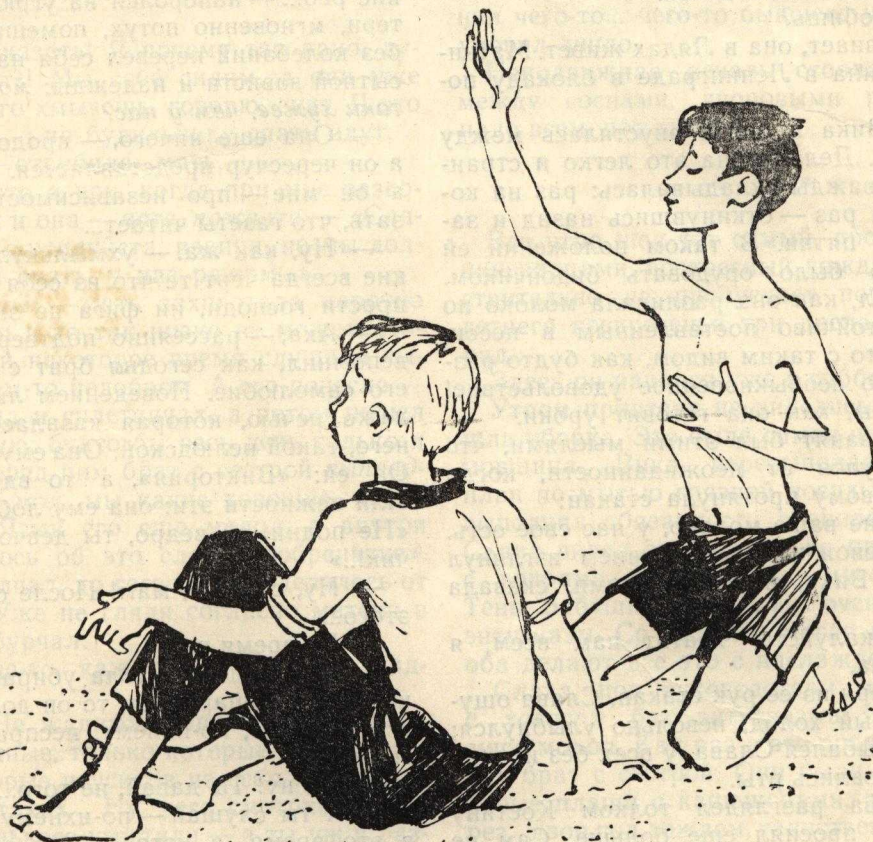
Вика поставила бидончик в песок и побежала за стаканами.

Славе очень приятно было, что она сказала «мальчики». Он уже забыл про свою мать. Глянул на Костино окно и с надеждой в голосе спросил:

— Сколько вас тут будет жить?

— Вдвоем мы будем жить, — ответил Костя, и от полноты чувств шлепнул себя по голым коленкам. — Мы, как негры Танганьики, наконец-то получили независимость...

Слава аж покраснел. Ему показалось, что этот издевается: при чем тут какие-то негры? Вслух он сказал угрюмо:

— Я тебя по-человечески спрашиваю.
— Честное слово — это правда! По субботам будет приезжать мама. Папа не всегда, он в этом году очень занят.

— А что вы целую неделю будете рубать?
— О, летом это не проблема, — с удовольствием повторял Костя слова отца. — Мы будем вести растительный образ жизни.

— Траву, значит, будете есть?!

— Вот именно! — Костя с восхищением посмотрел на нового товарища, который все больше радовал его грубоватым своим остроумием.

Слава тоже ухмылялся про себя, думая, что не дает слишком *выпендриваться* этому, хотя в том месте, где у него находилась зависть, все время покалывало: его бы *ни в жисть* не оставили одного, даже на неделю.

— И сколько? — спросил он как можно небрежнее.

Костя не понял.

— До которого времени будете тут жить?

— А!.. До двадцать седьмого августа... А у тебя бабушка есть?

— Ну, предположим, есть...

— Ты ее любишь?

— Шут ее знает, она в Лядах живет. Маткина мать. Батина в Ленинграде в блокаду померла.

Подошла Вика и опять опустилась между ними в песок. Делала она это легко и странно. Как бы дважды складывалась: раз на колени, второй раз — откинувшись назад и заваливаясь на пятки. В таком положении ей очень удобно было орудовать бидончиком. Слава смотрел, как она разливала молоко по стаканам, устойчиво поставленным в песок. Делала она это с таким видом, как будто разливать молоко необыкновенное удовольствие! Посмотреть бы, как она готовит уроки.

Слава так занят был этими мыслями, что даже отшатнулся от неожиданности, когда Вика ему первому протянула стакан:

— Зачем мне ваше молоко, у нас свое есть.

Костя с тревожным подозрением взглянул на Славу. А Вика, пожав плечами, сказала простодушно:

— Пей, пожалуйста, хватит нам всем, я много принесла.

Неохотно беря из ее рук стакан, Слава ощутил упоительный холод, невольно улыбнулся; ну, а когда улыбался Слава, у всех без исключения растягивались рты.

Тут-то Слава разглядел толком Костину сестру, отчего просиял еще больше. Сам не понимая зачем, он чокнулся с нею, потом бережно описал полным стаканом по воздуху круг, по пути чокнулся с Костей, сказал: «Об-

шего здоровья желаю» и принялся, наконец, глотать, по-пьянцовски запрокинув голову.

Брат и сестра хохотали так, что это скорее напоминало рыдание. А когда вошедший в роль Слава сказал: «А ну, наливай по второй!» — Костя окончательно убедился, что новый их приятель — отличный парень.

Долго еще сидели они втроем. Сыпали стаканами на ноги себе горячий песок... Блаженными были эти стаканы сыпучего зноя: минуты молчания и тишина, которая падала ломкими медными иглами с неподвижных сосен.

Поздним вечером, от полноты счастья, пережитого за день, Слава и дома не мог стянуть рта, до онемения растянутого в улыбке. Сегодня он снова неистово любил жизнь, свою мамку и все остальное подряд и без разбора.

Стол под локтями был — молодец! И табуретка под Славой — тоже, не говоря уж о докторской колбасе, которая всегда молодчина!

Наверно, потому не услышал он придирки в тоне матери, когда спросила вдруг про *этих, как их?*

— Во! — сгоряча ответил он, — мировецкие реб... — напоролся на угрюмый взгляд матери, мгновенно потух, помешкал чуть, и уже без колебаний перевел себя на ее волну ненависти и надежды: *может, у их все ж таки хуже, чем у нас?*

— Она еще ничего, — продолжал Слава, — а он чересчур представляется. Я его про одно, а он мне — про независимость, хочет показать, что газеты читает...

— Ну, как же, — ухмыльнулась мать, — такие всегда черт те что из себя корчут, а сами, прости господи, ни фиги не знают.

— Аха, — рассеянно подтвердил Слава. Он вспомнил, как сегодня брат с сестрой задели его самолюбие. Поведением ли, видом своим, даже речью, которая казалась нарочно, для него, такой нелюдской. Она ему: «Константин!» Он ей: «Виктория», а то вдруг — «Вилка!». Или нежности эти: она ему лоб щупает, он ей: «Не поднимай ведро, ты девчонка, а не грузчик!..»

— Ну, слушай, мам! После обеда, во время этого...

— Во время чего?

— Ну, когда со стола убирает или тарелки кипятком ошпаривает, то он должен ей читать вслух, иначе, по-ихнему, несправедливо, понимаешь?

— Да ну! Ты давай, не того...

— А ты слушай — по-ихнему считается, что в это время, в которое она моет, она тоже могла бы читать, а раз она не может мыть посуду и читать, то, по-ихнему, ей больше достаётся этих... да, вспомнил, тяжестей быта.

— Пхе... — ответила на это мать. И у Славы аж заиграло все внутри. Он опять жадно упивался домом, который уже был тут, в чужой неуютной комнате, потому что в ней была его мамка и весь этот громкий, энергичный *хавос*, который она ругала для вида, а на самом деле ей тоже было это сподручно и хорошо. Иногда Слава удивлялся, как легко находит она нужную вещь в таком беспорядке!

— Ты слышишь, ма?!

— А что же я делаю, я слушаю, уморил ты меня хлюпиками своими... говоришь, двойшки они?

— Наверно — сами называют себя близнецы.

— Так это же одно и то же.

И Слава опять почувствовал зуд высмеивания. Больше всего задевала эта их манера мудрено говорить. Чуть что — «пожалуйста». Что ни спроси: «да, конечно», — нет, чтобы сказать «на» или «бери!».

— Слышь, ма! Я почему, как думаешь, так рано пришел?

— Хорошее рано — в десять.

— А чего?

— А ничего.

— Ну дай сказать! Я почему так рано, думаешь, пришел?! Мы себе сидим, а они уже ведь спят... Чего хмычешь, говорю, спят. Я это и хочу сказать — по будильнику спать идут.

— Врешь, — отрубил мать.

— Почему это я вру, когда при мне зазвонил будильник и она — *нате, пожалте*: — «Славочка, ты нас, пожалуйста, извини, но мы должны ложиться спать, у нас режим...»

— Да иди ты! — мать захохотала нарочно на низах. Отец и то так низко не может. Потом осеклась и некоторое время слушала сына, думая о чем-то недобром. А его понесло — он и ехидничал и сплетничал, а потом пошел врать напрямую, будто бы весь день только и делали, что перед ним брат с сестрой *выпендривались*, вот, мол, мы какие хорошие, какие добренькие... Язык его еще молот, а внутри что-то запнулось об это слово «добренькие». Он даже замолчал, до того тошно сделалось от самого себя. Уже не глядя согласно матери в глаза, он пробурчал:

— А вообще-то, кажется, правда, не жадные.

— Ужли? Не жадных, сыночка, не бывает. Все люди жадные, только которые признаются честно, а которые исусиков из себя изображают. Знаем и таких... Ну, чего смотришь? Молочком бедненького угостили — а ты уж и размямлился.

Слава покраснел, а когда лицо, наконец, остыло, от хорошего настроения ничего не

осталось. Он взглянул на кровать. Оттуда слышалось покряхтывание ребенка. Мать встала и пошла с нежными причитаниями, а он остался у стола, не понимая, на кого это так жутко зло берет, что взял бы да шарашнул чем попало в стенку.

— Иди, сынок, погляди, какая у тебя сестра красавица!

Слава медленно встал и вдруг как рванет к двери, как вывалится из душного от горячей еды и присутствия младенца вечера в просторную ночь.

В первые минуты ночь показалась темной и напряженной, а когда постоял, то увидел, что она прозрачна и успокаивающе светла: виден цвет крыльца, стволов. Потом глаза его потянуло под ту сосну, и он сразу увидел изрытый песок. В ямках поглубже была тень, похожая на дым, который не рассеивался.

Слава долго и бездумно всматривался, определяя, где кто сидел. Потом захотелось понять, отчего так печально выглядят мягкие тени в песке.

Потом он устал не понимать и тогда почувствовал, что снова присутствует при повторении чего-то... чего-то бывшего уже с ним... Не уловил, ушло.

Неподвижная печаль стояла в просветах между соснами, дворовыми постройками и надо всем, что выше.

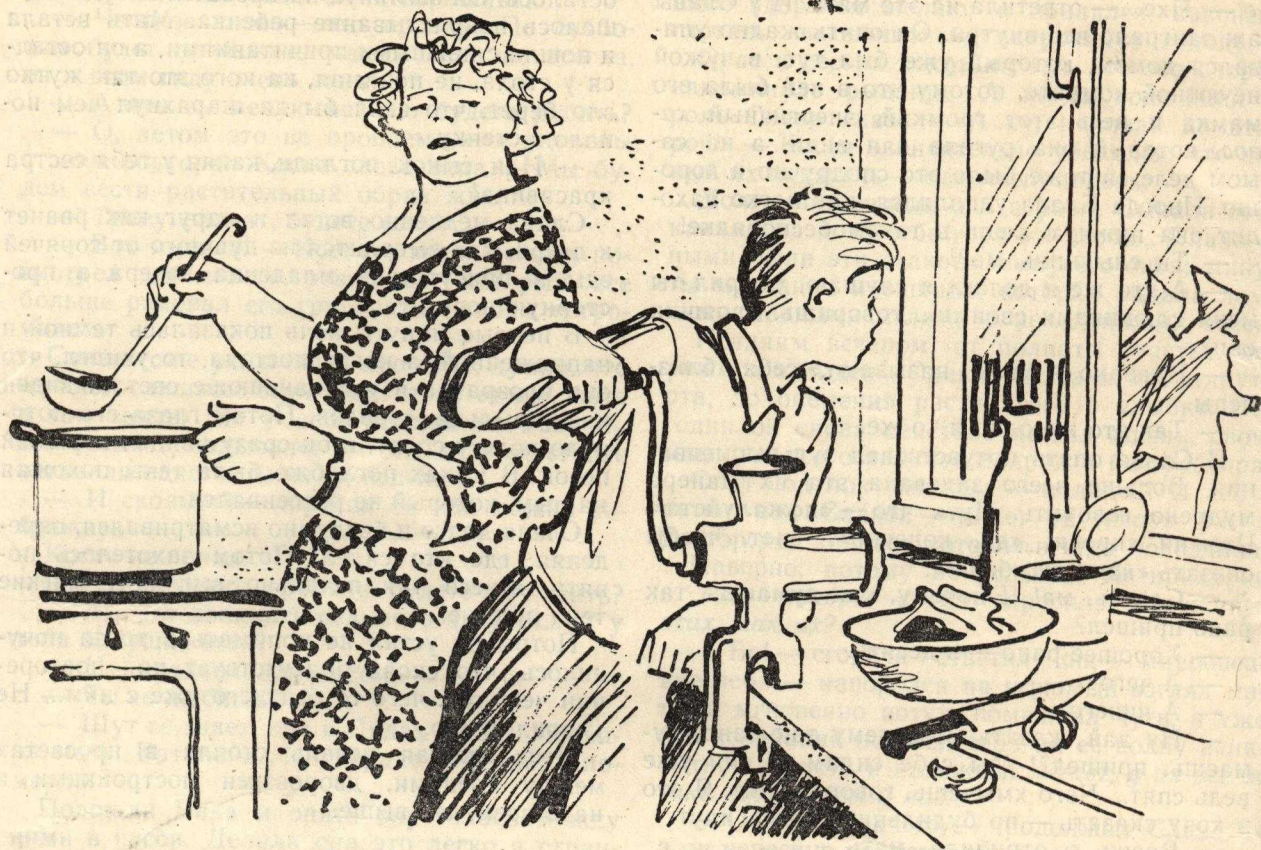
* * *

Все утро шел тот самый, проклинаемый ленинградцами, воскресный дождь, который действительно не пропускает почти ни одного летнего воскресенья три последних года подряд.

Здесь он начался уже в субботу.

Утром приятели не виделись. У Кости-Вики шла уборка. Это была самая настоящая штурмовщина. Вика перевыполняла недельный план по мытью грязной посуды и пола. Костя выполнял обязанности разнорабочего, и если Слава видел его издали, то преимущественно с ведрами, половиками, мусорным ведром. Тень бабушки Виктории очень подогревала энтузиазм. Со стороны могло показаться, что оба делают все это с наслаждением.

Слава, под руководством матери, боролся с *хавосом* без энтузиазма. Охотно только мясо молот. Как раз в это время ушли на вокзал брат с сестрой. Они были одеты в одинаковые плащи с капюшонами. Они прошли через двор под дождем, таинственно незнакомые. Они уходили в свой вежливый мир, где будут встречать отца и мать, и все это будет как в кино — отчужденно-красиво!

Слава смотрел через дождь это «кино», вхолостую вертя ручку мясорубки.

...Подходила блестящая от дождя электричка, две высоких фигуры в плащах с капюшонами выходили на красивый пустой перрон и двум маленьким фигурам кланялись, нагибая капюшоны. Потом медленно подавали руки. Потом молчаливой цепочкой, один за другим шли и шли куда-то, где специально для них моросил красивый, как в кино, дождь...

— Сдурел ты, что ли? Мясо лежит, а он черт те что мелет...

Не почувствовал Слава, что за спиной уже давно стоит его мать и угрюмо смотрит туда, куда он, а там ничего нету!

Приезд отца неожиданно превратился в праздник. Мать волновалась и вообще была на взводе, потому что пришлось разрываться между обедом и *дитем*, чересчур, по мнению Славы, любимым. Пусть подрастет, тогда посмотрим, какая польза будет от него.

А мать, к случаю и не к случаю, говорила: — Приедет отец — посмотрит, как доча выросла тут без него.

Слава хмыкал про себя.

Не он один прощал родителям глупости, которые те всерьез говорят. Ну кому это не ясно, что дите не утенок и за неделю ему не подрасти.

У Славы были свои волнения. Первый раз в жизни он встречал сам, и не в толпе ребят у ворот лагеря, а расхаживал по перрону один, поглядывал вдаль, туда, где сливаются рельсы. Одна за другой приходили оттуда электрички. Четыре он уже пропустил, а бати все не было. От этого непривычно-радостного ожидания втрое Слава обрадовался, увидев бату, а потом всю дорогу был ему благодарен за то, что тот не знал, где они молоко берут, где овощной ларек, где гастроном.

— Вот в этом сером где я молоко беру.

— Молодец, сын.

— Смотри, видишь, ларек?

— Вижу ларек.

— Не думай, он такой паршивый на вид, зато в нем яички часто дают.

— Молодец, сын...

Слава огорчился. Молодец был ларек, а батя где-то витал, он улыбался весь путь и отвечал сыну, не слушая и не думая — просто глазел по сторонам, и все ему очень нравилось.

Две громадных авоськи, набитые чем-то, нес отец. Что в них, Слава не посмел спрашивать, но всю дорогу радостное предчувствие щекотало в желудке. И щекотало, оказывается, не зря. Китайские кеды батя ему привез, чтобы по лесу ходить, когда сыро. А матери кастрюлю, но не простую, а из стекла — на огонь ее можно ставить.

Мать блеснула глазами, хлопнула себя по ноге, потом подняла кастрюлю, поглядела сквозь нее на свет, потом пошла с нею к накрытому столу. Слава смотрел и ждал, когда, наконец, она скажет то, что всегда в таких случаях говорила, и дождался! Потеснив тарелки, мать поставила подарок, как вазу, посреди стола и сказала:

— Отец у нас заботливый, прям-таки, как крот, все в дом тащит.

С большим удовольствием выслушал это Слава, потому что сам не знал, как благодарить отца за кеды. Он, конечно, сразу их надел. Они были синие с волнующе белыми шнурками. От этих белых шнурков просто свет шел, а вещь казалась нового новей.

Потом, во время сидения за столом, которое длилось до вечера, Слава, объедавшийся домашним своим очагом, вдруг начал прислушиваться. Тихие голоса из-за стены будоражили зависть к чужому недоступному счастью. Хорошо еще, что дома так хорошо.

Отец после маленькой с пивом всегда разнеженно сиял, но сейчас домашняя еда и дите придавали этому сиянию тот особенный, неприятный Славе накал, когда батя начинает поминутно чокаться с мамкой, отставив мизинец на громадной руке, и странным голосом гудит: «Моя мадам!»

Сегодня батя совсем одурел. Он чокался со всеми тарелками на столе и, подмигивая этим тарелкам, бормотал: «Твое здоровье, моя мадам!»

Конечно, это было смешно, и Слава смеялся до тех пор, пока мать внезапно, точно ее по спине шлепнули, не запела полным голосом частушки. Славку жег стыд. Вперив взгляд в деревянную переборку, за которой жили брат и сестра, он стыдился своих, а когда мамка, заканчивая куплет, дала на полную мощность: «Их-ох-и-ууу-ох!», Слава потянул ее за локоть и осторожно попросил:

— Ты немного потише пой, ладно?

Она глянула на сына остро, заметила, куда он так напряженно смотрит и... как тряхнет химической завивкой, как заорет прямо туда, в ту стену, чтобы там услышали:

— Мы у сибе дома и двенадцати ишшо нет!..

Не успела она и рта закрыть, а Славка был уже во дворе.

Его не позвали.

Слава бродил по темному двору в стороне от дома и, постепенно приходя в себя, начинал уже мечтать, чтобы от соседей кто-нибудь вышел и увидел его во дворе и понял бы, что он, Слава, не имеет ко всему этому отношения. Но никто не выходил. У соседей заманчиво светились окна. В доме была тишина — и там, и там. Мать больше не пела.

* * *

Ничего не приснилось ему в эту ночь.

Шел дождь. Он слышал его сквозь сон. Кажется, думал: как плохо, что дождь идет...

Медленно открывая глаза, Слава считал, что делает это во сне. Светило солнце! Было теплое раннее утро. Он босиком выскользнул во двор и замер. Спали еще все.

Какой молодец этот дождь, в который раз он идет по ночам, а днем совершенно ясно.

Кора на соснах, как жаром из печи освещенная, торжественно блестела, а вершины плавали в прохладном небе без движения. Спящий песок лежал тяжело. Только мухи летали, садились, пересаживались до того энергично, будто никогда не спят.

Стоя на крыльце, Слава незаметно удалялся от того, кто не знает, что такое муфлон, и превращался в кого-то другого, кто проникает в сон песка, стояние сосен, полость неба; кто испытывает тончайшую печаль за деревья, потому что у них нет глаз и они не видят солнца и себя!..

Длилось это долгий миг, на протяжении которого Слава был и художником и мудрецом, — в одиннадцать лет такое может случиться с каждым. А если уж люди становятся ничтожными, то происходит это поздней.

Когда он пришел в себя, беспричинная радость от сердца лучами разошлась по всему телу. Слава метнулся в дом и наскочил на мать. Пошатываясь со сна, она двигалась к двери:

— А я гляжу, тебя нет, куда в такую рань...

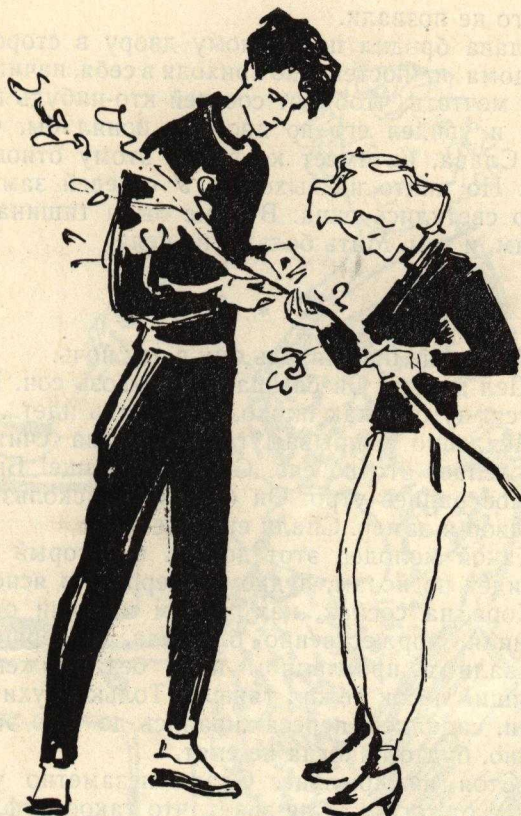
Славке отвечать не хотелось. Он подтянул трусы и буркнул:

— Вот еще, значит, надо...

Все воскресенье Слава изнывал от тоски. Мать с отцом и не думали гулять, а когда он попросил, то ответ был простой:

— А чего гулять, когда воздух тут кругом. И ты денек отдохни, а то тебя с собаками не найдешь. Кажется, отец приехал к нам...

На дворе было солнце, а Слава сидел дома у окна, что-то неладное творилось с ним. Тишина за стеной распаляла его любопытство, он обмирал от желания увидеть родителей

Кости и Вики, но почему-то очень не хотел, чтобы они увидели его.

Вот они!..

Слава чуть не выскочил навстречу вихрастому, щуплому молодому человеку в тренировочном костюме и некрасивой, очень бодрой, маленькой женщине.

Не умея о людях думать хорошо, Слава про себя съязвил: ну и родители — батя не поймаешь кто, matka прямо старшая пионервожатая. Выйти к ним он постеснялся. Отпрянул от окна в глубину комнаты и впился глазами в близнецов. Костя был как Костя, а Вику — не узнать. Ей до того туго заплели косы, что концы их загибались вверх.

Тихо разговаривая, все четверо шли двором. Славу мучила зависть.

Совершенно неожиданно Костя его позвал. Голоса во дворе выжидающе смолкли.

— Пойдем с нами в лес! — крикнула под самым окном Вика.

Вместо Славы отозвалась его мать, правда, шепотом. Угрюмо и тихо она проворчала:

— Иди пасись... разоралась тоже...

Батя одобительно хмыкнул. Для Славы это означало: «Все! Сиди дома и не рыпайся!»

В напряженной тишине деликатно щелкнула дворовая калитка.

Ушли...

Слава почувствовал себя покинутым. Он пунул ногой табурет, уселся снова у окна. Мать с ходу принялась рассказывать батю про *хлюпиков про этих*, которые...

«Вот и врешь! — мысленно хамил он матери, — ничего они из себя не *корчут*».

Все у них просто и на самом деле по-хорошему. Если обедают — и ты с ними ешь. Если играют — и тебя в игру берут. Если читают — то как пришел — книгу по боку. Да и вообще, пока у них сидишь, Вика то яблоко где-то откопает и на три части поделит, то конфетину даст. Один раз он точно убедился, что эта вторая конфетина, которую Вика дала ему — эта была у нее последняя. Выходит, бывают и не жадные среди людей!

Отец уехал под вечер. Слава ходил его провожать, а когда вернулся, во дворе были белесые теплые сумерки. Дите спало. Мать стирала пеленки, а Слава не знал, что делать. На еду и смотреть не мог. За эти два дня наелся всякой вкуснятины до отвращения.

Он снова вышел во двор. Посмотрел на домик хозяев стариков. В окнах уже был свет — желтый, ясный, в точности такой, как у неба в просветах между крышами. Ему показалось, что дом стариков просвечивает закатом.

Вообще, Слава только в Сосновом Бору стал обращать внимание на небо. В городе никто не замечает его. В лагере *дыхнуть* некогда. А вот тут, прямо удивительная вещь, сколько неба. Больше, чем земли. И бывает оно, оказывается, не только голубое да серое. Бывает и зеленое, бывает и коричневое даже.

Он прошелся по двору и замер удивленный: вечером, оказывается, слышен песок. Днем он глушит шаги, а вечером сам хрустит!

Походил, походил, попробовал на камне походить — не смог, слишком холодный.

У Кости и Вики тоже горел свет. Как Слава взглянул на эти окна, сразу потянуло его туда. Неужели родители еще тут?

Потоптавшись между двумя крылечками, Слава нашел такое место, откуда видно, что делается у них в комнате. Все четверо сидели за столом, но не ели, а разговаривали о чем-то. У Славы колотилось сердце. Он ни слова не разобрал, а казалось, что подслушивает. Вдруг их маленькая мама поднялась и вышла на веранду. Слава весь накалился от стыда, — вдруг заметит. Но она что-то делала впотьмах на столе, может быть, искала что-нибудь. Наверное, искала. «Ну, это, друзья мои, никуда не годится», — сказала она и вернулась в комнату, а Слава выскочил со двора на улицу. Досада грызла его. Ну почему он не пошел?!

Звали ведь... Сидел бы сейчас там за столом, вместо того чтоб подглядывать.

Слава побрел на улицу.

Когда вернулся — света у соседей не было, а мамка его не ложилась еще — ждала.

Потянуло домой. Брат и сестра вместе с родителями со своими отодвинулись куда-то очень далеко. Они представлялись теперь как чужие миры, как события, которые никак не понять.

«Вот странно! — думал он. — До того странно, что не верится — почему Костя и Вика с самого первого часа стали относиться к нему так, будто он им золотые часы за так подарил или от смерти спас?..»

И почему это он, Слава, так не может? Сколько уж времени прошло, а он все приглядывается к ним и все подвоха ждет, а они — Славочка да Славочка.

А Славочка, оказывается, из тех, кому никак не верится, что на свете есть люди не хуже его самого».

* * *

Сон смыл все. Странно даже было вспомнить про вчерашнее. Слава смело крикнул соседнему крылечку: «Привет!» Смело глянул Вике в лицо. Она, как всегда, подняла руку, ответила: «Салют!» — и улыбнулась.

«Значит, все! — ликовал Славка, — значит, уехали их мать и отец и снова начнется замечательная, вольная сосновоборская жизнь!»

Он бухнулся руками в песок, сделал стойку, подрыгал в воздухе ногами, вскочил и как заорет: «Ура-а!»

— Что с тобой, Славочка?

— Со мной — ничего, привет, говорю!

Гремя ведрами, выскочил во двор Костя, задрал голову, посмотрел на небо и тоже прокричал «ура», думая, что Слава салютовал солнцу, хорошей ясной погоде.

Вика взяла с подоконника бидончик и убежала за молоком.

Как ни странно, появление Кости чуть притушило Слаvinу радость. С ним он вообще чувствовал себя напряженнее.

— Что вы так долго вчера делали в лесу?.. Грибов еще ведь нет.

— Ничего мы там не делали — познакомились с ним.

— С кем?

— С лесом, ты же сам спросил.

— Брось трепаться!

— Я правду говорю. Пробовали по голосам узнавать птиц. Но это трудно. У Вики хороший слух, она уже может, она вообще знает птиц, а я — нет. Жаль, что здесь кругом сосна, в одном только месте, на поляне, я определил несколько осин и кусты орешника.

— А на кой черт тебе это нужно?

— Интересно просто, а тебе нет?

— Я об этом не думал, — сказал Слава и насупился.

— Слушай, Слава, я давно хотел тебе сказать: почему ты так злишься, когда не знаешь чего-нибудь? Мама нам без конца долбит: если не знаешь, спроси, ничего стыдного в этом нет. Все знать невозможно. Я ведь сам еще недавно понятия не имел...

— Ладно, — перебил его Славка, — ничего я не злюсь.

— Тогда хорошо, тогда давай поскорее избавимся от дел...

— Давай, — мгновенно веселея, согласился Славка, — давай пойдем сегодня в лес, хватит этого мороженого.

— Нет, лучше пойдем на озеро.

— Пожалуйста, мне все равно... я куда хочешь пойду, — уже на бегу отвечал Слава. Он кинулся к себе за ведрами.

Лето было все впереди.

Виктор Кеулькунт

ДЕВЧОНКИ

Шустрые девчонки,
хитрые, наверно,

Дружные, наверно,
только посмотри:

Где-то вместо санок
взяли лист фанерный —

— Ну-ка, с горки, вместе —
раз, два, три!..

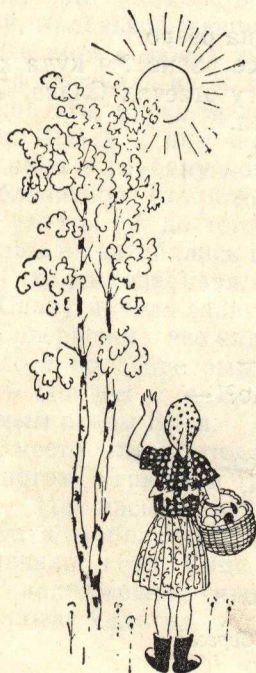
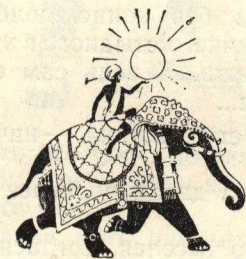
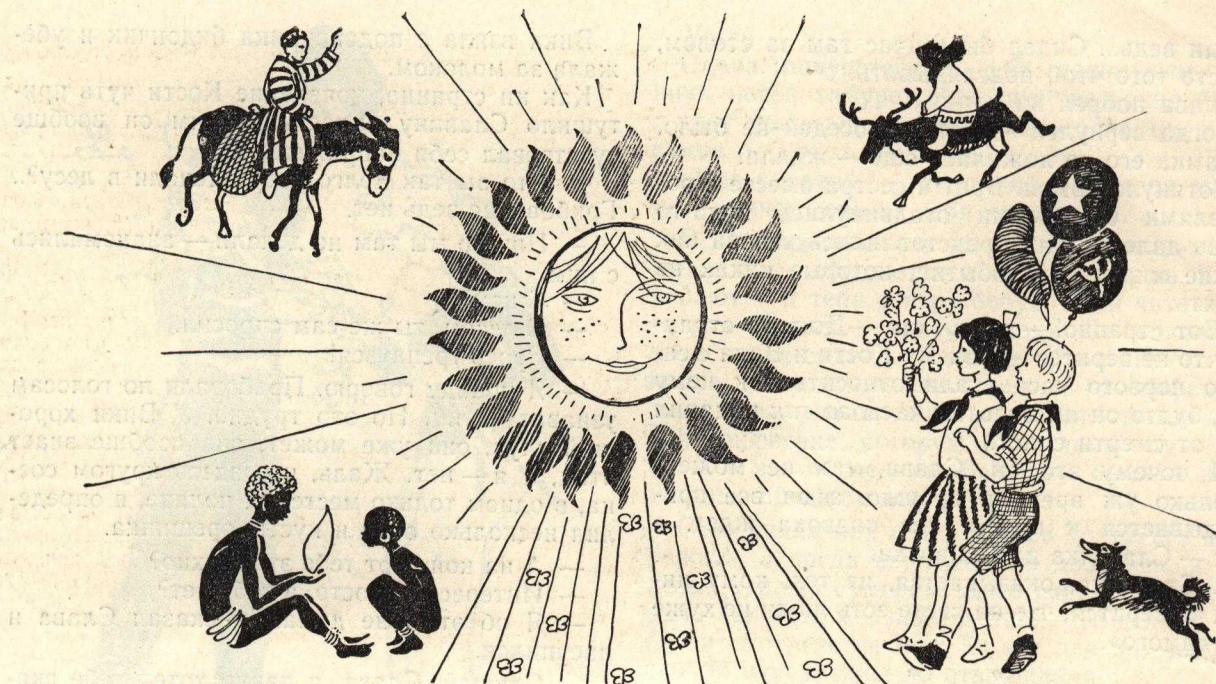
А мальчишки следом —
что, силенок мало?! —

Их догнать не могут,
зло берет до слез...

Что же вы, мальчишки,
эх вы, задавалы!

Видите — девчонки
вам утерли нос...

Перевел с чукотского В. Сергеев

Владимир Орлов
НЕ УСТАЛО ЛИ
ТЫ, СОЛНЦЕ?

— Солнце, солнышко,
Ответь,
Не устало ты
Гореть?
Из-за нас тебе морока —
Ты не можешь отдохнуть.
Поднимись позднее срока.
Отдохни когда-нибудь!
— Что вы! —
Солнце засияло, —
Я нисколько не устало!
Ну какая тут морока —
Прокатиться над Марокко,
Индией и Данией
Или Иорданией?
До чего же мне приятно
Раздавать
Совсем бесплатно
Яркие и чистые
Струи золотистые!
Если в Конго
Или в Чили
Дети их
Не получили,
Я им в окна постучу:
— Получайте по лучу!

Рисунки В. Бескаравайного

ГДЕ ЖИВЕШЬ ТЫ,
СОЛНЦЕ?

Солнце, солнце,
Удружи,
Где живешь ты?
Расскажи!
— Я, друзья,
Живу высоко.
Поднимаюсь я
С востока.
Над страной,
В которой герб —
Молот, солнышко и серп.
Потому всегда я с нею,
С нею я всегда яснею,
С ней в цветенье
И в снегу
Я расстаться не могу.
И над ней,
Как по колечку,
Я хожу и не тужу —
С одного схожу крылечка,
А с другого прихожу.
На большом ее просторе
Горны звонкие трубят,
Светят маленькие зори
На рубашках у ребят.
Ветерок березе гибкой
Песни русские поет,
И зовет меня с улыбкой
Красным солнышком народ!

Нужно ли доказывать, что специальность геолога одна из самых романтичных.

Только в чем ее романтика?

Кому-то, возможно, большинству, вопрос покажется праздным. Разве это не дальние переходы по звериным тропам девственных лесов, схватки с экзотическими животными, подстерегающими каждый шаг смельчаков, радость открытий, удивительные приключения и заслуженный отдых у костра за кружкой ароматного чая и, конечно, любимые песни?..

Ну а будни? Экспедиционные обязанности и хлопоты? Досадные помехи, а то и опасности?

Об этих каждодневных заботах геолога, о его романтическом и будничном труде рассказал четверть века тому назад крупнейший советский геолог и путешественник, исследователь Сибири и Арктики Сергей Владимирович Обручев в книге «От Якутска до Берингова пролива», изданной Детгизом. В ней описаны первые советские экспедиции 1926—1929 годов в Восточную Сибирь, тогда еще совсем мало изученный край, в пустынный район бассейна Индигирки.

Природа здесь дикая, суровая. Надо, например, осмотреть прибрежные утесы, высящиеся над дикой стремительной рекой. Но как это сделать? Только с маленькой одноместной лодки-ветки. Такой неустойчивой, что ученый вынужден в ней лежать. И притом настолько маленькой, что в нее едва втискиваешься. Обернуться уже нельзя, можно только слегка повернуть голову.

В таком-то положении, не выпуская ни на минуту весла из рук, правь лодкой, зарисовывай складки пластов, фотографируй. И следи, как бы лодку не развернуло, не занесло на камни, не захлестнуло водой.

Не легче в ледяной пустыне у полюса холода, открыто тогда же Сергеем Владимировичем.

Трудно даже смотреть, потому что на лице — оледневшая маска, в узком просвете у глаз — сосульки, ресницы покрыты льдом, глаза закрываются. Невозможно при морозе в 50—60 градусов записать наблюдения, потому что, высвободившись из меховых рукавиц, стынут руки. Мучительно отбивать образцы пород, делать снимки. Как заставить приборы работать — ведь на морозе останавливаются часы, отказывают затворы фотоаппаратов.

Условия работы геолога нелегки и... увлекательны.

* * *

Как увлекательна работа геолога, Сергей Владимирович понял еще четырнадцатилетним мальчиком. Не в геологическом кружке, не в туристском походе, а в «поле», в экспедиции.

В семье горного инженера — будущего академика Владимира Афанасьевича Обручева — его три сына уже с детства представляли себе истинное значение слов экспедиция, маршрут, карта, снаряжение. Это были такие обыденно-привычные слова, как в семье хирурга — операция, инструменты, перевязки.

Но одно дело — рассказы отца о его странствиях и совсем иное — утомительные переходы в зной и хо-

В Восточном Саяне. 1954 год

ПУТЕШЕСТВЕННИК, ГЕОЛОГ, ГЕОГРАФ— НА ВСЮ ЖИЗНЬ

лод по бескрайним равнинам Китайской Джунгарии, участие в глазомерной съемке, хозяйственных заботах о снаряжении и лошадях. А во всем этом Сергей Владимирович участвовал наравне со взрослыми.

«Еще мальчиком, — писал впоследствии Сергей Владимирович, — увидел, как изучаются «белые пятна» геологами и географами, и на всю жизнь заболел неизлечимой страстью к путешествиям...» Этой страсти Сергей Владимирович отдал пятьдесят лет жизни.

Даже в шестьдесят три года Сергей Владимирович — член-корреспондент и лауреат Государственной премии — снова верхом на лошади, снова в экспедиции, теперь в Восточном Саяне. Он пробирается сквозь глущую тайгу высокогорного района, чтобы исследовать оставшиеся «белые пятна».

* * *

Ангара, Подкаменная Тунгуска, Енисей, Колыма, Индигирка — в районах этих рек произведены ценные исследования. Открыт огромный, самый высокий на северо-востоке Азии горный хребет и назван именем И. Д. Черского — замечательного исследователя Сибири. Выявлен богатый золотоносный район в Колымском крае, Тунгусский угленосный район, месторождение оловянных руд на северо-западе Чукотки.

Шпицберген, Новая Земля, Тиманский берег Печорского моря, Украина, Кавказ, Крым, верховья Дона, Подмосковский бассейн, Забайкалье, Алтай, Тува — области научных исследований Сергея Владимировича. Ученую была знакома природа почти всей нашей страны.

Свои знания Сергей Владимирович стремится передать не только специалистам, но и просто любознательным читателям. И прежде всего тем, кому придется распоряжаться всеми богатствами недр нашей земли, бесчисленным юным друзьям, молодежи.

Поэтому Сергей Владимирович как научный редактор подготавливает книги-руководства — «Справочник путешественника и туриста» и «Изучай свой край».

* * *

Если заглянуть на последнюю, 64 страницу «Костра» одного из предыдущих годов, то там в списке редакционной коллегии найдешь фамилию Обручева.

К этой своей обязанности, общественной обязанности, Сергей Владимирович относился всегда добросовестно.

Каждый месяц (и так в продолжение восьми лет) в редакцию приходили письма. Иногда потолще, иногда потоньше. И обязательно в синем конверте. Даже не глядя на характерную подпись, мы уже знали — это замечания Сергея Владимировича по новому номеру, который он прочел в гранках.

Ни руководство лабораторией докембрия Академии наук, ни собственные научные труды не отвлекали Сергея Владимировича от «Костра». Он обязательно прочитывал корректуру очередного номера как самый требовательный редактор.

Прочитанные им листы пестрели пометками, вопросительными знаками, исправлениями. Например, в заметке говорилось: «Все змеи плохо видят». Сергей Владимирович предлагал точнее: «Некоторые виды змей плохо видят». По поводу другого сообщения получили такое категорическое замечание: «Кедр не растет за полярным кругом». Или, название минерала не «чернокит», а «чернакит», от имени Чернака. Правильней не «Восточные Саяны», а «Восточный Саян». И еще много разных замечаний.

Иногда вслед за письмом следовал телефонный звонок. Сергей Владимирович разъяснял свое указание. Иногда в конверте совсем коротенькая радостная записочка: «По этому номеру замечаний нет».

* * *

Шефствовал Сергей Владимирович не только над делом науки. Его строгое перо обнаруживало погрешности и в рассказах, и в повестях, а то и в стихах — в любом произведении. Случалось, замечания выходили далеко за пределы географии и геологии, потому что Сергей Владимирович был сведущ и в истории, и в литературе.

Да-да, в этих областях Сергей Владимирович был признанным специалистом и даже членом Пушкинского Дома.

В 1961 году публикуется его работа по истории Шпиц-

бергена. Сопоставляя свидетельства старинных путешественников (написанные на латинском языке), автор доказывает, что русские мореходы посещали Шпицберген еще в XV веке.

И совсем другая работа 1964 года «Над кавказскими тетрадами Лермонтова», где Сергей Владимирович выясняет, влияние какого поэта испытал в своем творчестве юный Лермонтов.

Литературная одаренность была присуща семье Обручевых. Отец Сергея Владимировича, академик В. А. Обручев в молодости писал стихи, статьи и рассказы и даже подумывал посвятить себя литературной деятельности. Позднее, зрелым ученым, написал фантастические романы, хорошо всем известные, — «Земля Санникова», «Плутония».

И очерки путешествий самого Сергея Владимировича на Шпицберген, Новую Землю, в Якутию читаются как увлекательные повести — в них зарисовки своеобразной природы далеких окраин, и портреты участников экспедиций, и быт населения.

* * *

Нас, кому посчастливилось работать вместе с Сергеем Владимировичем, всегда удивляло разнообразие его интересов, его исключительная работоспособность.

В анкетах Сергей Владимирович писал, что знает восемь языков. На самом деле знал больше, не только европейские, но и северо-азиатские. Старался всегда вести разговор без переводчика и читать произведения не в переводе, а в подлиннике.

Его сотрудники рассказывают, что португальский язык Сергей Владимирович изучал во время трудной экспедиции на Подкаменной Тунгуске. В палатке, в лодке, в тесной избушке, на палубе парохода Сергей Владимирович не расставался с томиком португальского поэта-классика XVI века и к концу экспедиции смог в подлиннике ознакомиться с поэмой, посвященной Васко де Гама.

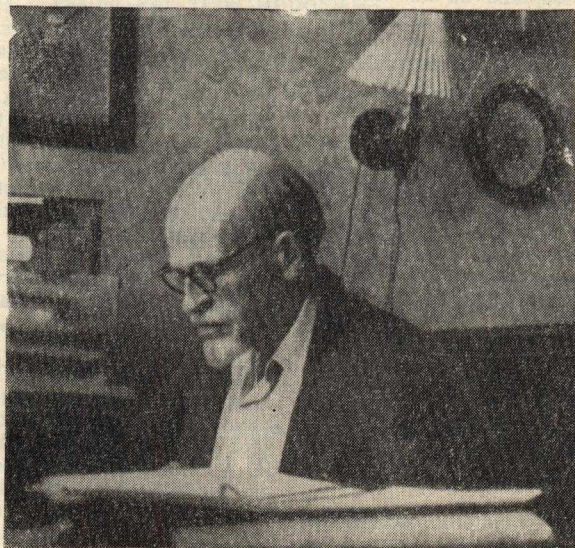
Сергей Владимирович по-молодому откликался на каждое интересное начинание, любил встречи со своими читателями, беседы с членами Клуба юных геологов имени академика В. А. Обручева при Ленинградском

дворце пионеров, вел переписку со многими школьниками — юными геологами.

Вспоминается случай, когда мы подготавливали книгу «Изучай свой край». Один ученый, рекомендованный С. В. Обручевым как возможный автор — ленинградский профессор зоологии — отказался участвовать в книге — у него-де кафедра, он пишет учебник, да к тому же возраст — шестьдесят лет.

— Что ж, — улыбнулся Сергей Владимирович, — и мне шестьдесят.

За работой Сергей Владимирович никак не принимал в расчет свой возраст. Не замечали его и мы. Для нас Сергей Владимирович всегда оставался молодым и другим юных. И таким он останется в нашей памяти и памяти всех, знавших его...

Сергей Владимирович Обручев

Н. Теребинская

СКАЗКИ БАБУШКИ ЛАЙГИ

Алексей Вальдю

Рисунок Н. Носкович

У бабушки Лайги много внуков и внучек. Почитай, все жители ульчского села Угда, что стоит на берегу большой реки Амур, ее бабушкой зовут. У нее белая как снег голова, сморщенное, как поджаренная на костре рыба кожа, лицо.

Усадит старая вокруг себя ребятишек, берет подальше кيسет с табаком и трубку (при

детях она не курит, этому внучка-фельдшерица научила), возьмет деревянную иглку, нанизанную капроновой нитью, и начнет рассказывать, а проворные руки, будто помимо ее воли, сами чинят сети.

Однажды я вместе с ребятами послушал ее сказки и решил рассказать одну из них вам, мои маленькие друзья.

Заяц и выдра

Слыхали звери: за семью морями, девятью горами и сорока распадками долина есть. В той долине охотников нет, а всяких ягод, грибов, рыбы — видимо-невидимо.

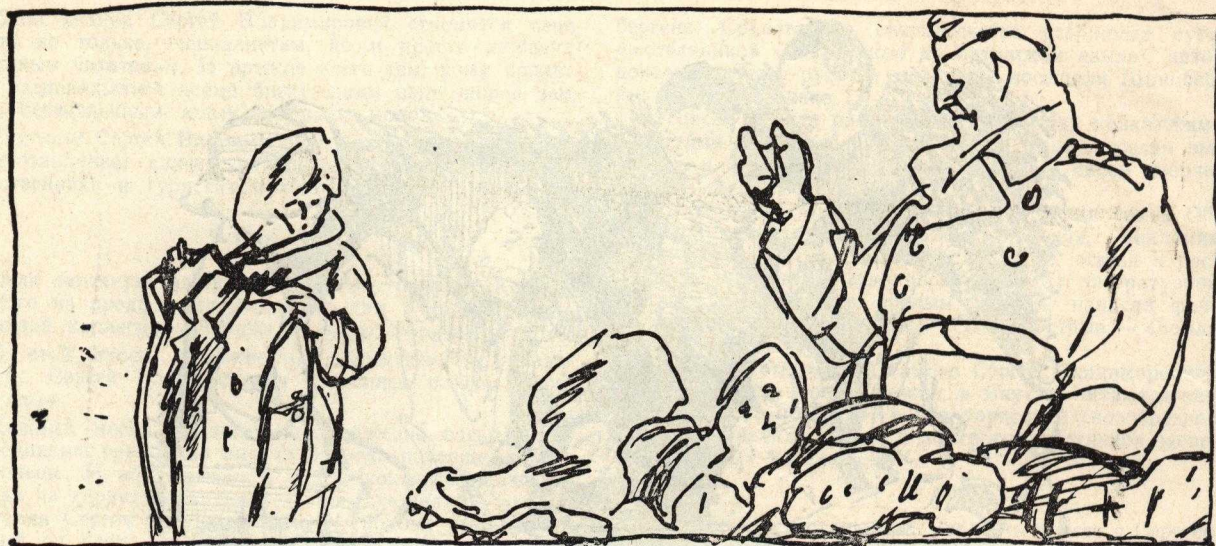
Решили заяц и выдра вместе пойти искать ту долину. День идут, два идут, три идут — выдра все отстает, зайца все просит обогнать. Надоело это зайцу. «Плохой мне товарищ попался», — думает длинноухий. И решил заяц выдру бросить, вперед бежать. А выдра торопилась за зайцем, между двумя деревьями застряла, освободиться не может. Кричала-кричала она, чтоб заяц помог ей, — где там, короткохвостый даже ухом не повел, как стрела

вперед умчался. Быстро до широкой реки домчал, видит: на той стороне реки солнечная долина открылась. И охотников там нет, и всяких ягод, грибов, рыбы — видимо-невидимо. Видит, а попасть не может; все знают — длинноухий плавать не умеет.

День проходит, два проходит — пришла усталая выдра, легла отдохнуть. На зайца смотрит, — зла на него.

Отдохнула выдра, поднялась и легко поплыла через реку. Кричал-кричал длинноухий, а выдра и не повернулась к нему.

Так тебе и надо, длинноухий: никогда не оставляй товарища в беде.

Лиза Кострова и „великая германская армия“

М. Лазарев

Рисунки Н. Кустова

О Лизе Костровой узнал я вот что. Когда германская армия наступала на Ленинград, мимоходом была захвачена и Попадинка. А когда Лиза вместе с братом-подпольщиком оказалась в селе, в Попадинке оставался только склад. Под присмотром фашиста наши девчата перетряхивали в нем серо-зеленые кителя, перекладывали шинели с черными бархатными воротниками, новые сапоги.

Это был вещевой склад той самой армии, которая зимой 1941-го блокировала и душила голодом Ленинград. Она и в самом деле была велика, вооружена до зубов и считала себя непобедимой. А у девчонки Костровой была только ненависть да еще самодельный сапожный нож. Знаете такие ножи? Простая полоска железа, кончик заострен, один срез заточен, а остальное обмотано изоляционной лентой. Вот и весь ножик. С ним она каждое утро шла на склад, чтобы сберечь для «великой германской армии» ее обмундирование.

А та все топталась под Ленинградом. Сначала она наступала по графику: каждые сутки — столько-то километров. Потом график наступления переделали: километров за сутки стало поменьше. Потом еще раз переделали. Потом переделывали множество раз. А потом наступление остановилось и наступила зима, и «великая германская армия» зарылась в окопы, понастроила блиндажей и землянок, но все равно изрядно дрожала от холода. Ведь за

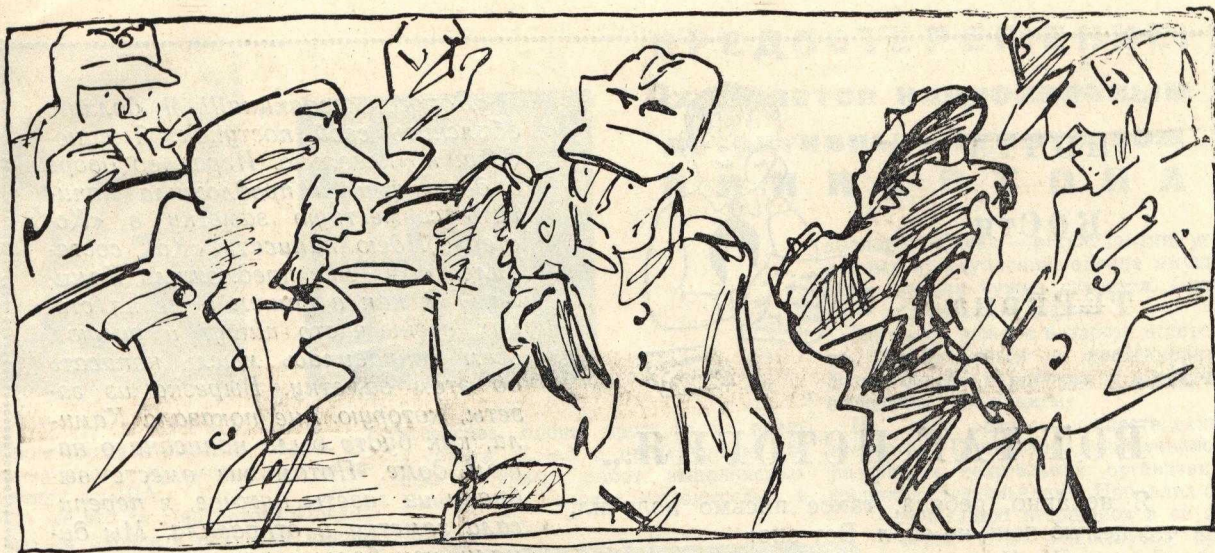
время наступления (по графику и без графика) ее солдатам частенько приходилось ползать на брюхе, месить сапогами болота и спотыкаться на каменистых шоссе. В общем, солдаты этой «великой армии» весьма поободрались, пообносились и с нетерпением ожидали раздачи новых кителей, шинелей, сапог и штанов.

А Лиза, как обычно, отправлялась по утрам на работу. Привычно вытаскивала пахучие черные сапоги и подшитые для прочности кожей серо-зеленые штаны. Раз, раз, мелькали проворные девчоночьи руки. Развернуть, вывернуть, встряхнуть, еще раз встряхнуть, сложить и уложить на место.

— Зо-о, — цедил иногда офицер, видя, как споро работает тощенькая девчонка на великую германскую армию. — Зо-о, зо-о.

Это означало: «так-так». И немец убирался восвояси.

Между тем наступало рождество. Усиливалась стужа. Германская армия, не взявшая Ленинград, с нетерпением ожидала теплых подарков. Наконец, приехали грузовики и фельдфебель, воспользовавшись затишьем, торжественно начал раздачу штанов и сапог. Солдаты, как на обед, выстраивались перед фельдфебелем, и тут же с довольным гоготом переобувались на скрипучем снегу в новенькие сапоги, напяливали поверх старья и рванья новенькие штаны, подшитые кожей, и им как

будто становилось чуточку теплее. Глотнув из фляг горячительного, они возвращались в блиндажи и землянки и радостно вытаскивали губные гармоники.

Эх, как весело пищали губные гармоники. Как четко отстукивали крепкие каблуки, прищелкивали подбитые заклепками подошвы. «Ничего, ничего, это всего лишь маленькая заминка. Пройдут морозы, наступит весна, и мы войдем в Ленинград и единым махом промаршируем до Урала... Войдем в Ленинград-рад-рад... Промаршируем до Урала-рала-рала...»

«Рад-рад-рад», — стучали заклепки новеньких сапог.

«Рала-рала», — попевала писклявая музыка.

И вдруг — треск. И ругательство. И хохот. Сверкая заклепками, подметка отлетела от сапога танцора и попала музыканту прямо в нос.

— Эй, ты, — орут солдату, — зачем на лету рвешь подметки?

И все хохочут, потому что им весело, потому что подошли рождественские дни, и «фатерлянд» не забывает о своих солдатах...

— Эй, ты, — кричат другому солдату. — Ты слышишь, у тебя тоже что-то трещит. Ты слишком много кушаешь, — они употребляют другое слово, — смотри, чтобы не лопнули новые брюки!

А они и в самом деле лопнули. Вот ведь потеха. Подшитая ради прочности кожа напроць отлетела от штанов.

И на других. И на третьих. И уже четвертая пара сапог остается без подметок.

В землянках крик. В землянках возмущение. В землянках орут «доннерветтер» и, подпрыгивая на скрипучем снегу, почтительно докладывают господину фельдфебелю о незадаче, и умоляют господина фельдфебеля вернуть им старые сапоги и штаны. Фельдфебель, сопя, отправляется по начальству, начальство — выше. Летят по проводам донесения: в результате диверсии подразделение такое-то утратило боеспособность и сидит без сапог и штанов.

В землянках «великой армии» вновь не видят конца морозам. И закутанной в рваньё солдатне уже не верится, что когда-нибудь будет весна. И холодеют сердца, потому что никто уже не думает, что можно овладеть Ленинградом и что удастся дойти до Урала.

Так это было. А может, было иначе. Только однажды в деревне Попадинке начальник молча ворвался в склад. Девчонка Лиза едва успела спрятать ножик. А офицер оторвал у ящика крышку. Выхватил пару сапог. Вцепился в подметку. Она послушно отлетела. Выхватил подшитые кожей штаны. Кожа отстала от серо-зеленой материи. Тогда начальник схватил за шиворот девчонку и, как котенка, поволок ее в полицию.

Это случилось зимой сорок первого. Под городом Порховом, в деревне Попадинке. Почти четверть века назад. Теперь Елизавете Костровой уже не двенадцать. Чудом уцелевшая, спасенная подпольщиками, она работает в механическом цехе. На нашем заводе, что стоит на Обводном. Работает на обыкновенном револьверном станке. С работы возвращается на трамвае. И мальчишки не спешат уступить ей место.

ПОЧТА
КОСТИ
ТЕРКИНА

ВОТ ТАК ИСТОРИЯ...

Я недавно, ребята, такое письмо получил, что целую ночь не спал. Вот оно:

«Дорогой Костя Теркин! Я тебе еще ни разу не писала, но тут я считаю, что должна написать. Как только я получаю «Костер», сразу начинаю его читать. Ваш журнал мне очень нравится. И вот в номере девятом я читаю фельетон Гюльнара Гаджинской из города Баку «Как состарился дом». Тут я вспомнила, что в «Пионерской правде» я читала статью, очень похожую на этот фельетон. Начала искать я эту газету. Нашла ее. Я вам высылаю фельетон и статью. Эта статья написана Е. Я. Просветовой. Называется она «Улица моя, дома мои». Сравни, Костя, фельетон и эту статью. Очень многие предложения из фельетона и статьи одинаковы. Некоторые слова Гюльнара изменила. Но в основном то же самое. Это меня возмутило! Как же так можно? Зная, что ее, Гюльнара, за этот фельетон похвалят, списать из «Пионерской правды»! Это же литературное воровство! Как тебе не стыдно, Гюльнара? Не знаю, в каком ты классе учишься, но если ты все время так будешь делать в жизни, тебе будет очень плохо».

Наташа Запороженко, ученица 7 класса школы № 15
г. Майкопа

Прочитал я это письмо и очень расстроился. И вся редакция расстроилась. И мой друг художник Георгий Ковенчук тоже расстроился — он так старался, чтоб рисунки к фельетону получились веселые!

А читатели как расстроятся, — подумал я, — когда узнают! А юнкоры, что они теперь подумают? «Э, — подумают они, — Костя Теркин больше не будет нам доверять...»

Под конец я так расстроился, что сел и написал Гюльнаре письмо. Скоро пришел ответ:

«Дорогая редакция!!! Я должна объяснить свой поступок. Я виновата, но невольно. Играя во дворе с девочками, я предложила написать совместную заметку в «Костер». Идею написать «Как состарился дом» мне предложила Камила. Так как в нашем доме на стенах очень часто пишут и рисуют, всем понравилась мысль написать об этом заметку. Вырезка из газеты, которую мне показала Камила, как будто была написана о нашем доме. Потом мы вместе выбрали из газеты нужное, я переписала заметку и отправила. Мы думали, чем больше написать о таких безобразиях, тем лучше. Я даже не знала, что клочок газеты, который принесла Камила, был из «Пионерской правды».

Дорогая редакция! Так как заметку подписала я, я и должна отвечать за свой поступок. Я извиняюсь и перед вами и перед читателями. Обещаю вам рассказать об этом у нас в школе. Я учусь в специальной музыкальной школе имени Бюль-Бюля, в пятом классе».

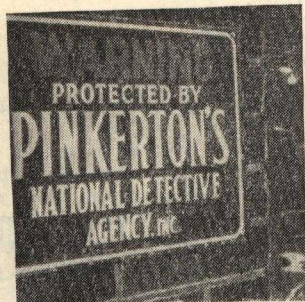
Гюльнара Гаджинская

Я человек добрый и решил Гюльнару простить. Тем более, что такая история приключилась с нею впервые.

А потом я подумал, что обо всем этом надо рассказать в «Костре». Вдруг среди наших читателей еще есть такие люди, которые не знают, что списывать ниоткуда нельзя: ни из газет, ни из книг, ни из журналов. (О чужих школьных тетрадках я уже не говорю, это всем известно.)

Ну, а если кому-нибудь из вас так понравится заметка из газеты, что он захочет поделиться своей радостью со мной, пусть пошлет мне вырезку, а в крайнем случае — перепишет от руки и не забудет упомянуть, откуда переписал.

Иначе вольно или невольно получится то, о чем пишет Наташа Запороженко: литературное воровство, или плагиат. Есть такое научное слово.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ! Охраняется национальным детективным агентством П И Н К Е Р Т О Н А

Такие плакаты-вывески можно видеть на многих промышленных предприятиях в США.

Что же это за Пинкертон? Почему он взялся охранять владения американских богачей? От кого охранять?

В России имя Пинкертона стало известно в начале нынешнего века. Огромные тиражи дешевых изданий с описаниями походов многочисленных сыщиков наводняли тогда книжные лавки и киоски. Первое место среди них занимали книжки про НАТА ПИНКЕРТОНА, КОРОЛЯ СЫЩИКОВ.

В брошюрах с аляповатыми обложками, под маркой издательства «Развлечение», полуграмотным языком расписывались таинственные убийства, сногсшибательные ограбления и другие сенсационные преступления, которые Нат Пинкертон раскрывал с невероятной легкостью. Преступником в таких книжках обычно оказывался человек из народа и, чаще всего, негр. К последней, 32-ой страничке каждой брошюрки, преступная чернь была неизменно посрамлена и наказана.

Похождения пинкертонов, разумеется, плод весьма скудоумной фантазии, но само имя Пинкертон не просто вымышленное.

Взгляните на фотографию... Нет у этого человека волевых черт лица, пронзительных глаз, да и пышная борода навряд ли удобна для грима, к которому столь часто прибегал, по словам сочинителей, король сыщиков. А между тем, это и есть истинный родоначальник частного американского сыска — Аллан Пинкертон.

Будущий сыщик появился на свет в 1819 году в Шотландии в семье полицейского сержанта. Двадцати трех лет он, в поисках счастья, эмигрировал в Соединенные Штаты Америки. Здесь он стал сперва шерифом, затем нанялся охранять железнодорожные перевозки и имущество. Но вскоре открыл самостоятельное дело — первое частное сыское агентство, которое и принесло его имени славу.

Узнать, чем занимаются сыские

агентства, проще простого из преysкуранта. Слева в преysкуранте напечатан список работ, выполняемых агентством, справа — стоимость в

долларах. Слева — расследование уголовных преступлений, охрана имущества, добыча чужих секретов. Справа — кругленькие цифры.

Но самое важное в работе агентств не рекламируется в преysкуранте. Это — борьба с рабочим и коммунистическим движением.

На заре своего существования агентство Пинкертона прославилось разгромом нелегальной организации горняков Пенсильвании. Провалил организацию втершийся в ее доверие агент Пинкертона провокатор Мак-Перлен. Он был единственным свидетелем обвинения на суде, который закончился десятью смертными приговорами.

Свою деятельность пинкертоны продолжают и по сей день. На фотографии, взятой нами из журнала «Лайф» (№ 3 от 30 января 1961 г.), — обычная для Америки сценка: частные детективы избивают профсоюзного активиста...

В некоторых штатах по требованию трудящихся были запрещены частные детективные организации. И все же агентство Пинкертона имеет отделения и конторы в десятках городов США. Они обслуживают тысячи предприятий и промышленных компаний. Сотни пинкертоновских подонков состоят членами профсоюзов. Агентство загребает миллионные доходы. Ничего удивительного поэтому, что в стране свободного предпринимательства у Пинкертона

нашлись подражатели и конкуренты. Появилось агентство «Уильям Дж. Барис интернешнл Эйджемс» и многие другие. В 1942 году в Нью-Йорке открылось даже специальное детективное бюро по борьбе с коммунизмом.

Так изменился с годами смысл смешного слова «пинкертоновщина». Для наших дедушек пинкертоновщина — это глупые книжонки, в наши дни пинкертоновщина — одна из страшных болезней большой страны Америки.

Я. Хаскин

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ-СКАЗКИ

Анатолий Алексин

Рисунки М. Беломлицкого

В ту далекую пору, о которой пойдет речь, я очень любил... отдыхать. И хотя к двенадцати годам я вряд ли успел от чего-нибудь слишком уж сильно устать, но я мечтал, чтобы в календаре все поменялось: пусть в дни, которые сверкают красной краской (этих дней в календаре так немного!), все ходят в школу, а в дни, которые отмечены обыкновенной черной краской, все школьники развлекаются и отдыхают. И тогда можно будет с полным основанием сказать, мечтал я, что посещение школьных занятий — это для нас настоящий праздник!

За долгие месяцы летних каникул все ребята просто уставали отдыхать, но я не уставал. С первого сентября я уже начинал подсчитывать, сколько дней осталось до зимних каникул. Эти каникулы нравились мне больше других: они хоть и были короче летних, но зато приносили с собой елочные праздники с Дедами Морозами, Снегурочками и нарядными подарочными пакетами. А в пакетах были столь любимые мною в ту пору пастила, шоколад и пряники. Если б мне разрешили есть их три раза в день, вместо завтрака, обеда и ужина, я согласился бы сразу, не задумываясь ни на одну минуту!

Вот с одного такого елочного представления все и началось...

Я хорошо запомнил тот день — последний день зимних каникул. И хотя из Елок, на которых я побывал, вполне можно было бы образовать небольшой хвойный лесок, я пошел на очередной утренник — в Дом культуры медицинских работников. Медицинским работником была сестра мужа маминой сестры, и хотя ни раньше, ни сейчас я бы не мог точно сказать, кем она мне приходится, билет на медицинскую Елку я получил.

Войдя в вестибюль, я поднял голову и увидел плакат: «Привет участникам конференции по проблемам

борьбы за долголетие!». А в фойе висели диаграммы, показывающие, как было написано, «рост снижения смертности в нашей стране». Диаграммы были весело обрамлены разноцветными лампочками, флажками и мохнатыми хвойными гирляндами.

Среди диаграмм на фанерных щитах были написаны разные советы, необходимые людям, которые хотя бы подольше прожить. Я запомнил лишь совет о том, что надо, оказывается, поменьше сидеть на одном месте и побольше двигаться. Я запомнил его для того, чтобы пересказать своим родителям, которые то и дело повторяли: «Хватит тебе носиться по двору! Хоть бы посидел немножко на одном месте!» А сидеть-то, оказывается, как раз и не нужно.

Потом я прочитал большой лозунг «Жизнь есть движение!» — и помчался в большой зал, чтобы принять участие в велосипедных гонках. В тот миг я, конечно, не мог предположить, что это спортивное соревнование сыграет огромную и совершенно неожиданную роль в моей жизни.

Нужно было сделать три стремительных круга на двухколесном велосипеде по краю зрительного зала, из которого были убраны все стулья. И хотя старики редко бывают спортивными судьями, но тут судьей был Дед Мороз. Он стоял, словно на стадионе, с секундомером в руке и засекал время каждого гонщика. Точней сказать, он держал секундомер в нарядных серебристо-белых рукавицах. И сам он был весь нарядный, торжественный: в тяжелой красной шубе, прошитой золотыми и серебряными нитками, в высокой красной шапке с белоснежным верхом и с бородой, как полагаются, до самого пояса.

Обычно везде, и даже на праздничных утренниках, у каждого из моих друзей было какое-то свое особое увлечение: один любил скатываться вниз с деревянной горки — и делал это столько раз подряд, что за не-

сколько часов успевал протереть штаны; другой не вылезал из кинозала, а третий стрелял в тире до тех пор, пока ему не напоминали, что и другие тоже хотят пострелять. Я успевал испытать все удовольствия, на которые давал право пригласительный билет: и съехать с горки, и промахнуться в тире, и выловить металлическую рыбку из аквариума, и покружиться на карусели, и разучить песню, которую все уже давно знали наизусть.

Поэтому на велосипедные гонки я явился немного утомленным — не в лучшей форме, как говорят спортсмены. Но когда я услышал, как Дед Мороз громко провозгласил: «Победитель получит самый необычайный приз за всю историю новогодних елок!», силы ко мне вернулись и я почувствовал себя абсолютно готовым к борьбе!

До меня по залу пронесли девять юных гонщиков, и время каждого было громогласно, на весь зал объявлено Дедом Морозом.

— Десятый — и последний! — объявил Дед Мороз. Его помощник — массовик дядя Гоша подкатил ко мне облезлый двухколесный велосипед. До сих пор я помню все: и что верхняя крышечка звонка была оторвана, и что на раме облупилась зеленая краска, и что в переднем колесе не хватало спиц.

— Старый, но боевой конь! — сказал дядя Гоша.

Дед Мороз выстрелил из самого настоящего стартового пистолета, — и я нажал на педали...

Катался я на велосипеде не очень хорошо, но в моих ушах все время звучали слова Деда Мороза: «Самый необычайный приз за всю историю новогодних елок!». Эти слова подгоняли меня: ведь, пожалуй, никто из участников этого соревнования не любил получать подарки и призы так сильно, как любил я!

И к «самому необычайному призу» я примчался быстрее всех остальных. Дед Мороз взял мою руку, которая утонула в его рукавице, и высоко поднял ее,

как поднимают руки победителей боксерских соревнований.

Сразу же рядом появился массовик дядя Гоша и своим вечно радостным голосом воскликнул:

— Давайте поприветствуем, ребята! Давайте поприветствуем нашего рекордсмена!

Он захлопал, как всегда, так настоятельно, что сразу же потянул за собой аплодисменты со всех концов зала. Дед Мороз взмахнул рукой — и установил тишину:

— Я не только объявляю победителя, но и награждаю его!

— Чем?... — нетерпеливо поинтересовался я.

— О, ты даже представить себе не можешь!

В голосе Деда Мороза мне почудилось что-то странное: он говорил как волшебник, уверенный, что может сделать необычайное, сотворить чудо — и поразить всех! И я не ошибся...

— В сказках чародеи и волшебники просят обычно задумать три заветных желания, — продолжал Дед Мороз. — Но мне кажется, что это слишком много. Ты же установил велосипедный рекорд только один раз, и я выполню одно твоё желание! Но зато — любое... Подумай хорошенько, не торопись.

Я понял, что такой случай представляется мне первый и последний раз в жизни. Я мог попросить, чтобы мой лучший друг Валерик остался моим лучшим другом навсегда, на всю жизнь! Я мог попросить, чтобы контрольные работы и домашние задания выполнялись сами собой, без всякого моего участия. Я мог попросить, чтобы меня выбрали капитаном нашей дворовой футбольной команды и чтобы я каждый раз забивал в ворота противника не меньше десяти голов, а то и все двадцать! Я мог попросить, чтобы папа не заставлял меня бегать за хлебом и мыть посуду! Я мог попросить, чтобы вообще эта посуда мылась сама собой или никогда не пачкалась. Я мог попросить...

Одним словом, я мог попросить все что угодно. И если бы я знал, как в дальнейшем сложится моя жизнь и жизнь моих друзей, я бы, наверно, попросил о чем-нибудь очень важном для себя и для них. Но в тот момент я не мог заглянуть вперед, сквозь годы, а мог только поднять голову и увидеть то, что было вокруг: сияющую елку, сияющие игрушки и вечно сияющее лицо массовика дяди Гоши.

— Чего же ты хочешь? — нетерпеливо спросил Дед Мороз.

И я ответил:

— Пусть всегда будет эта Елка! И пусть никогда не кончаются эти каникулы!..

— Ты хочешь, чтобы всегда было так же, как сегодня? Как на этой Елке? И чтобы никогда не кончались каникулы?

— Да. И чтобы все меня развлекали...

Последняя моя фраза звучала не очень хорошо, но я подумал: если он сделает так, чтобы все меня развлекали, тогда, значит, и мама, и папа, и даже учителя должны будут доставлять мне одни только удовольствия. Не говоря уже обо всех остальных...

Дед Мороз ничуть не удивился:

— Хорошо. Я сделаю так, чтобы каникулы и развлечения для тебя никогда не кончались!

— И для Валерика тоже! — поспешно добавил я.

— Кто это... Валерик? — спросил Дед Мороз.

— Мой лучший друг!

— А может быть, он вовсе не хочет, чтобы эти каникулы длились вечно? Он об этом меня не просил.

— Я сейчас сбегаю вниз... Позвоню ему из автомата и узнаю, хочет он или нет.

— Если ты еще вдобавок попросишь у меня деньги на автомат, то это и будет считаться исполнением твоего желания: ведь оно может быть только одно!

Я не стал спорить с Дедом Морозом: с волшебниками спорить не полагается.

К тому же я решил, что мой лучший друг Валерик-гипнотизер и правда не захочет, чтобы каникулы никогда не кончались...

Почему гипнотизер? Сейчас расскажу вам...

Однажды в пионерлагере, где мы летом были с Валериком, вместо киносеанса устроили «сеанс массового гипноза».

— Спать! Спать! Спать!.. — замогильным голосом произносил со сцены бледный гипнотизер.

— Это какое-то шарлатанство! — на весь зал воскликнула старшая пионервожатая. И первая в зале уснула...

А потом уснули и все остальные. Только один Валерик продолжал бодрствовать. Тогда гипнотизер разбудил нас всех и объявил, что у Валерика очень сильная воля, что он сам, если захочет, сможет диктовать эту свою волю другим и, наверно, при желании сумеет сам стать гипнотизером, дрессировщиком и укротителем.

Все очень удивились, потому что Валерик был невысоким, худеньким, бледным и даже в лагере летом совсем не загорел.

Я, помню, решил немедленно использовать могучую волю Валерика в своих интересах.

— Мне сегодня нужно учить теоремы по геометрии, потому что завтра меня могут вызвать к доске, — сказал я ему в один из первых дней нового учебного года. — А мне очень хочется идти на футбол... Продиктуй мне свою волю: чтобы сразу расхотелось идти на стадион и захотелось зубрить геометрию!

— Пожалуй, — сказал Валерик. — Попробуем. Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай внимательно: в оба уха!

И начал диктовать мне свою волю... Но через полчаса я все равно отправился на футбол. А на другой день сказал своему лучшему другу:

— Я не поддался гипнозу — значит, и у меня тоже сильная воля?

— Сомневаюсь, — ответил Валерик.

— Ага, если ты не поддаешься, то это из-за сильной воли, а если я не поддаюсь, то это ничего не значит? Да?

— Извини, пожалуйста... Но, по-моему, это так.

— Ах, это так? А может быть, и ты вовсе никакой не гипнотизер? И не дрессировщик? Вот докажи мне свою силу: усыпи сегодня на уроке нашу учительницу, чтобы она не смогла меня вызвать к доске.

— Извини... Но если я начну ее усыплять, могут уснуть и все остальные.

— Понятно. Тогда просто продиктуй ей свою волю: пусть она оставит меня в покое! Хотя бы на сегодняшний день...

— Хорошо, постараюсь.

И он постарался... Учительница раскрыла журнал — и сразу же назвала мою фамилию, но потом подумала немного и сказала:

— Нет... пожалуй, сиди на месте. Лучше послушаем сегодня Парфенова.

Мишка Парфенов поплелся к доске. А я с того самого дня твердо поверил, что мой лучший друг — настоящий укротитель и гипнотизер.

...Дед Мороз торжественно объявил:

— Выполняю твоё желание, ты получишь путевку в Страну Вечных Каникул!

Я быстро протянул руку. Но Дед Мороз опустил ее:

— В сказке путевок на руки не выдают! И пропусков не выписывают. Все произойдет само собой. С завтрашнего утра ты очутишься в Стране Вечных Каникул!

— А почему не сегодня? — спросил я; мне очень не терпелось.

— Потому что сегодня ты можешь отдыхать и развлекаться без всякой помощи волшебной силы, каникулы ведь еще не кончились. Но завтра все пойдут в школу, а для тебя каникулы будут продолжаться!..

Вот так все и началось: как в самой настоящей

На следующий день чудеса начались прямо с утра: не зазвонил будильник, который я накануне завел и, как всегда, поставил на стуле возле кровати.

Обычно по утрам Валерик, который жил этажом выше, сбегая вниз, давал три торопливых, словно догоняющих друг друга, звонка в нашу дверь. Он не дожидаясь, пока я выйду на лестницу, он продолжал мчаться вниз, а я настигал его уже на улице.

В то утро Валерик не позвонил... Чудеса продолжались.

Все, словно заколдованные Дедом Морозом, пытались удержать меня дома, не пустить в школу. Но я все равно решил в школу пойти... «Ведь если меня умчат в Страну Вечных Каникул прямо из дому, — рассуждал я, — мама очень испугается, а у нее больное сердце и ей нельзя волноваться... Пусть лучше это

произойдет в школе или на улице. Вот, может быть, выйду сейчас — а у подъезда меня поджидает какое-нибудь сказочное средство передвижения! Нет, не ковер-самолет: всюду пишут, что он для новых сказок уже устарел. А какая-нибудь ракета или гоночный автомобиль!»

Но у подъезда я увидел только старое грузовое такси, из которого выгружали мебель. Не на нем же мне предстояло унести в сказочную страну!

На перекрестке, возле светофора стояло много разных машин, но среди них не было ни одного гоночного автомобиля и ни одного воздушного корабля...

Мне нужно было пересечь улицу и затем свернуть в переулок налево. Я уже шагнул на мостовую, стараясь ступать как можно легче: если меня вдруг подхватит какая-нибудь волшебная сила, пусть ей будет не очень

трудно оторвать меня от земли! И вдруг услышал над самым своим ухом свисток. «Ага, предупреждающий сигнал!» — обрадовался я. Обернулся — и увидел милиционера. Высунувшись по самый пояс из своего «стакана», он кричал:

— Не туда идешь! Заблудился, что ли? Остановка направо!

— Какая остановка?

Но уже в следующее мгновение я понял, что милиционер — это переодетый в синюю форму посланец Деда Мороза. Волшебной палочкой, перевоплотившейся в полосатый милицкий жезл, он, конечно, указывал мне остановку или, верней сказать, посадочную площадку того самого... что должно было прилететь за мной и умчаться в Страну Вечных Каникул.

Я быстро пошел к столбу, возле которого, как у мачты с флагом (полотнище заменял прямоугольный плакат «Остановка троллейбуса»), выстроилась довольно-таки длинная очередь.

И прямо тут же, словно еле-еле дождавшись моего прихода, подкатил троллейбус, у которого впереди и на боку вместо номера было написано: «В ремонт!». Он был пустой, только в кабине склонился над своей огромной баранкой водитель, и сзади, возле слегка подмороженного окна подпрыгивала на своем служебном месте, как всегда — спиной к тротуару, кондукторша в платке.

Когда пустой троллейбус остановился и сзади раздвинулись дверки-гармошки, кондукторша высунулась и обратилась не к очереди, а лично ко мне (ко мне одному!):

— Садись, дорогой! Добро пожаловать!

Я изумленно отшатнулся в сторону, никогда я еще не слышал, чтобы кондукторша так разговаривала с пассажирами.

— Сейчас не моя очередь, — сказал я.

— А им с тобой не по дороге! У них — другой маршрут.

— Но мне не нужно «в ремонт»...

Конечно, кондукторша эта была не просто кондукторшей, потому что очередь не произнесла ни звука и потому что под ее взглядом я все-таки покорно залез в пустой троллейбус. Двери-гармошки с легким стуком захлопнулись за моей спиной.

У кондукторши на ремне болталась сумка с билетами. Я стал шарить в кармане брюк, где лежали деньги на завтрак.

— Если ты заплатишь и возьмешь билет, — строго предупредила кондукторша, — контролер оштрафует тебя!

Все было наоборот! Все было как в сказке! Или, верней сказать — все было в сказке. В самой настоящей!..

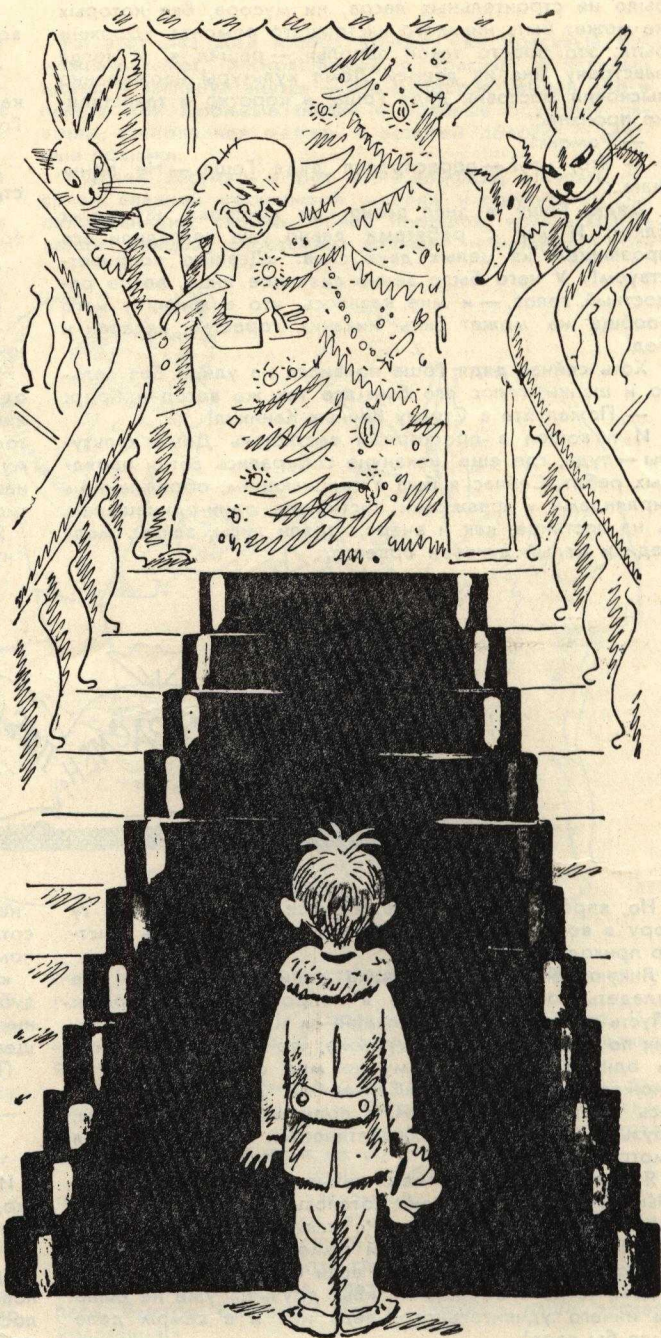
Хоть я отправился в Страну Вечных Каникул не в быстромодном автомобиле и не на воздушном корабле, но зато бесплатно и один в целом троллейбусе! Я сел сзади поближе к дверям-гармошкам.

— Тебя не трясет? — заботливо спросила кондукторша. — Ты ведь можешь сесть где угодно: хоть впереди, хоть на моем кондукторском сиденье! Для этого тебе и подали отдельный троллейбус!

— Я люблю немного потрястись, — ответил я. — Так приятно подсакивать на одном месте!..

— Лишь бы тебе это доставляло удовольствие! — сказала кондукторша.

И я остался на своем заднем сиденье: мне было как-то неловко разгуливать по троллейбусу и пересаживаться с места на место.

— Первая остановка — твоя! — предупредила кондукторша.

Пустой троллейбус действительно по-стариковски дергался и трясся сильнее, чем всегда, но мне казалось, однако, что все в нем было исправно, — непонятно, зачем он катил «в ремонт»? Вскоре он притормозил, остановился.

— До свидания, милый! — сказала кондукторша.

Я спрыгнул на тротуар. И увидел прямо перед собой Дом культуры медицинских работников. О, чудо! На нем тоже висели дощечки со словом «Ремонт». Но не

было ни строительных лесов, ни мусора, без которых не может быть никакого настоящего ремонта. «Должно быть, это просто такой пароль», — решил я. И когда навстречу мне из дверей Дома культуры неожиданно выскочил массовик дядя Гоша, я коротко и таинственно произнес:

— Ремонт!

— Что, что? — переспросил дядя Гоша. — Не понимаю...

Дядю Гошу я знал давно: он выступал на многих Елках. И мы с ребятами давно уже наградили его прозвищем из целых двух слов: «Давайте поприветствуем!» У него было вечно сияющее лицо, вечно радостный голос, — и мне казалось, что в жизни у него вообще не может быть никаких горестей, печалей и бед.

Хоть сейчас дядя Гоша появился на улице без пальто и шапки, голос его был все так же весел и бодр:

— Пожалуйте в Страну Вечных Каникул!

И я вошел в просторный вестибюль Дома культуры — туда, где еще накануне собирались сотни нарядных ребят. Сейчас я был в сверкающем, обрамленном гирляндами и флажками вестибюле один-одинешенек. А на лестнице, как и вчера, стояли лисы, зайцы, медведи и целый духовой оркестр.

— Давайте поприветствуем юного каникуляра! — воскликнул дядя Гоша.

— Кого?! — не понял я.

— Юные жители Страны Вечных Каникул называются каникулярами и каникулярками, — объяснил дядя Гоша.

— А где же они: каникуляры и каникулярки?

— Никого нет... Все население на данном этапе состоит из тебя одного!

— А где просто эти... которые были вчера? Ну, юные зрители?

Дядя Гоша виновато развел руками:

— Все в школе. Учатся...

И он снова воскликнул:

— Давайте поприветствуем нашего единственного юного каникуляра!

И оркестр грянул торжественный марш, хоть я был одним-единственным зрителем, пришедшим на праздник. Марш гремел гораздо громче, чем накануне, потому что звуки его разносились по совершенно пустому вестибюлю. А потом с белокаменной лестницы навстречу мне ринулись переодетые зверями артисты...

Я обомлел. Это было уже слишком. Это было чересчур даже для сказки.

Но, впрочем, я тут же оправился от смущения. В ту пору я вообще редко смущался и всегда очень быстро приходил в себя.

Ликующий голос массовика дяди Гоши помог мне овладеть собой. Накануне я попросил Деда Мороза: «Пусть всегда будет эта Елка!» — и массовик вел утренник по той же самой программе, что и вчера, не меняя ни одного слова. Поэтому ко мне он обращался во множественном числе: «Сейчас вы, друзья, поднимитесь в большой зал!». И я поднимался. «Сейчас вы, друзья, посмотрите акробатический номер!». И я смотрел.

Я был горд тем, что меня называют так уважительно: «Вы, друзья!». Мне очень хотелось, чтобы рядом очутился Валерик и услышал, с каким почтением обращается ко мне сам главный помощник Деда Мороза. Но потом я сообразил, что, если бы Валерик очутился рядом, тогда в обращении «Вы, друзья!» уже не было бы ничего удивительного: ведь нас и в самом деле было бы двое!

Дядя Гоша был мастером своего дела: он обращался ко мне в прозе и в стихах, которые сочинял сам. Последнюю стихотворную строку он, как обычно, не дочитывал до конца, он таинственно умолкал, чтобы рифму угадали сами юные зрители.

В то утро дядя Гоша воскликнул:

— Ну, а сейчас с огромным чувством

Мы познакомимся с...

— Искусством! — угадал я.

— Хорошо, хорошо! Тоже будешь поэтом! — похвалил меня дядя Гоша.

И сразу начался концерт. Мне казалось, что песен и танцев в то утро было гораздо больше, чем накануне,

не, потому что раньше они как бы распределялись на сотни юных зрителей, а в то утро доставались мне одному. И я был просто в восторге!

«Все ребята сейчас сидят в классе, — радовался я, — зубрят, потеют у доски. А я снова на елочном празднике как их полномочный представитель, или, сокращенно говоря, полпред!»

Потом дядя Гоша вновь перешел на стихи:

— Ну, а сейчас с большим задором
Все будем петь!

Что значит...

— Хором! — подхватил я.

И мне действительно пришлось петь, потому что это входило в программу утренника. На несколько минут я даже пожалел, что со мной рядом не было, как вчера, других школьников и школьниц, потому что петь «хором» одному очень трудно. Особенно, если у человека такой ужасный слух, как у меня. Накануне голоса ребят как бы заслоняли собой мой голос, но в то утро заслонять было некому...

И я запел. Песня была очень длинной, и я не мог остановиться посередине, потому что мне аккомпанировал целый оркестр. Все шло по вчерашней программе, — и поэтому, когда я наконец закрыл рот, зайцы, медведи и лисы захлопали мне очень громко, как и полагалось...

А сам массовик опять перешел на рифмы:

— Собирайся, весь народ —

Собирайся в...

— Хоровод! — угадал я.

И один пошел «хороводом» вокруг елки. Это тоже было не очень приятно, но все же легче, чем петь. Зато потом грянул туш, — и появился Дед Мороз в

окружении своей свиты. Впереди на легких серебристых роликах кружилась Снегурочка. Она подкатила прямо ко мне, и я взволнованно вскочил со своего места, потому что она была внучкой Деда Мороза, а внука волшебника, конечно, и сама тоже хоть немного волшебница.

— Дедушка поручил мне оформлять прописку в Стране Вечных Каникул. Но до сих пор я была без всякой работы: прописывать было некого! — сказала она. — У тебя есть паспорт?

Она спросила это так деловито, словно была паспортисткой из нашего домоуправления.

— Пока еще нету... — ответил я.

— Тогда мне куда поставить штамп о прописке, — сказала она.

— Меня при рождении, кажется, вписали в мамин паспорт, — тихо сообщил я.

— Но туда я не могу поставить свой штамп, — возразила Снегурочка, — ведь твоя мама не выразила желания быть жительницей Страны Вечных Каникул. Ты — первый каникуляр в вашей семье, и во всей вашей школе, и во всем вашем городе...

— А как же тогда быть? — пробормотал я.

— Ничего! Считаю, что ты все равно прописан. Мы отметим это в моем пригласительном билете. Билет-то хоть у тебя есть?

Я протянул свой измятый и замусоленный вчерашний билет, где был уже оторван корешок с заветным словом «Подарок». Снегурочка повертела билет в руках, что-то пошептала, на миг крепко зажала его между ладонями и вернула мне. Я взглянул на билет — и увидел новое чудо: билет стал новеньким, даже вновь запахом типографской краской. Корешок с «Подарком» опять был на своем месте, а наверху красовался прямоугольный штамп, на котором было написано: «Прописан постоянно. По адресу: Страна Вечных Каникул».

— В конце утренника дай билет на подпись Деду Морозу, — сказала Снегурочка. — Без его подписи — недействительно.

И Снегурочка-паспортистка умчалась на своих легких серебристых роликах.

Дед Мороз, как и накануне, встал в центре зала с секундомером в руке, будто судья на стадионе, и объявил соревнование: «Кто всех быстрее? Кто всех ловчее? Кто всех умнее?»

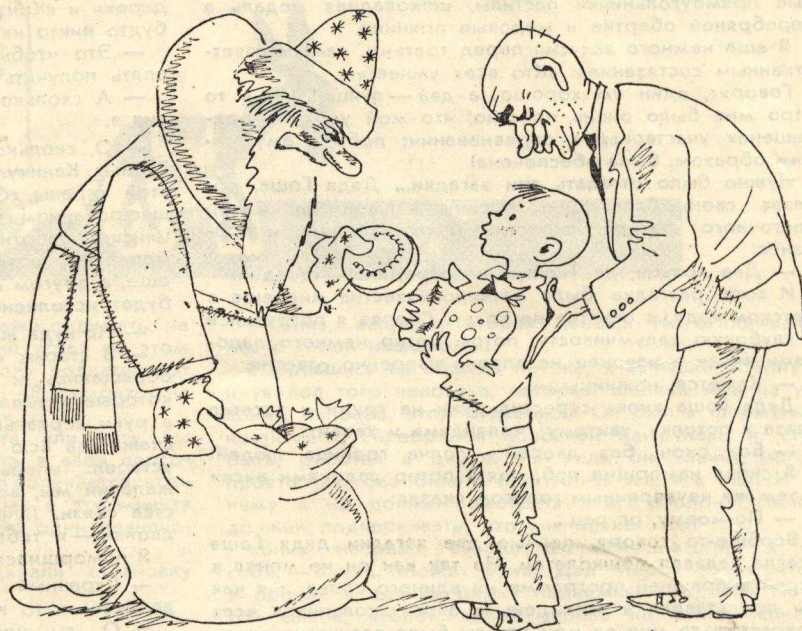
Снова ко мне подвели под уздцы «старого, но боевого коня» — облезлый зеленый велосипед (должно быть, дядя Гоша возил его с Елки на Елку), я опять взобрался на кожаное седло и нажал на педали. Но на этот раз я не очень торопился, — мне было ясно, что я все равно буду «всех быстрее», потому что соревновался я сам с собой.

«Как это здорово: быть абсолютно уверенным в своей победе! — думал я, от удовольствия совсем уже замяв ход. — Никто не может меня догнать и обогнать!»

Размечтавшись, я подъехал к финишу на самой медленной скорости. Сразу же было объявлено, что я «быстрее всех» — и мне был вручен победный приз. Конечно, не такой, как накануне. Самый необычайный приз может быть вручен только один раз, иначе он не был бы «самым необычайным».

На этот раз Дед Мороз вручил мне красивый бумажный пакет, раскрашенный в красный и зеленый цвета. Я заглянул внутрь — и с радостью увидел, что в пакете мои любимые белые и розовые брусочки пастилы, шоколадная медаль в золотой обертке и мятные пряники.

Я успел засунуть в рот одну конфету, откусить кусочек сладкой коричневой медали и ощутить во рту охлаждающий, словно зубной порошок, вкус мяты: в конце концов, спортсмен должен подкрепить свои

силы после одного ответственного состязания и наказания другого!

«Кто всех ловчее?!» — провозгласил Дед Мороз. И я вышел вперед, готовый вновь ринуться в соревнование с самим собой!

Нужно было запомнить, где дядя Гоша расставил три металлических кольца, — и потом с завязанными глазами пролезть или прыгнуть сквозь кольца, как через тоннель, не задев их и не стронув с места.

Дядя Гоша вообще очень любил, чтобы юные зрители закрывали или завязывали глаза: в эти-то минуты он и совершал все самое загадочное и чудесное. «Вы видите: я — в черной куртке! — восклицал дядя Гоша. — Теперь закройте глаза! Откройте!.. Я — уже в красной!» «Закройте глаза! — командовал он. — Теперь быстро откройте! Вот и зажглась наша лесная красавица!»

Мальчишки редко подчинялись дяде Гоше или закрывали только один глаз. Поэтому они видели, что массовик просто сбрасывал одну куртку, под которой была другая. Но зато они улавливали и тот в самом деле прекрасный миг, когда заливалась огнями елка, будто кто-то высыпал на нее сверху горсть драгоценных камней. А девочки, всегда более исполнительные, по команде дяди Гоши аккуратно моргали ресницами, словно куклы с закрывающимися и открывающимися глазами.

Я пристально, чтобы хорошенько запомнить, посмотрел, где дядя Гоша расставлял металлические кольца. Мне завязали глаза носовым платком... Я стремительно прыгнул — и ничего не задел. Но оказалось, что я

прыгнул мимо кольца. Второе кольцо повисло у меня на шее. А через третье я пролез, как полагалось: не задев и не стронув с места. Таким образом, я набрал одно очко из трех возможных. И тут же на весь Дом медицинских работников торжественно объявили, что я «всех ловчее». Да, конечно, я был ловчее всех! И это наполняло не то что сердце, а прямо-таки меня всего целиком радостью и ликованием.

Дед Мороз вручил мне еще один приз: пергаментный конверт, раскрашенный в голубой и желтый цвета. Я заглянул внутрь и увидел, что там — белые и розовые прямоугольнички пастилы, шоколадная медаль в серебряной обертке и медовые пряники.

Я еще немного закусил перед третьим, самым ответственным состязанием «Кто всех умнее?»

Говорят, один ум хорошо, а два — лучше! Но в то утро мне было очень приятно, что мой ум один-единешенек участвовал в соревновании: победа ему, таким образом, была обеспечена!

Нужно было отгадать три загадки... Дядя Гоша, обвязав свою блестящую лысину чалмой на манер восточного факира, скрестил руки на груди и произнес:

— Два кольца, два конца, а посередине — гвоздик!

И хотя разгадка была хорошо известна мне еще в детском саду, я ответил не сразу. Сперва я погрузился в глубокую задумчивость, потом потер немного ладонями виски и наконец не вполне уверенно ответил:

— Кажется, ножницы...

Дядя Гоша вновь скрестил руки на груди и закатиł глаза к потолку, увитому гирляндами и хвоей:

— Без окон, без дверей — полна горница людей!

Я снова наморщил лоб, опять потер ладонями виски и тем же неуверенным голосом сказал:

— По-моему, огурец...

Вообще-то говоря, первые две загадки дядя Гоша всегда задавал дошколятам. Но так как он не менял в своей вчерашней программе ни единого слова, а я как бы представлял в этот день в зале школьников всех возрастов, то мне за мои ответы было засчитано сразу два очка.

Третья загадка была потруднее и не такая известная — ее дядя Гоша обычно задавал ребятам постарше. Но тут уж мой ум жил, как говорится, чужим умом: ответ я запомнил еще накануне. И повторил его... Но тоже, конечно, не сразу, а глубоко поразмыслив и потерев виски ладонями.

Мне был вручен третий приз: целлофановый пакет, раскрашенный в коричневый и синий цвета. Я даже не стал заглядывать внутрь — я уже заранее знал, что там — пастила, шоколадная медаль и пряники...

Таким образом, я стал абсолютным чемпионом: победил во всех трех соревнованиях! Зайцы, лисы и медведи танцевали вокруг меня, воспевали мои достижения и протягивали свои лапы для крепкого, дружеского «лапопожатия».

Но потом все расступились: ко мне своей степенной дедморозовской походкой подошел Дед Мороз. В руках у него был мешок, из которого он всегда в конце праздника доставал самые желанные для ребят, самые заветные новогодние подарки.

«Отдал бы мне весь мешок сразу! — подумал я. — Ведь, кроме меня, дарить подарки здесь абсолютно никому».

И хотя я с трудом удерживал в руках три пакета со своими призами, но как-то, сам того не замечая, потянулся еще и к мешку...

— Нет, — остановил меня Дед Мороз. — Призы ты уже получил... А подарок я могу дать тебе только один: бухгалтерия выписывает подарки по числу зрителей. И тут даже волшебная сила бессильна! В бухгалтерские дела и расчеты мы, честные волшебники, не вмеши-

ваемся. Так что, хоть ты и заменял сегодня целый зрительный зал, но получаешь всего-навсего одну коробку.

Я взял жестяную коробку, мельком заглянул в нее. Так и есть: пастила, шоколадная медаль и тульские пряники. Сбывались мои самые заветные желания и мечты!

Я протянул Деду Морозу пригласительный билет, чтоб он, как всегда, оторвал корешок со словами «Подарок». Он оторвал. Потом положил билет на одну рукавицу, накрыл сверху другой, на миг крепко зажал его между рукавицами — и корешки со словами «Подарок» и «Контроль» снова оказались на своих местах, будто никто их и не отрывал.

— Это чтобы ты завтра снова мог прийти сюда и опять получить свой подарок, — объяснил Дед Мороз.

— А сколько еще раз будут эти утренники? — спросил я.

— О, сколько захочешь! Ведь ты прописан в Стране Вечных Каникул навечно! И как раз здесь, в столице этой страны. Она называется Докмераб, что в расшифрованном виде обозначает: Дом культуры медицинских работников. Запомни на всякий случай: Докмераб! А если пожелаешь развлекаться где-нибудь еще, в другом месте, только сообщи, — и твое желание будет исполнено! Слово каникуляра для нас — закон!

— Но куда же я сообщу?

— В старых сказках по поводу исполнения желаний обращались к разным неодушевленным предметам, которые назывались талисманами. Ну, например, брали в руки зеркальце и просили его: «Ты мне, зеркальце, скажи да всю правду доложи!» Этот способ давно устарел. Теперь для получения заявок на исполнение желаний мы, волшебники, используем новейшие средства связи. Лучше всего — телефон. Ты наберешь две двойки — и тебе сразу ответит «Стол заказов»...

Я поморщился:

— Странный немного... телефонный номер. Одна двойка — и то как-то неприятно, а тут целых две!

— О, ты неправ! — воскликнул Дед Мороз. — Мы специально подобрали именно такой номер: чтобы он был привычен и близок сердцу каникуляра. Наберешь — и сразу ответит «Стол заказов»!

— Как в магазине?

— О, нет, это совсем другое дело! Там принимают заказы на продукты, а тут на исполнение желаний. Так что звони, не стесняйся! Но только по поводу развлечений! Других желаний мы выполнять не можем.

— А как же школа? — спросил я.

— О, об этом ты не волнуйся, — авторитетно заверил меня Дед Мороз. — Учителя будут только довольны!

— А папа с мамой?

— И они тоже!

Я, конечно, не мог усомниться в его словах: ведь он уже на деле доказал мне, что может запросто совершать чудеса! Но все-таки вечером во дворе я спросил Мишку Парфенова:

— Слушай, Мишка, а учительница заметила, что меня сегодня не было в школе? Или не заметила?

— Ну как же! Заметила!.. И знаешь, что сказала?

— Что я прогуливаю.

— Нет. Она сказала, что ты проходишь какой-то «курс лечения».

— Как? Как?!

— Курс лечения! Что-то она, наверно, перепутала.

Мишкино сообщение так поразило меня, что я сразу пошел домой. «Почему курс лечения? — размышлял я. — Какой же такой курс лечения? А может быть, Дед Мороз внушил ей, что я тяжело болен?»

Я набрал две двойки.

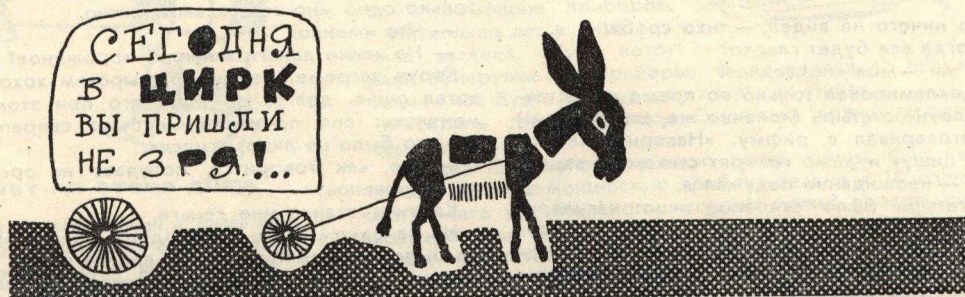
— Стол заказов! — ответила мне Снегурочка.

— Вы справки даете?
 — Какие?
 — Я бы вот очень хотел узнать... Почему наша учительница сказала, что я прохожу курс лечения?
 — Твоя бывшая учительница просто оговорила...
 «Бывшая? — удивился я. — Ах, да! Я же навек распрощался со школой!..»
 — Она хотела сказать «курс развлечения», — продол-

жала Снегурочка, — а случайно сказала «курс лечения». Вот и все. Заявок на развлечения нету?

— Нету... — ответил я. — Хотя... Одну минутку! Подожди, Снегурочка... Сейчас вспомню! Ах да, я очень хочу в цирк!

— Заказ принят! — ответила внучка Деда Мороза. — Номер заказа: один дробь семь. Приняла и оформила Снегурочка.

Днем, выйдя на улицу, я не успел даже подумать, на чем бы мне добраться до цирка... Я не успел об этом подумать, потому что прямо к подъезду подкатил тот самый пустой троллейбус с дощечкой «В ремонт!» на заднем стекле, возле дверей-гармошек.

Мне очень хотелось, чтобы ребята или хотя бы взрослые соседи увидели, как я сажусь в свой персональный троллейбус. Но уж так всегда получается: если хочешь, чтоб тебя увидели, то как раз в эту минуту рядом никого не оказывается. Только один незнакомый пешеход сказал другому:

— Посмотри-ка, здесь теперь сделали остановку троллейбуса!

Я повернулся и гордо сообщил:

— Здесь нет остановки. Это за мной приехали!..

И поднялся по ступенькам навстречу той же самой приветливой кондукторше.

По вечерам здание цирка выглядело наряднее, чем сейчас, в дневное время: фамилии акробатов, укротителей и клоунов были тогда написаны на нем разноцветными огнями. А сейчас кое-какие фамилии даже трудно было разобрать: утром на буквах налипли снежинки, потом потеплело — и буквы вытянулись, потекли вниз. Но я все же сумел прочитать, что в представлении участвует знаменитый клоун-богатырь.

Остальные фамилии я прочитать не успел, потому что на меня наскочила какая-то дама, державшая за руку маленькую девочку:

— У тебя нет лишнего билета?

— У меня нету... — ответил я.

Маленькая девочка, которая совсем уже приготовилась попасть в цирк (я видел это по ее празднично заплетенным косичкам), скривила губы, еле-еле удерживаясь от плача. И меня тоже стала тревожить мысль: «Как же пройти мимо контролеров туда, внутрь, где скоро загремит музыка, и забегают по арене светящиеся круги, и будет показывать свои номера знаменитый клоун-богатырь? Тут ведь не Докмераб, не столица Страны Вечных Каникул. И дядя Гоша не встречает меня у входа...»

Так думал я, потихоньку, боязливо приближаясь к тому месту, где широкий поток зрителей словно бы входил в искусственный шлюз — в узкий проход, по обеим сторонам которого стояли контролерши в форменных костюмах с серебряными полосками на рукавах. Неужели Дед Мороз забыл обо мне?..

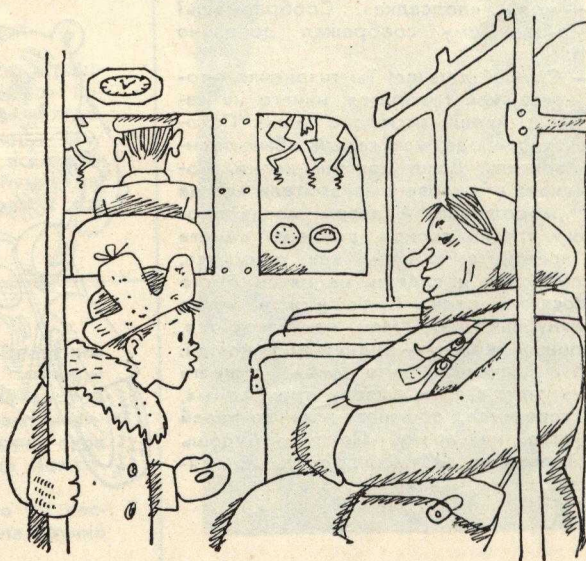
Когда до опасного шлюза оставалось всего несколько шагов, я услышал осторожный шепот:

— Вниз, направо, вторая дверь... Не оглядывайся! Мы с тобой знакомы!

Выбравшись из общего потока, я все-таки обернулся и увидел того человека, который шепнул мне на ухо: «Вниз, направо, вторая дверь...» Он был в форменном костюме с серебряной полоской на рукаве и, стало быть, работал в цирке. Но ведь он, значит, мог бы просто так, без билета пропустить меня в зал! И почему я не должен смотреть в его сторону? Почему должен подчеркивать, что мы знакомы?

«Вниз, направо, вторая дверь! — повторил я про себя. — Вниз?.. Может быть, Дед Мороз хочет, чтобы я проник в здание цирка подземным ходом?» Но на той самой, второй двери справа не было написано «Подземный ход», а было написано «Служебный вход». Я вошел... И ко мне сразу кинулось трое или четверо людей в форменных костюмах с серебряными полосками.

— Никто не видел, как ты сюда зашел? Никто не слышал, как тебя сюда послали?

— Никто, — ответил я. — А что такого особенного, если б кто-нибудь и услышал?

— Это невозможно! — раздался громовой голос. — Тогда бы все погибло.

— Что погибло? — тихо спросил я, отступая назад перед огромным человеком в ярком и нелепом клоунском костюме. — Что бы тогда погибло?

— Тогда бы весь мой номер

Сегодня в зале помер!

Эти стихи почему-то очень напомнили мне стихи дяди Гоши.

— Нет, никто ничего не видел, — тихо сообщил я.

— Тогда все будет гладко!

Ведь ты — моя «подсадка»!

Дядя Гоша декламировал только во время представлений, а этот клоун-богатырь (конечно же, это был он!) все время разговаривал в рифму. «Наверно, не все люди, которые пишут и даже говорят стихами, называются поэтами», — неожиданно подумал я.

У клоуна-богатыря было свирепое лицо: насупленные брови, огненно-красные щеки, которые напоминали две раскрашенные тыквы, глаза состояли из одних только круглых черных зрачков, а белков совсем не было. Но это была маска. А под ней, мне казалось, должно было скрываться лицо, очень похожее на лицо массовика дяди Гоши — вечно ликующее, неизвестно чему улыбающееся. И лысина, наверно, была такая же блестящая, словно отполированная, хотя над маской торчала мохнатая и густая щетка чьих-то чужих волос.

— Да будет все в порядке:

Ведь в зале — три «подсадки»!

— А куда я должен подсаживаться?

Не в поезд, конечно, —

ведь здесь не вокзал!

А просто как зритель

в наш зрительный зал!

Ты тихо подсядешь у всех на виду

На пятое место

в десятом ряду!

Я молчал.

— Опять не понимаешь? Это, вероятно, из-за стихов, — прогремел над самым моим ухом клоун-богатырь. — Давай поговорим как нормальные люди.

— Очень хорошо! — обрадовался я.

— Главное — секретность или, как говорится, конспирация. Никто не должен знать, что ты — моя «подсадка». Соображаешь? Я по-прежнему соображал довольно туго.

— Слушай дальше! Ты тихонечко, что-бы никто, как говорится, ничего не заметил, выйдешь отсюда в фойе. Походишь туда-сюда, как самый обыкновенный зритель. Даже можешь купить мороженое: обыкновенные зрители всегда едят мороженое. А потом, когда прозвонит третий звонок, войдешь вместе со всеми, в общей, как говорится, массе в зал и сядешь на пятое место в десятом ряду. Сиди и жди, когда я начну выступать. Мой, как говорится, коронный номер — поднятие тяжестей. Чтобы доказать, что мои тяжести очень тяжелые, я вызову трех самых, как говорится, обыкновенных зрителей из зала на арену. Первым будешь ты! Только не вздумай поднять мои тяжести...

— Я не смогу, — тихо сказал я.

Клоун-богатырь перешел на шепот. Но и от его шепота подрагивал графин на столе:

— Ты вполне сможешь поднять мои тяжести, потому что они очень легкие. Соображаешь? Но ты должен делать вид, что их невозможно не только поднять, но даже, как говорится, сдвинуть с места. Соображаешь?

— Как говорится, ага... — ответил я, невольно подражая богатырю, который поднимал легкие тяжести. — Только одно мне не совсем понятно.

— Что именно?

— На какие деньги я куплю мороженое?

Клоун загремел своим богатырским хохотом. Он хотел очень долго. Но лицо его при этом ничуть не менялось: оно по-прежнему было свирепым, потому что это было не лицо, а маска.

— Кто, как говорится, получает на орехи, а кто — на мороженое!

Клоун протянул мне деньги.

Ни на одном стуле, ни в одном зрительном зале мне не было так приятно сидеть, как на пятом месте в десятом ряду. Ведь я был не просто зрителем, — я был участником представления, но тайным участником, и никто вокруг об этом не знал.

Сперва на арену вышли четыре медведя. Тяжелые и с виду неповоротливые, они ловко вскакивали на ходу в мотоциклетные коляски, объезжали арену на самокатах и даже разгуливали на передних лапах, задрав задние вверх. Я не хлопал, не визжал от восторга, как мои соседи, сидевшие в десятом ряду, — я все время пристально вглядывался в медведей и думал: а может быть, это не настоящие звери? Если тяжести могут быть легкими, то и медведи могут быть не медведями. Может, какие-нибудь артисты залезли в бурюю шкуру и нацепили медвежьи маски?

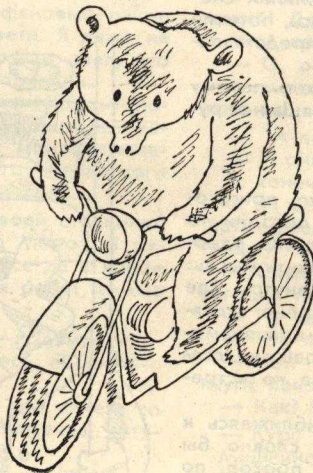
Медведи свободно расхаживали по арене... А тигры не пользовались таким доверием: они были в клетках. Но там, за стальными прутьями, они выделяли такие номера, что я опять стал сомневаться: может быть, это вовсе не тигры? Катаются на шарах, прыгают сквозь горячие обручи. Гораздо ловчее, чем я сквозь обручи дяди Гоши... Вот если бы меня послали проверить: настоящие они или не настоящие? Я представил себе, как дрессировщик провозглашает на весь цирк: «Сейчас обыкновенный зритель, сидящий на пятом месте в десятом ряду, проверит моих зверей. Если он выйдет обратно из клетки, значит, звери настоящие, а если не выйдет — значит, все в порядке». От одной этой мысли все мои сомнения сразу рассеялись: нет, конечно, тигры не нуждаются ни в какой проверке! Я готов был подтвердить это прямо со своего места в десятом ряду, даже не подходя к клеткам.

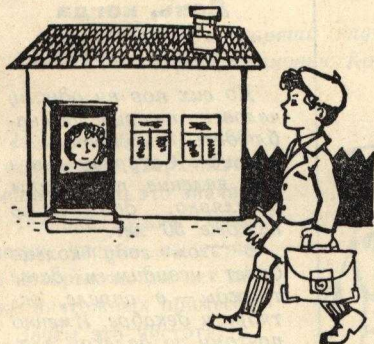
Когда чего-нибудь ждешь, время тянется томительно, медленно. Я не замечал, какой интересной и разнообразной была цирковая программа, потому что с нетерпением ждал выхода на арену знаменитого клоуна.

И вот, наконец, на арене загремели стихи:

— Сегодня в цирк вы пришли не зря:
Увидите клоуна-богатыря!

Окончание следует

Портрет на стене дома

Окраина города Берген в Норвегии застроена домиками на одну семью. Домики похожи друг на друга как близнецы. Ребятам, живущим в этом районе, не так-то легко попасть из школы домой: попробуй здесь не заблудиться. На экстренном родительском собрании было решено... на двери каждого дома повесить портрет матери, живущей здесь.

Огурец — бомба

В Крыму и на Кавказе растет «бешеный огурец». Мелкие, покрытые жесткими щетинками плоды, похожие на огурчики, спокойно лежат под разлапистыми листьями. Но стоит к такому плодику притронуться, как он отрывается от ножки, с треском лопается, из него фонтаном вылетают семена. То-то пугаются мелкие зверьки, нечаянно задев эту маленькую бомбу!

Власть стола

Знаете, как переводится страшное слово бюрократизм? «Бюро» по-французски «стол», «кратос» по-гречески «сила», «власть» — власть стола, иначе говоря, привычка все рабочее время проводить над бумагами, за столом, в отрыве от жизни и живых людей.

А мур станет короче

Скоро судоходный канал соединит эту реку с Татарским проливом. Важные грузы — хлеб, соль, нефть, лес, металлы и машины пойдут более коротким путем. Ранняя зима в низовьях Амура не будет больше помехой речникам: навигация удлинится почти на полтора месяца. А морские суда смогут подниматься вверх по Амуру до города Комсомольска.

Важное решение о строительстве канала принято на сессии Академии наук в Хабаровске. Рождение канала научно обосновано!

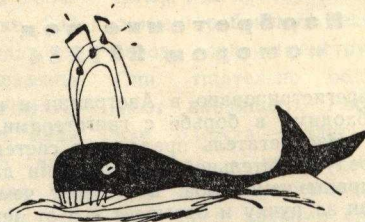
Музыка моря

Море полно звуков. Называть морские глубины «миром безмолвия» никак нельзя, хотя человеческое ухо воспринимает лишь некоторые звуки моря, многие можно обнаружить только с помощью приборов.

Несколько лет ученых мучила загадка. Шум, который обнаруживали приборы, то появлялся, то исчезал. Его источник как будто бы передвигался в глубинах.

Раскрыть тайну удалось. Звуковые волны вызвало биеение сердца кита.

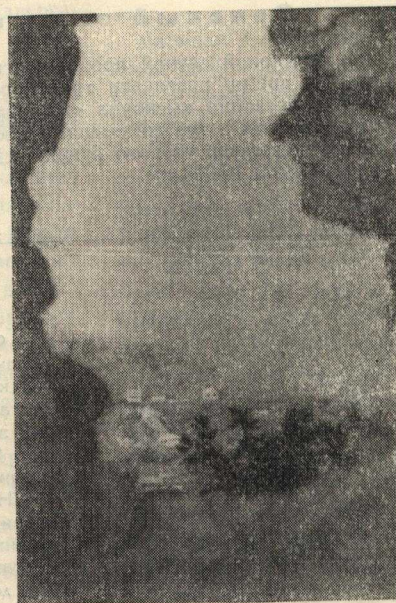
Сердце большого кита весит около тонны. Оно перекачивает 8 тонн крови с мощностью приблизительно в 10 лошадиных сил. Нет ничего удивительного, что оно может вызвать сильные звуковые волны. Они возникали, когда животное раскрывало пасть, чтобы проглотить очередную порцию мельчайших морских организмов, которыми оно питается. Закрытая пасть — преграда для распространения волн.

Удивительный портрет

Есть в Закарпатье причудливые развалины гор. Старые горы только невооруженному глазу кажутся хаосом, нагромождением камней и песка. Стоило посмотреть через фотообъектив на полуразрушенную гору, как совершенно отчетливо вырисовался профиль человека.

А вот и его портрет.

ЧТО?

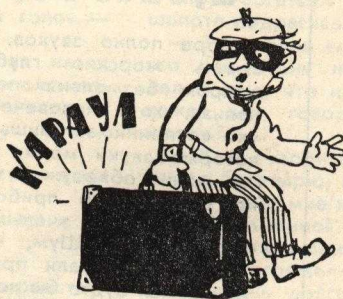
ГДЕ?

Изобретение под номером 237234

зарегистрировано в Австралии и необходимо в борьбе с гангстерами.

...Изобретатель предложил систему предупредительной сигнализации для охраны чемоданов. Вор берет чемодан за ручку и отрывает его от земли, а в это время автоматически подается звуковой сигнал: «Караул, грабят!» Током специальной батареи нагревается и после нагрева испаряется таблетка со слезоточивым веществом, вызывающая горькие слезы у незадачливого похитителя чемоданов. Вор попадает в руки полиции.

Легко представить себе, сколько должно было быть украдено чемоданов, если понадобилось создание такой системы.

День, когда «исчезнет» кольцо Сатурна

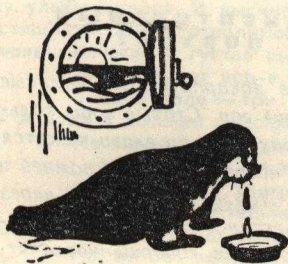
До сих пор ни одному человеку не привелось наблюдать «исчезновение» кольца Сатурна, хотя это явление происходит регулярно, дважды в каждые 30 лет.

В этом году кольцо будет невидимым даже трижды — в апреле, октябре и декабре. Именно поэтому за далекой планетой установят «всемирный патруль». Из обсерваторий в разных районах Земли будут тщательно следить за кольцом Сатурна. Оно должно «исчезнуть», повернуться к Земле ребром в один из первых дней апреля, но в какой именно, — никто не знает.

О толщине кольца астрономы спорят: одни считают, что она не превышает нескольких сантиметров, другие, что она — примерно километр. Если удастся наблюдать исчезновение кольца, наука получит определенные сведения.

Интересно, что наблюдатель с Земли видит одно кольцо, на самом же деле Сатурн окружат три кольца, вращающиеся в одной плоскости. Хорошо изучено только среднее, самое большое кольцо.

Морская болезнь чаек

Сутками качающиеся на волне чайки, казалось бы, не должны быть подвержены морской болезни. Однако, попав на палубу, птицы лежат, беспомощно распутив крылья, приоткрыв клювы. Тюленей тоже укачивает. Всегда добродушные, звери начинают кусаться, из карих глаз катятся слезы. Очутившись за бортом, тюлени сразу приходят в себя, обретая хорошее «расположение духа».

Зеленый заяц, который не заяц

Вот какой случай произошел в складах гданьского порта в Польше. Во время разгрузки транспорта африканских бананов из одного ящика внезапно выскочил «живой» банан, который вдобавок стал махать хвостом и тут же сменил свою зеленую окраску на темно-коричневую. Оказалось, что это африканский хамелеон, который проехал зайцем больше 10 000 км.

Часы-радиостанция

Футбольный судья, выходя на поле, вооружается свистком и часами-хронометром. Головка часов устроена так, что, нажимая на нее, можно пускать и останавливать стрелки. Случилась на поле заминка — судья останавливает часы, это время не идет в счет тайма. Но ведь болельщики не знают, сколько времени «отдыхал» хронометр. Они видят большие часы на башне стадиона и... недовольны этим: настоящие болельщики хотят точно знать, сколько прошло с начала игры.

На заводе электрочасов в Ленинграде сконструировали передатчик — в виде маленькой коробочки — для судьи и приемное устройство для башенных часов. Нажал судья кнопку, и сигнал, посланный передатчиком, остановил часы. Следующий сигнал вновь заставил их идти. Часы на башне могут стать судейским хронометром, который виден всем.

КОГДА?

ПОЧЕМУ?

ЧИСТОТА „ШЕСТЬ ДЕВЯТОК“

Репортаж ведет старший научный сотрудник
Юрий Иванович Колосов

Наш век иногда называют веком сверхчистых веществ. Что это значит?

Технике нужны химически чистые вещества, в которых почти нет даже ничтожных примесей.

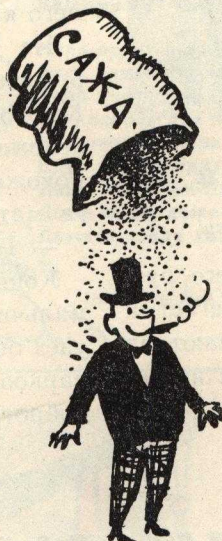
Зачем эта чистота?

Без сверхчистых веществ — всему стоп! Откажут атомные реакторы. Остановятся атомные электростанции. Не сможет работать ледокол «Ленин». Погаснут голубые экраны телевизоров.

Что же считать чистым?

Возьмем, например, сахар. Он белый, тот, что ложечкой кладем в стакан? Белый. Чистый? Мы скажем — да, а химики скажут — загрязненный. Даже наиболее тщательно очищенный — рафинированный — все же не чист химически. Ведь самого сахара, сахарозы, в сахарном песке 99,75 процента. Остальное — примеси разного рода. Они-то и загрязняют вещество, даже если составляют всего 0,0000001 процента.

Судите сами. В типичной межконтинентальной ракете примерно триста тысяч электронных приборов и деталей. Из десяти запусков ракета взлетит девять раз, если каждая ее деталь имеет надежность не менее 99,99996 процента. Иными словами говоря, каждая деталь имеет право выйти из строя один раз за два с половиной миллиона запусков. А получить такие надежные де-

тали можно лишь из сверхчистых веществ.

Только одна-единственная пылинки, не видимая человеческим глазом, способна нанести огромный вред. Из-за нее корабль может отклониться от курса, из-за нее может не взлететь ракета на старте...

Истари известно, что такое ложка дегтя в бочке меда. В бочке 200 килограммов меда, в ложке пять граммов дегтя. Легко подсчитать, что загрязненность меда составляет 0,0025 процента. Это не так уж много, но едва ли кто обрадуется такому меду. Привкус дегтя испортил вкус целой бочки меда. Загрязнить вещество до такой степени нетрудно, а очистить нелегко. Ведь очистить надо до 99,9975 процента, до «четырёх девяток».

Подсчет показывает, что если металл содержит на миллион долей только одну долю примеси, то есть его чистота «шесть девяток» — 99,9999, то в каждом кубическом сантиметре будет 1000000000000000 атомов примеси на 10000000000000000 атомов основного металла. Следовательно, такой металл никак нельзя назвать нечистым.

Чем чище вещество, тем более сложной обработке оно подвергалось. Вот почему сверхчистые вещества гораздо дороже обычных. Ведь получать их в обычных помещениях, где пыль гнездится на подоконниках, в углах, на абажурах и люстрах, нельзя.

Лаборатории сверхчистых веществ не похожи даже на безукоризненные хирургические операционные. Это помещения без углов, без окон и подоконников, разумеется, без карнизов. Стены сверкают мрамором. Пол — из литого пластика. Вместо ламп — светящиеся потолочные панели.

Входом в такую ком-

нату служит не дверь, а шлюз. Мы пробираемся к своему рабочему месту сквозь воздушные струи. Они тщательно обдувают входящего. Рабочая одежда — халат и шапочка — из лавсана. Ему отдано предпочтение перед другими синтетиками, потому что он меньше ворсится. Чистейшие полиэтиленовые туфли предохраняют пол комнаты от пыли.

Вентиляторы постоянно наполняют комнату свежим воздухом. Но и этого мало. Чтобы в лаборатории не проник «чужой» воздух, чистый нагнетают с избытком.

В течение шестичасового рабочего дня в комнате, о которой я рассказываю вам, допускается появление только одной пылинки на десяти квадратных сантиметрах площади. Причем пылинки не должна быть более 0,005 миллиметра. Представить себе трудно, насколько это ничтожное количество пыли...

На моем лабораторном столе два куска титана. Они похожи, как близнецы. Но — при ударе молотком один рассыпается, другой — пластичен, поддается ковке и даже прокату. Что же делает их свойства столь отличными друг от друга? Присутствие азота и кислорода: 0,0001 процента кислорода придает титану хрупкость, заставляет его быть механически непрочным, непригодным для использования в космической технике. Освобождаясь от кислорода, металлический титан становится ковким.

Присутствие следов во-

ды в некоторых веществах скрывает порой их истинные свойства. Не так давно в справочниках можно было прочесть, что сероуглерод кипит при 49,5 градуса. Один исследователь тщательно — в течение двадцати семи лет — высушивал сероуглерод и добился того, что теперь его температура кипения приблизилась к 80 градусам.

Во время другого опыта два совершенно одинаковых по размеру и виду куска чистого металлического цинка были опущены в раствор соляной кислоты. Думаете, они оба растворились? Нет. Один — растворился, бурно выделяя водород, другой остался неизменным. Химический анализ показал, что растворившийся — обычный цинк: 99,7 процента цинка и небольшие примеси. Второй — сверхчистый цинк: примесей всего 0,0004 процента.

Сверхчистое железо перестало ржаветь. Сверхчистый водород не соединяется с хлором. Чистые и сверхчистые водород и кислород не соединяются, не взаимодействуют друг с другом. Страшный гремучий газ перестает взрываться...

Химия помогла увидеть новые свойства веществ. Но это не значит, что все проблемы решены, что химики и металлурги научились получать идеально чистые вещества. Вовсю, если можно так сказать, идет погоня за девятками: десять девяток, одиннадцать, двенадцать. Хотя и это не предел чистоты в химии...

Максимка

Ко 2-й странице обложки

— Максимка! — зовут его русские и украинцы. Он подбегает, и ребята торжественно одевают на его жесткие волосы венок из ромашек.

— Максимка! — кричит венгерская школьница Магдалина Вейси и дарит ему на память открытку с видами Будапешта. «Пиши, Максимка, не забывай...»

— Максимка!..

Какой подарок приготовил для него египтянин Мустафа Ахмет: живого краба! Нелегко было выследить его и поймать. На, Максимка! Для друга ничего не жаль.

Максимка... Это имя произносили так часто, что оно стало для него как бы настоящим.

Из далекой Эфиопии приехал в Артек маленький Сахлу Имру. Кто-то первым увидел его и, вспомнив старый фильм про чернокожего Максимку и его друга матроса, крикнул товарищам:

— Ребята, Максимка приехал!

Кончилось лето, проводили мальчика на родину, в Африку, и увез он с собой много разных подарков. Самый дорогой из них — доброе русское имя Максимка.

Фото и текст А. Манакина

СДЕЛАЙ САМ ЖУРНАЛ «УГОЛЁК»

Кто уже сделал две книжечки «Уголька», кто — одну, а кто еще ни одной не сделал и не знает, что такое «Уголёк». «Уголёк» — это журнал, который ты сам будешь выпускать для малышей. В «Костре» для этого все приготовлено: и обложки, и цветные вкладки, и странички с текстом и рисунками.

Как сделать «Уголёк»?

Аккуратно вырежь и разрежь странички по линейкам, согни по пунктиру и сложи так, чтобы все восемь страничек встали по порядку своих номеров. У тебя получился первый выпуск «Уголька».

К середине года, когда накопится шесть выпусков, ты сможешь сделать из «Угольков» книжечку.

Для этого цветную страницу тоже нужно разрезать по линейкам и сложить по пунктиру. Затем сложить по порядку шесть выпусков «Уголька» (от января до июля). Цветные вкладки надо поместить так, чтобы в них вошли третий и четвертый выпуски (март и апрель), а всю стопку «Угольков» вместе с вкладками вложи в обложку.

Затем сшей книжку в корешке толстой иглой с суровой ниткой — и у тебя в руках полугодовой комплект «Уголька»!

НА ГОРКЕ

М. Рачко

До чего гора крута!
И какая высота!
Не устоять, не усидеть,
Ну, просто страшно
поглядеть.
Каждый тут в своей
манере:
Коля ездит на фанере,
Нина ездит еле-еле,
Вася мчится на портфеле,
На подносе два Валеры,
Как пирожные эклеры.
Едут боком, едут прямо,
Даже едет чья-то мама,
Даже сидя, даже лёжа,
Даже я поеду тоже!

Обложка Б. Семенова

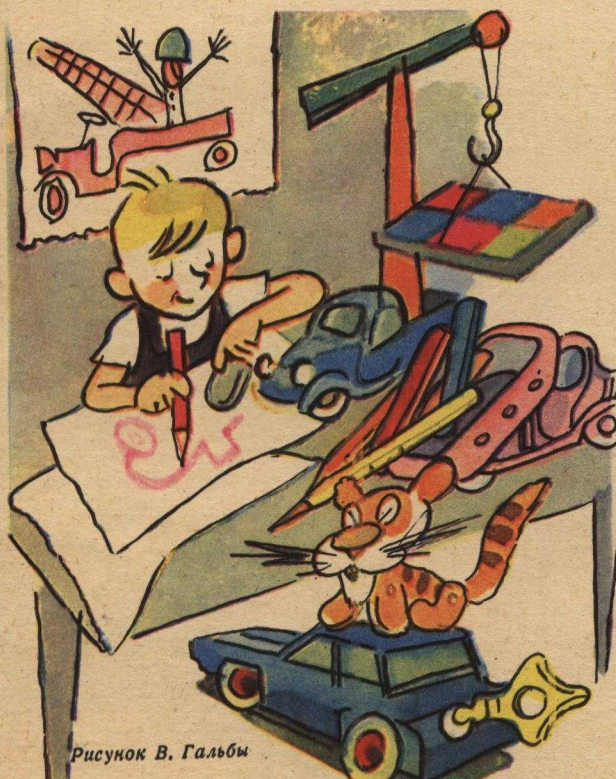

Рисунок В. Гальби

Есть у Миши шесть машин: Остальные три машины
„Волга“, кран и самосвал. Он себе нарисовал.

Г. Сагир

ХОМЯК

Рисунок
И. Ризнича

Я устраиваюсь ловко,
У меня с собой кладовка,
И надёжна, и верна, —
Кладовая для зерна.

Где кладовка?
За щекой!
Вот я хитренький какой!

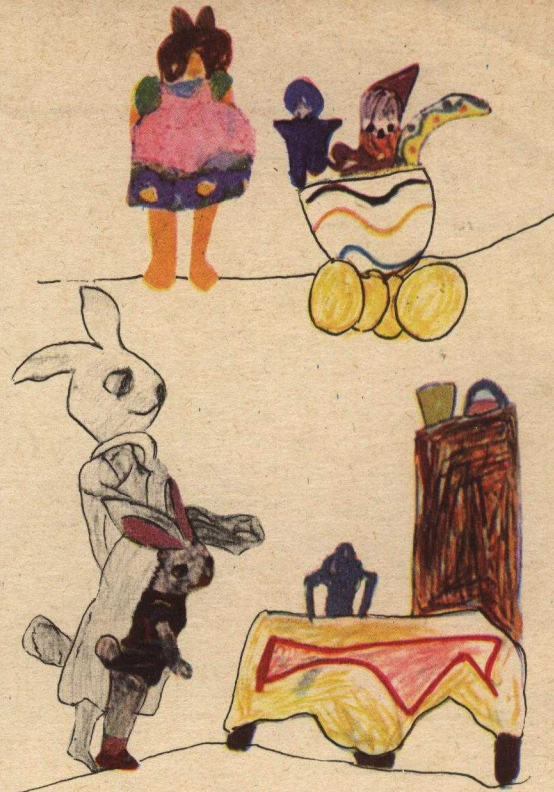
Е. Серова

БАБУШКИН ЗОНТИК

Завтра праздник — Новый год! Ребята на лыжах бегают, с горки на санках катаются.

Дальше читайте на странице 2

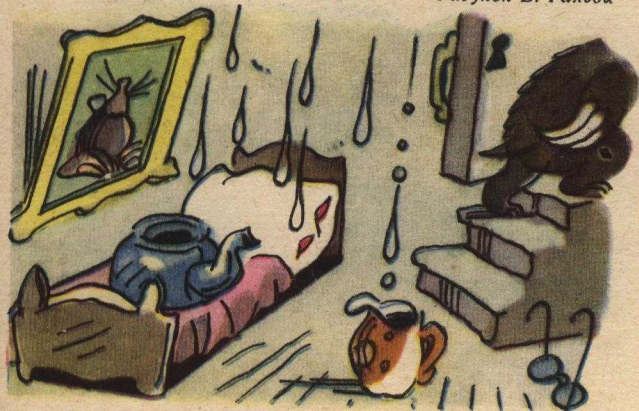
Рисунки Марины Бродкиной 4-х лет
г. Свердловск

Э. Островская

СТИРА

Рисунок В. Гальбы

Взялись за стирку лягушата,
Вода стекает из ушата.
Жильцу подземному, кроту,
Сидеть в норе нелегко.

КАРТОШКА

Е. Руженцев

Рисунок И. Ризнича

А в нашей квартире
Без всяких забот
Картошка в мундире
На кухне живёт.

И весит немало,
И очень важна,
И стать генералом
Мечтает она!

И дождик

Нарисовал мне папа дом,
Такой смешной — косой.
А я над ним — ужасный гром
И дождик полосой.

А мама — серую козу
Среди травы густой.
А я — ужасную грозу
И дождик полосой.

Нарисовал сосед мой дно
И рыб в воде морской.
А я — там бурю заодно
И дождик полосой.

А брат нарисовал меня,
Как я стою средь бела дня
Такой печальный и босой.
И льется дождик полосой.

М. Рачко

Рисунки Г. Ковенчука

8

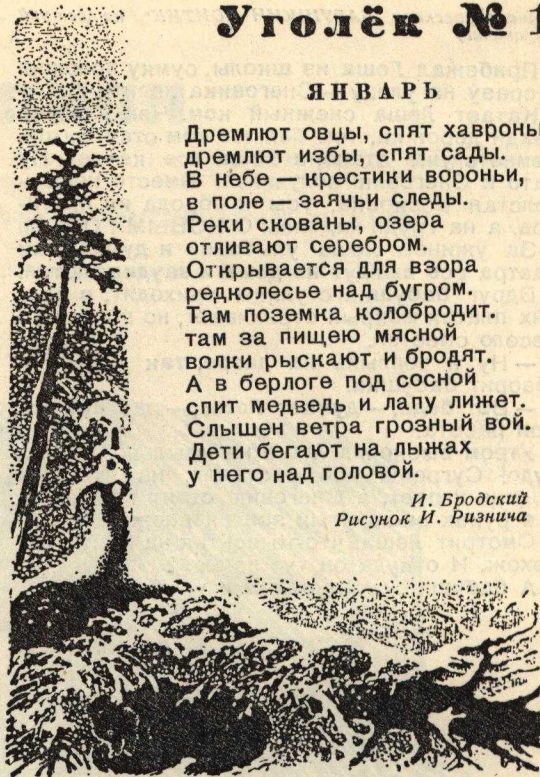
Уголёк № 1

ЯНВАРЬ

Дремлют овцы, спят хавроньи,
дремлют избы, спят сады.
В небе — крестики вороны,
в поле — заячьи следы.
Реки скованы, озера
отливают серебром.
Открывается для взора
редколесье над бугром.
Там поземка колобродит.
там за пищу мясной
волки рыскают и бродят.
А в берлоге под сосной
спит медведь и лапу лижет.
Слышен ветра грозный вой.
Дети бегают на лыжах
у него над головой.

И. Бродский

Рисунок И. Ризнича

„ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ“

4

В ПОНЕДЕЛЬНИК
МАЛЬЧИК МИША
УБИРАЛ
ИГРУШКИ
САМ!

Г. Сапгир

Рисунки Г. Ковенчука

5

Прибежал Леша из школы, сумку положил и сразу на улицу — Снеговика лепить.

Катает Леша снежный ком. Чем длиннее сзади дорожка, тем больше ком становится. Темнеть уже стало, а Леша все катает. Ну зато и Снеговик получился! Вместо носа — толстая морковка, усы и борода из прутиков, а на груди надпись: С НОВЫМ ГОДОМ!

За ужином Леша улыбался и думал, как завтра все выйдут из дома и за удивляются. Вдруг бабушка с улицы приходит, в дверях платок мокрый отряхивает, но почему-то весело смеется.

— Ну и теплынь на дворе, так и льет, — говорит бабушка.

— Вот беда, — думает Леша, — растает вся моя работа.

Утром выскочил Леша на крыльцо. Что за чудо! Сугробы все растаяли, на лужичках солнце играет, а Снеговик стоит целехонек и в руках раскрытый зонтик держит!

Смотрит Леша: что-то зонтик на бабушкин похож. И откуда он тут взялся?

А бабушка стоит рядом и улыбается.

Б. Семенов
Рисунок автора

2

НЕОБЫКНОВЕННАЯ НАХОДКА

Мы с Женей Бобиным шли по улице и разговаривали. И вдруг мы увидели такое, что даже подпрыгнули. На тротуаре стояла коляска, а в ней лежал ребеночек, и никого вокруг не было. Наверное, его кто-нибудь потерял! Как же нам теперь быть! Куда отвезти, ко мне или к Жене? Нельзя же его одного оставлять? А вдруг дождь пойдет?

6

Времени терять было нельзя. И мы решили подумать по дороге и пошли домой. А коляску толкали перед собой, как тачку. Женя сказал, что этот ребеночек будет у них самый маленький. А я ответил, что ему у них будет очень тесно. Ведь у Жени и так трое братиков и сестричек. Но Женя сказал:

— А у кого ему будет веселее?

И я согласился.

Мы повезли ребеночка по лестнице прямо в коляске. Это было очень тяжело. Хорошо, что Женя живет на втором этаже!

Женина мама выслушала нас и вдруг заплакала:

— Вы даже не понимаете, что вы наделали! Вы сразу домой пошли? Никуда больше не заходили?

— Сразу! — сказал Женя.

— Тогда сейчас же везите его назад! И я пойду с вами.

Мы вернулись очень быстро. Ребенок ни разу не пискнул, лежал тихо-тихо.

На том месте, где мы нашли коляску, стояла и размахивала руками маленькая тетя. И горько плакала. Она сразу же бросилась к коляске, потом стала обнимать и целовать Женю. Потом она целовала меня и Женину маму. И все вокруг стали хвалить нас и спрашивать, где это мы нашли коляску.

М. Разумовская
Рисунок И. Казаковой

7

ЗВЕРИНЕЦ

Ярослав Пишумов

Диковинный класс.
Загляните скорей:
Увидите в классе
Немало зверей.
Идут на уроки
С портфелем

под мышкой
Ослы, крокодилы,
Верблюды,
мартышки,
Енот, бегемот,
Попугай

и пантера, —
Всем прозвища

выдал
Ехидный Валера.
Привыкли ребята,
Ребята

смирлись, —
И в школе с тех пор
Появился зверинец.

3

КОНТРШПИОН

М. Хейфец

Гравюры А. Овсянникова

Клеточников разоблачил доносчика, выдавшего основателей «Земли и воли». Опасность была устранена.

Но руководитель жандармской агентуры Кириллов засылал в подполье все новых шпионов...

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Драгоценного своего агента вожак подполья берег как святая святых. Ему запретили вступать в контакты с кем-либо, кроме Наташи и «Дворника», запретили заходить куда-либо, кроме Наташиной квартиры. О его существовании не знал почти никто даже в центре партии. Пожалуй, тайна Клеточникова была единственной настоящей тайной в организации. Когда к Михайлову приставали товарищи: „Откуда у тебя, «Дворник», такая поразительная осведомленность?“, — он лишь болезненно морщился и жаловался:

— И так буквально каждый знает обо всех делах всей организации, хотя договаривались заранее, что знать будут не больше, чем должны знать. Неужели нельзя хоть эту единственную тайну иметь в секретной организации?

Сконфуженные товарищи умолкали.

Сам Клеточников, в свою очередь, почти ничего не знал о тайнах подпольного мира.

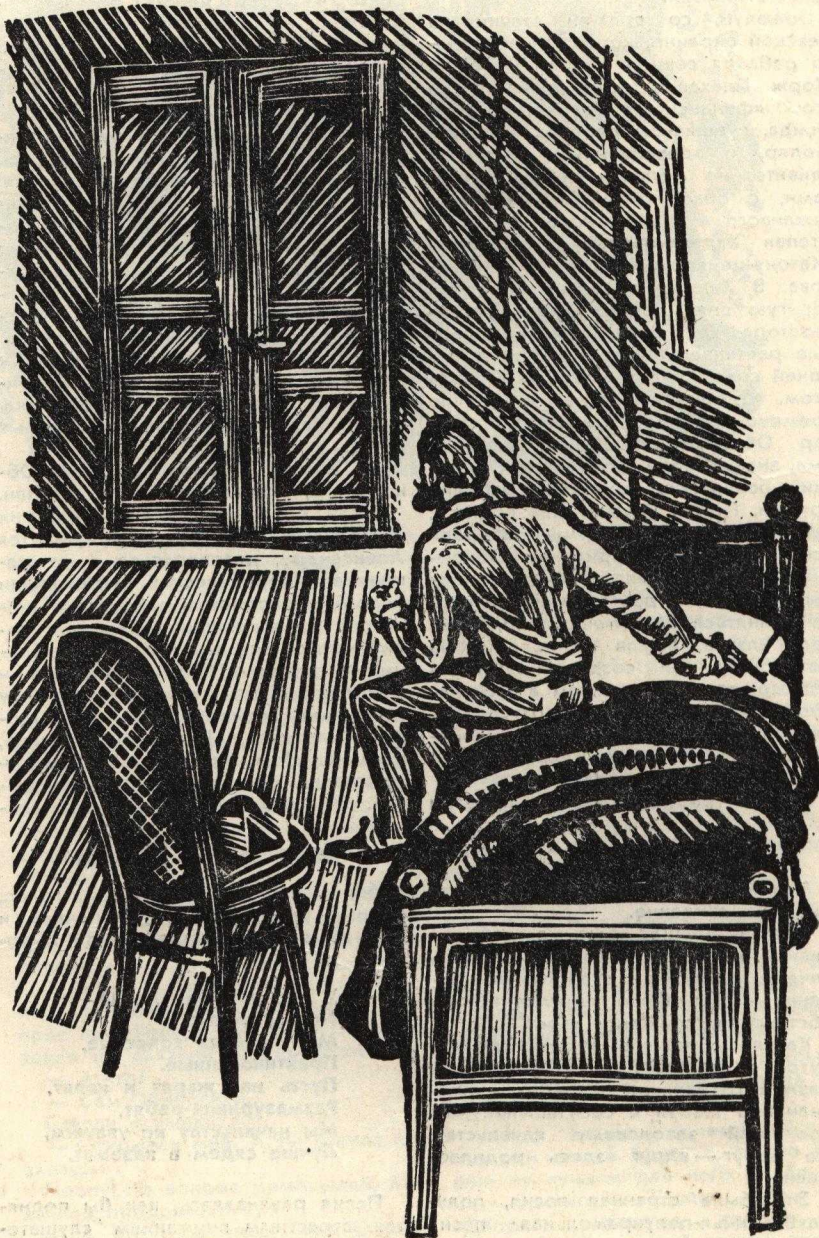
— Так мне будет спокойнее, — остановил он Михайлова, когда тот однажды из деликатности хотел ему что-то открыть. — Что надо — я узнаю из служебной переписки. А больше — не надо.

И вот однажды этот засекреченный подпольщик в два часа ночи прибежал прямо в номер к Михайлову, в гостиницу, где на него не могли не обратить внимания портье, ночная прислуга, дворник, — люди, так или иначе связанные с полицией! Когда раздался стук в дверь, Александр первым делом выхватил из-под подушки пистолет и быстро переместился к окну — настолько он был убежден, что в такой час явиться могут только жандармы. Но Клеточников?..

— Войдите, открыто!

— Взяли Клеменца и Обнорского! — не здороваясь, выпалил с порога разведчик.

— Знаю.

Продолжение. См. «Костер» № 12, 1965 г.

— Вы виноваты, вы! — проскрежетал Николай Васильевич со злым упреком.

— Что, опять он?

Клеточников утвердительно прикрыл глаза и, не в силах выговорить ни слова, нервно забегал по комнате. Наконец заговорил, задыхаясь от возбуждения.

— Сегодня вечером было собрание сотрудников отделения. Кириллов устроил великую распекацию.

Дескать, позор, до чего дожили! Москвичи нас обскакали! Он, оказывается, лет пять за Клеменцем охотился. Следующий удар намечено нанести в наш центр. И виноваты будете вы, только вы, вы одни, я вас предупреждал тысячу раз...

— Успокойтесь, — равно и мягко прервал его Александр. — Расскажите подробно об этом собрании. При чем тут москвичи, я не понял?

— Да ведь это же вечные сопер-

ники нашей канцелярии. Такая грызня с ними идет... А тут они нас обскакали, взяли Клеменца. «Он» на них работал. «Он», тот же самый, понимаете?

Вслушиваясь в нервный, сбивчивый, бессвязный доклад Клеточникова, Михайлов вспоминал, сопоставлял, связывал разобщенные случайные факты. И все больше перед его мысленным взором прояснялась история страшной провокации.

МИХАЙЛОВ ВСПОМИНАЕТ ПРОШЛОЕ

Когда это началось? Когда завязался этот узел?

Пожалуй, со времен стачки на Невской окраине, которую направляла рабочая секция «Земли и воли». Жорж Плеханов познакомил тогда его, «финансиста» забастовочного фонда, с вожаком рабочих. Высокий столляр, с вдохновенным лицом, с удивительно мягкими добрыми глазами, с обходительными манерами вежливого и деликатного человека, Степан Халтурин сразу понравился «Катону-цензору», как звали Михайлова. В Халтурине он почувствовал упругую силу природжденного организатора. Да, именно Степан впервые рассказал Михайлову, что в рабочей среде ходят слухи об Обнорском. Дескать, некогда, в давние времена, действовал в Питере Виктор Обнорский, рабочий особого ума, знаний, воли. Всюду, где Обнорский появлялся, возникали рабочие кружки. Потом кружки, как водится, проваливались, жандармы забирали всех до самого корня, но Обнорский всегда ухитрялся исчезать, чтобы появиться в другом месте и снова приняться за организацию рабочего класса. Бежав от полиции из Петербурга, он создал кружки в Одессе, слившиеся потом в «Южно-русский Союз рабочих», оттуда исчез внезапно за границу, где собирался изучать опыт борьбы европейского пролетариата.

Годами рабочие ждали приезда

Обнорского из Европы: «Приедет Виктор — будет дело!» Но Степан Халтурин не собирался ждать мифических «Обнорских»: немедленно принялся сколачивать первую массовую организацию петербургских рабочих. Созданный в короткое время «Северный Союз русских рабочих» был задуман Степаном как зародыш русской рабочей партии.

Вторично об Обнорском «Катон-цензор» услышал через год, и тоже от Степана, когда тот привел на свидание своего ближайшего соратника по «Союзу». Это был коренастый темноволосый крепыш, весь будто сплетенный из тугих мускулов. С его умного и волевого лица, к которому очень шла остренькая, аккуратно подстриженная борода, сияли два ослепительно черных глаза.

— Петро Сватиков, связной Обнорского, — представил его Степан.

Тогда рабочие вожаки — Халтурин и Сватиков — пришли, как помнится Александру, договориться о печатании в народнической типографии первой прокламации рабочего «Союза». В распоряжении «Земли и воли» находились силы лучших публицистов эпохи — Глеба Успенского и Николая Михайловского; были у нее свои первоклассные литераторы — Плеханов, Николай Морозов, Клеменц, Тихомиров, Кравчинский — редакторы центрального органа партии. Но даже на этом блистатель-

ном фоне прокламация, составленная простым рабочим для простых рабочих, поражала пронзительной искренностью и необыкновенно напряженной работой мысли. Будто целый класс всматривался, просыпаясь, в незнакомую, в путаную и сложную жизнь и впитывал в душу опыт истории, чтобы рывком поднять на свои плечи ответственность за судьбы России. У Александра Михайлова руки похолодели от восторга:

— Глубоко копаете, рабочие люди! Кто это у вас так писать научился?

— Все помаленьку сочиняли, — Степан наслаждался удивлением «интеллекта», — а больше всего Петро приносил указаний от Обнорского. Обнорский, брат, это...

Степан даже развел руками от восторга.

— Приехал Обнорский? Ты сам видел? Какой он?

— Нет, что вы! — удивился Халтурин. — Обнорского никто, кроме Петра, — кивок на Сватикова, — не видел. Это конспиратор! Почтище любого интеллигента... Шесть лет полиция идет по его следу, а даже хвоста зацепить не смогла.

И вот теперь Клеточников сидит рядом и рассказывает: полиция не только разыскала Обнорского — она арестовала Петра Сватикова, зная заранее, что он-то Обнорский и есть.

МЫ НЕ ВЕРИМ

рабочих. Молодой сильный голос, полный увлекательной, беспечной и в то же время грустной удалы, выводил:

У нас ножички литые,
Гири кованые,
Мы — ребята холостые,
Практикованные.
Пусть нас жарят и калят,
Размазурюк-ребят,
Мы начальству не уважим,
Лучше сядем в каземат.

Песня разливалась, как бы поднятая страстным вниманием слушате-

лей, и вот уже люди не выдержали, и вот уже хор, сосредоточенно четко выбивая ритм, вступил, грянул:

Ох ты, книжка-складенец,
В каторгу дорожка,
Пострадает молодец
За тебя немножко...

В этот момент появился Степан. Песня оборвалась, и навстречу ему полетели радостные возгласы — здесь все знали вожака рабочих окраин.

— Надо сразу уходить! — шепнул «Дворник». — Меня заметил шпик.

Михайлов вызвал Степана Халтурина на свидание.

Степан обещал быть в рабочей пивной на Сампсоньевском в шесть вечера. Александр туда пришел заранее — надо было приглядеться к обстановке, почистить хвост.

Казалось, пивную взламывало изнутри от вонючих паров, от безобразной ругани, от назойливых признаний в любви к собутыльнику, от проклятий заводскому начальству. Но вдруг — вдруг здесь родилась песня.

Это была странная песня, полуразбойничья-полукрамольная песня

— Где шпик?! — вдруг в полный голос заревел Степан, обводя посетителей строгим взглядом. — Которая сволочь? Этот? — он ткнул тонким сильным пальцем в некоего спившегося субъекта с липкими глазами: субъект рассматривал белые, нерабочие руки Михайлова.

— Эй, ты! Ты меня знаешь, дрянная этакая?

Тот, бледный, слегка привстал.

— Тебе кто позволил прийти сюда, в нашу честную рабочую пивную? Ты что, не знаешь, что здесь народ душу друг другу открывает? Тебе что, жить надоело?

Рабочие отрывали от столов свои буйные хмельные головы и машинально сжимали полупудовые кулаки: кахись, они Степану нужны?

— Вон отсюда!

Шпик исчез в секунду — как привидение. А удовлетворенный этой маленькой демонстрацией силы Степан пояснил:

— Тут наши владения, тут рабочая окраина. Не беспокойся — меня никакой шпик выдать не посмеет, он пощет добычу в другом месте. Еще ни одна полицейская гадина не захотела у нас стать покойником в двадцать четыре часа.

Эта внешне эффектная сцена вовсе не понравилась Александру Михайлову. Не упоены ли рабочие первыми действительно замечательными успехами? Не позабыли ли они о конспирации? В ненависти своей люди часто считают врагов — а особенно доносчиков — всего-навсего подлыми трусами. Но это не всегда так: другой раз агентом движет не трусость, а наоборот, дерзкий риск, желание поиграть с опасностью. Чутьем старого конспиратора уловил Александр Михайлов, как грозная нависшая над рабочим «Союзом» опасность!

— Что у тебя стряслось? — весело спросил его Степан, еще не остывший после победоносной схватки со шпионом.

— Тебе известно, — понизив голос, ответил ему вопросом на вопрос Михайлов, — что Петр Сватиков вовсе не связанной Обнорского?

— А кто?

— Сам Обнорский.

Степан ухмыльнулся.

— Открылся мне. А ты откуда это знаешь?

Пропустив вопрос мимо ушей, Михайлов продолжал:

— А кто еще знает, что Обнорский и Сватиков — одно лицо?

— Никто... У Виктора всегда так: никогда не признается, что он и есть тот самый Обнорский. Всегда он только связанной Обнорского — не больше. Он ведь никакой не особенный мужик, его десяток раз выдвали, как любого. Но пока следит полиция, куда это связанной к Обнорскому ходит, — он заметит шпика, раз — и его нету! Это большой, очень большой хитрец. Как лиса. А лавок, как белка.

— Но все-таки видишь, я знаю, ты знаешь... еще кто-то знает, что Петр Сватиков — это Виктор Обнорский! Но кто? Вспомни, Степан.

— Да из ваших, пожалуй что, никто. А из наших — я — раз, — Халтурин загнул мизинец. — Танюшка, конечно, — два и Николка — три... Все? Все. А в чем дело, собственно?

Только сейчас он стал тревожиться от расспросов Михайлова.

— Почему Обнорский открылся им, этим, как их... Танюшке да Николке?

— Что значит — почему? Потому что они самые близкие, самые лучшие из лучших для него и для меня, — удивился Степан. — Да ты, «Дворник», Николку должен помнить: такой веселый рыжий столляр

приходил со мной. Удивительный человек: рабочему делу до конца предан, энергия кипит и в организации он знает до подноготной все о каждом человеке. Мы его в шутку даже зовем нашим, рабочим «Дворником». А ваши товарищи, из группы Жоржа Плеханова, те им просто очарованы. «Много друзей и ни одного врага», — вот так коротко говорят о Николке. Недавно мы его в Москву посылали.

— В Москву? В Питере у вас что, избыток таких организаторов? — притворно удивился Михайлов.

— Да нет, конечно. Было у нас дело под Полтавой, — пошутил Степан и — пожалел об этом: увидел, как напрягся «Дворник».

— Дело под Полтавой?

Степан розозлился.

— Ты сыщиком сделался? Кого? Кому? Почему? Чего ты в рабочие дела лезешь? У себя отставку дали? Делать нечего?

Михайлов не обиделся — знал нервную вспышчивость Халтурина. Только придвинулся к собеседнику поближе и спросил в упор:

— А от кого я знаю, что Петр — это Обнорский? А?

— Ну?

— Из полиции, Степан, из полиции. От своего человека.

Оба замолчали. Только Халтурин задышал с каким-то натужным свистящим клокотанием, хватал воздух судорожными глотками, будто ему сдавили горло.

— Так из-за какого дела Николку Рейнштейна отправили в Москву? Видишь, Степан, я действительно сыщик. Только сыщик с нашей сторо-

ны. Изволь отвечать! — строго закончил «Дворник».

— Да наоборот все! — Халтурин рванул от нетерпения кулаком по воздуху, но поспешно разжал его. — Дело это, как бы сказать, интимное. Попросту — женщина замешалась! Но раз до подозрений дошло... Виктор Танюшка любит, Николкину жену. И она его полюбила. Скрывался он у них на квартире месяц, вот и вышла ненужная петрушка. А Николка с Виктором — они самые лучшие друзья, как сучья на развилке дерева. Как узелок им было распутать? Ты по-человечески можешь понять, что такое жену друга и брата своего полюбить?

Михайлову ли не понять этого!

— ...Пришел ко мне Николка и просит — сам просит! — послать его подальше. Чтобы не мешать любимым людям. Может быть, он и выдал Виктора? Как там, по-вашему, по-интеллигентскому? — издевался Степан.

— Ну, если не Николка, может, Татьяна Виктора выдала?

Халтурин даже не рассердился.

— Ты соображаешь, что говоришь? — спокойно спросил он. — Она же теперь жена Виктора. Она честная, смелая, своя. Думаешь, Виктор полюбил бы дрянь?

Михайлов не знал, что отвечать. Степан так беззаведно любил своих людей-рабочих, так верил им, гордился ими. Как открыть ему глаза? Как заставить честного и чистого человека поверить в такое, во что всегда отказывается верить и разум и сердце? Измена подлеца, мещанина, пошляка — это всем понятно,

но измена своего, единомышленника, друга... Как это может уместиться в голове?

— Ты понимаешь, Степа, сам: если настоящую фамилию Сватикова, Виктора Обнорского, могли установить всего три человека, а его знает полиция, — значит, среди троих есть предатель, вольный или невольный. Степан сидел с непроницаемым, каменным лицом.

— Если бы я тебе сейчас поверил, то сказал бы, что предать из троих может лишь один — Степан Халтурин, больше, вроде, Степа, и некому. Но у меня есть кое-какие сведения по этому делу...

Столяр подался чуть вперед, на побелевшем его лице остались, казалось, одни глаза. Он почувствовал — вот оно, наступило, главное, из-за чего шел весь разговор.

— ...Обнорского выдала супружеская пара профессиональных провокаторов. Судя по твоим рассказам, это могут быть только муж и жена Рейнштейны.

Белое, как мел, лицо Халтурина стало страшным и вдруг посерело, будто Степан очутился на пороге смерти.

— Откуда известно?

— Этого не могу сказать.

— Тогда... тогда, «Дворник», запомни: мы тебе Николку, нашего дорогого Николку не отдадим. Ты нам за каждый волосок с его головы будешь отвечать!

Михайлов встал: продолжать разговор было бессмысленно. Что возразить Степану?

Решение требовалось принимать мгновенно.

КИНЖАЛЫ МСТИТЕЛЕЙ

Клеточников позвонил у мрачной парадной. Ему долго никто не отвечал.

— Кто? — раздался наконец мужской голос.

— Родионича можно?

— Я.

— «Дворник» просит вас срочно в «Москву».

Дверь распахнулась. Перед Клеточниковым стоял гигант с железными мускулами, выпиравшими буграми из-под одежды, с величественной военной осанкой. В его острых серых глазах горели такие неукротимые, бесовские огни, что Клеточников слегка содрогнулся.

— Что там стряслось у «Дворника»? — проворчал Родионич, натягивая пальто.

И тут Клеточников не удержался от озорного намека:

— Говорят, срочные платежи. Задолжали тысячу рублей.

Должно быть, Родионич недолюбливал шутки: он холодно процедил: «Уплачу с процентами», тут же распрощался и ушел во тьму.

Через несколько дней в одну из московских гостиниц, насвистывая, вошел необычайно приятный на вид рабочий. Весело спросил он коридорного слугу, где остановились трое приезжих из Питера. Сразу видно было — у него чудеснейшее настроение и идет он в гости к людям, которые привезли какие-то очень радостные вести.

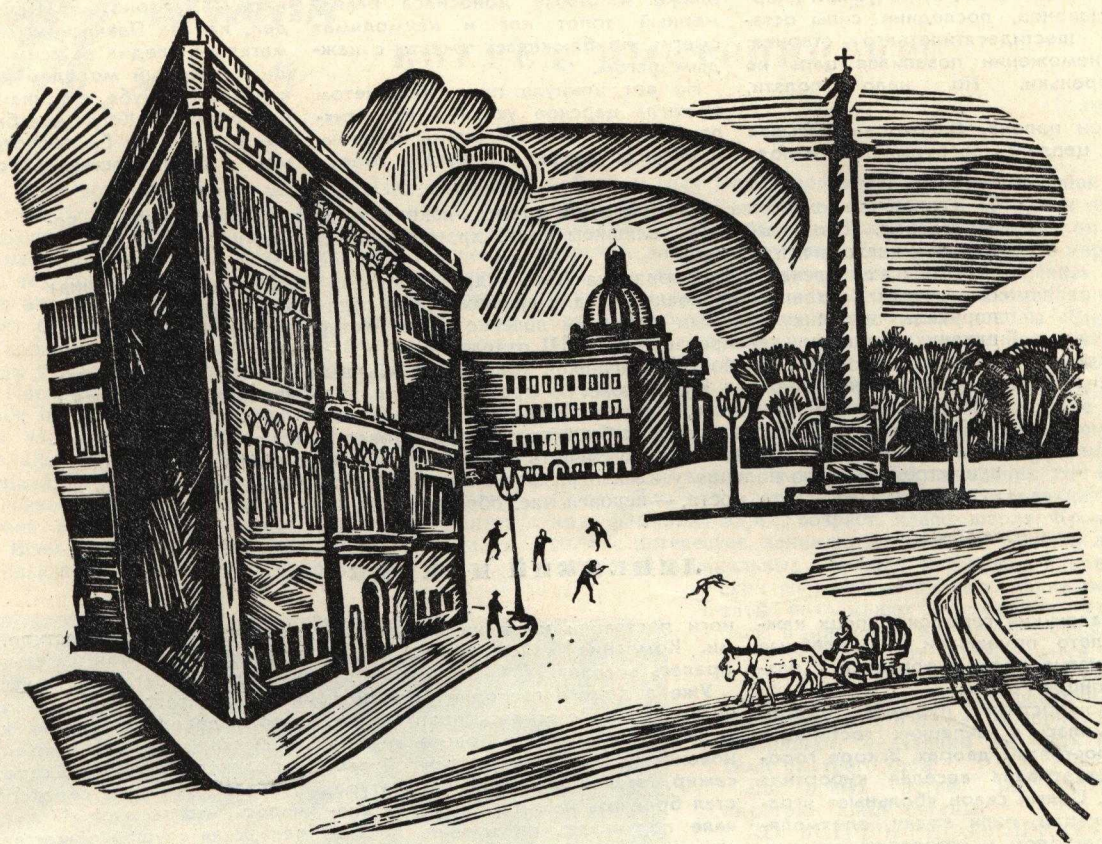
Скоро из номера вышел питерец, которого про себя коридорный называл «старшой». Этот «старшой», богатырь с генеральской осанкой, и раньше вызывал у прислуги чрезмерное уважение, а сейчас показался даже страшен. Глаза горели, волосы развевались, кулаки сжались.

«Должно, выпили», — рассуждал слуга, и вправду, у порога гостиницы гигант вдруг зашатался, задрожал

мелкой дрожью и, наверное, упал бы, если б не подхватили вышедшие следом из номера товарищи. Слуга потом ясно припомнил, что старшой, вроде оправдываясь, говорил одному из них: «А ведь только что был совсем спокоен. Что значит — первый раз!» — «Я еще подумал, — объяснял следовательно слуга, — какой же первый раз, что он не выпивал раньше, что ли? И еще удивился — куда они гостя дели, номер-то закрыли за собой. Решил, что он покамест спит».

Только через трое суток обеспокоенный хозяин гостиницы велел взломать двери запертого номера. На полу лежал труп того самого веселого рабочего, со следами страшной раны в сердце от удара кинжалом. К груди покойника была приколота записка:

«Николай Рейнштейн, предатель. Так будет сделано со всеми предателями».

СОЛОВЬЕВ ОТКРЫВАЕТ ОХОТУ

Тысяча восемьсот семьдесят девятый год начался серией революционных актов. Девятого января в Харькове выстрелом в упор был убит в карете генерал-губернатор князь Дмитрий Кропоткин. Убийца скрылся. В специальной листовке Исполнительный Комитет «Земли и воли» объявил, что князь Кропоткин казнен Комитетом за издевательства, творимые над заключенными в харьковской тюрьме.

В феврале неизвестные лица закололи шпиона Рейнштейна. Через две недели террорист стрелял в шефа жандармов Дрентельна. Генерала спасла металлическая перекладка в раме окна, которая задержала обе пули.

III отделение неистовствовало. Обыски, повальные аресты, ссылки обрушились на Петербург. Но слепые удары не достигали цели. Политическая полиция убедилась в этом в роковой день второго апреля.

Утром этого дня Александр Второй, как обычно, прогуливался по Дворцовой площади. Неожиданно навстречу ему выдвинулся русоволосый гигант. Прорвав цепочку телохранителей, он направил прямо на императора большой револьвер. Охрана замерла. Смерть Александра казалась неизбежной и неотвратимой.

В эту минуту один только царь сумел проявить решительность и силу духа.

В столице давно сплетничали о трусости Александра. Говорили, что если утром во дворец запаздывал с докладом полицмейстер, то царь приказывал закладывать лошадей и готовился бежать из Петербурга: ему мерещилась революция! Вспоминали, как в дни крестьянской реформы Александр прятался в покоях своей сестры Ольги, ожидая, что с минуты на минуту придут мужики громить Зимний дворец. Словом, в обыденной жизни царь был трусоват. Но в

минуту настоящей, невыдуманной опасности он один, неожиданно и непонятно как, сумел сохранить присутствие духа и выдержку.

Пока его телохранители стояли пригвожденные к месту ужасом, пока террорист выцеливал мишень, царь вдруг бросился назад, к дворцу. Он бежал не прямо, а петлял, делал зигзаги, уворачивался от пуль — бежал именно так, как учит бежать солдат полевой устав. Рядом гремели выстрелы. Свинец рассекал воз-

дух и выбивал пучки искр из булыжника. Но царь все мчался вдоль фасада Главного Штаба, упрямо и ловко спасаясь от неминуемой смерти. Наконец, последние силы оставили шестидесятилетнего старика: в изнеможении повалился царь на четвереньки. Но надо ползти, ползти.

И он пополз. Далеко выбрасывая руки, цепляясь за булыжники и под-

тягивая вперед немощное тело, царь полз! И не забывал при этом делать маленькие зигзаги. А сзади, все ближе и ближе доносился равномерный топот ног и неумолимая смерть приближалась вместе с каждым шагом.

Но вот цокнула пуля, рикошетом обожгла царское ухо, — и все стихло. У террориста кончились патроны. Александр рискнул оторвать голову

от земли и оглянулся. Он увидел гиганта, который, отбросив бесполезный револьвер, глотал какую-то таблетку — наверно, яд. И еще царь увидел, как за Певческим мостом внимательно следил за всем происходящим странный молодой человек — в купеческой шубе, с усиками и с пышной бородой. Когда все было кончено, этот купчик быстро отошел к домам и будто растаял в воздухе.

Террориста, схваченного на площади, удалось сохранить до суда живым. Яд не подействовал. Цианистый калий слишком долго хранился в кармане, и смертельная синильная кислота испарилась.

Для рассмотрения дела дворянина Александра Соловьева (так звали преступника) был созван Верховный Уголовный Суд. Переписать для суда следственные материалы поручили чиновнику с самым красивым почерком в министерстве — Николаю Клеточникову, помощнику делопроизводителя III отделения.

Эту ответственную работу Клеточников выполнил с обычным блеском и к празднику получил за нее награды. Купив дорогую французскую шляпку, чиновник отправился с ценным подарком к невесте, Наташе Оловенниковой: «Христос воскрес!»

За праздничным столом он как бы вскользь посоветовал «Ивану Петровичу» изменить фасон бороды и усов и заодно сменить свой любимый английский костюм на обычную «тройку». А то полиция усиленно разыскивает наблюдателя, стоявшего в день покушения у Певческого моста, — неровен час, обратит внимание.

ЛИПЕЦКИЙ ПИКНИК

В маленький городок Липецк каждое лето приезжали на целебные железистые воды курортники с разных концов России.

Разношерстная публика быстро знакомилась в липецких гостиницах и на постоянных дворах. Вскоре городок охватывала веселая курортная жизнь. Целый сезон «больные» играли в карты, пили водку, опохмелялись рассолом и стрелялись на дуэлях.

Местные жители приспособились к удивительному «лечению» некоторых больных и научились извлекать из него немалый доход.

16 июня 1879 года к предприимчивым липецким извозчикам обратился с просьбой приезжий петербуржец, некто господин Безменов. Его компания жаждала без лишнего шума прокатиться за реку. Хитрые извозчики сразу поняли, что предстоит попойка, и охотно обещали господину отвезти всех в нужное место. Ударили по рукам и разошлись.

На следующее утро в пролетки уселась вся компания — одиннадцать человек. К задкам привязали объемистые корзины с закусками, а в

ноги поставили кошелки с бутылками. Компания действительно подбралась веселая!

Уже в дороге господин Безменов, нисколько не стесняясь посторонних, принялся с азартом распечатывать новенькую колоду карт. Другой пассажир, этакая музыкальная натура, стал брэнчать на гитаре. Правда, вначале получалась какофония, но постепенно под пальцами вылепился украинский мотив, и один за другим подхватили его беспечные курортники.

Казалось, на пролетках поют не полужнакомые гуляки, а спевшийся хор настоящих артистов. Купеческий сынок, сидевший в первой пролетке, обернулся назад и стал на ходу дирижировать. Повинуясь его жесту, то затихал, то снова вздымался над рекой славный гимн вольных гайдамаков. «Гой, да не дивуйтесь, добри люди, що на Украине повстанне», — звучный, богатый оттенками баритон самозванного дирижера уверенно вел за собой остальные голоса. И на запевалу невольно обращали внимание — так живописно, так ярко выглядел этот загорелый красивый человек. Вьющаяся борода обрам-

ляла его умное, властное, энергичное лицо; вышитая украинская рубашка ладно облегла сухощавое, крепкое сбитое тело; шаровары и красные сапоги довершали облик купеческого сына, делаая его похожим на новгородского былинного героя Василия Буслаева. И как-то само собой получилось, что он, этот «былинный человек», стал «душой общества», любимцем компании. Ну, а голосом он сумел очаровать не только попутчиков, но даже возниц — известных знатоков и любителей сольного пения.

Но вот песня прекратилась. Несколько минут люди молчали, наслаждаясь неяркой красотой русского пейзажа.

— А тебя, Тарасушка, не узнать, — повернулся к купеческому сыну-запевале его сосед, узколицый, добродушный и медлительный украинец, одетый в студенческий мундир. — Даже разошелся ты сегодня, джуде веселый... Попробуй, что ли, подними пролетку за ось, может, успокоишься?

— А что? Это великая мысль! — загорелся Тарас. — Скажешь, не подниму?

(Продолжение следует)

ВПЕРЕД, БЫСТРОНОГИЕ!

С этим призывом обратились мы год назад к юным любителям спорта. При журнале «Костер» открылась тогда заочная спортивная школа «Спринт» для ребят, которые мечтают научиться бегать красиво и стремительно. С тех пор сотни пионеров из всех 15 союзных республик записались в нашу школу. В редакции журнала висит большая карта Советского Союза. Вся она усыпана красными флажками, обозначающими места, откуда нам пишут начинающие спринтеры. Из Калининграда и Петропавловска-на-Камчатке, из Нарьян-Мара и Душанбе приходит к нам корреспонденция.

Чем же занимаются ребята в школе «Спринт»?

Они овладевают совершенной техникой бега, разучивают специальные упражнения для развития силы, быстроты, ловкости и выносливости, знакомятся с историей легкой атлетики, перенимают опыт выдающихся бегунов. Всем ученикам нашей школы мы высылаем дополнительные консультации, тренировочные планы.

В этом году юных спринтеров ожидает большой сюрприз. Сорок лучших из них соберутся во время летних каникул на тренировочный слет во всероссийском пионерском лагере «Орленок» на берегу Черного моря!

Чтобы завоевать право побывать в «Орленке», надо аккуратно выполнять наши советы и рекомендации, добросовестно тренироваться по планам школы «Спринт», регулярно сообщать нам о своих спортивных успехах и обязательно привлекать к занятиям легкой атлетикой товарищей по классу, школе, улице, двору. И, разумеется, претенденты на поездку должны прежде всего хорошо учиться, не иметь неудовлетворительных оценок!

Прием в школу «Спринт» продолжается круглый год! Записаться к нам может любой школьник от 10 до 16 лет. Для этого достаточно сообщить в редакцию свое имя, фамилию, адрес, возраст, класс, школу. Кроме того, нас интересует, занимаются ли наши ученики легкой атлетикой в школьных кружках и секциях или в детских спортивных школах, какие результаты показывают в соревнованиях по бегу и пионерскому четырехборью, какими видами спорта интересуются.

Хорошо, если ребята, которые уже занимаются у нас, дадут рекомендации для вступления в школу «Спринт» своим товарищам, желающим овладеть секретами быстрого бега.

До новых встреч на страницах «Костра», юные бегуны!

ДО ВСТРЕЧИ В «ОРЛЕНКЕ», БУДУЩИЕ ОЛИМПИЙЦЫ!

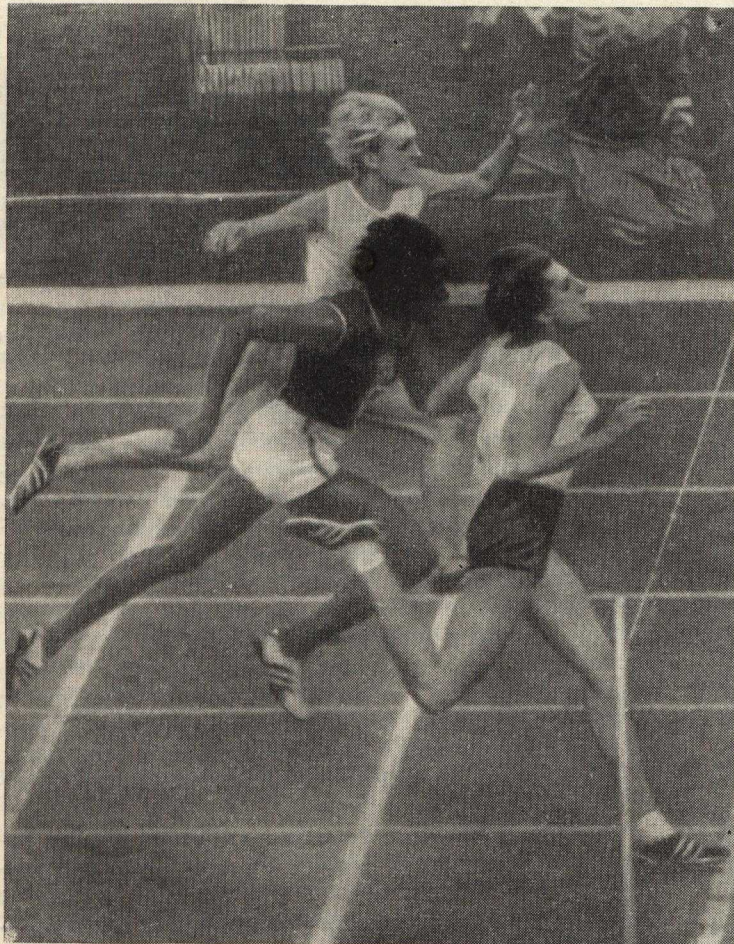
БЫСТРЕЕ БАБУШЕК

Пятьдесят лет назад высшее достижение мира в беге на 100 метров среди женщин принадлежало финской спортсменке Виртанен и равнялось 13,4 секунды. Для наших бабушек, которые интересовались в то время спортом, подобный результат казался недостижимым. А сейчас многие девочки, занимающиеся в нашей школе «Спринт», бегут быстрее!

Десять лет понадобилось легкоатлеткам, чтобы улучшить рекорд на одну секунду. Затем двадцать лет потребовалось, чтобы мировое достижение стало лучше еще на секунду.

Сейчас высшее достижение земного шара принадлежит сразу трем спортсменкам: двум польским бегуньям Эве Клубуковской и Ирине Киршенштейн, а также негритянке из Соединенных Штатов Вайомии Тайес. В этом году они довели рекордное время до 11,1 секунды!

Всех троих вы видите на снимке, сделанном в Варшаве во время легкоатлетического матча Польша — США. Слева направо: Ирена, Вайомия, Эва.

ВНИЗ С ГОРЫ СО СКОРОСТЬЮ САМОЛЕТА

Фоторепортаж Льва Полякова

Высоко в горах всегда зима. Даже когда внизу, в предгорье, еще не собран виноград. В горы ходит «кукушка», паровозик с крохотными, словно игрушечными, вагончиками... Мирная, привычная картина. А на горе Кохте — настоящие сражения между сильнейшими горнолыжниками Советского Союза. Во время сражений и сделаны фотоснимки для журнала «Костер».

Выходя на старт соревнований, лыжники внимательнейшим образом вглядываются в будущую трассу, мысленно спускаются, продумывают способы спуска. У них ведь нет такой предварительной тренировки, как у стрелков или пловцов. Горнолыжник во время соревнований проходит свою трассу впервые. Трех- или четырехкилометровая дорога с буграми, впадинами, ледяными участками — со всеми так называемыми естественными препятствиями, незнакома спортсмену. Правда, есть палочка-выручалочка — память слаломиста. Это особый вид памяти: вас «прокатали» на вертолете над трассой или вам разрешили пройти по ней разок-другой, а вы должны все запомнить, все связать воедино, в сплошную дорогу, по которой предстоит спуститься. Попадутся и ворота, неожиданно ограничивающие скорость, и незапомнившиеся преграды, но для победы надо миновать все опасности. При-

Вот на нашем снимке люди с хронометрами в руках. Судьи. Они стоят у финиша, им не виден стартовый, но по радиотелефону слышна команда «марш!». Ее слышат и судьи и спортсмены. Итак, — марш!..

На трассе — Вячеслав Мельников. Ветеран-слаломист не боится риска: сразу со старта он принимает низкую стойку, что позволяет развить скорость. Такая техника спуска дает надежду на успех.

чем — с самолетной скоростью — больше 100 километров в час. И медленнее нельзя, придешь в хвосте...

В горнолыжном троеборье есть еще два вида соревнований, кроме спуска, — специальный слалом и слалом-гигант. На трассе специального слалома нужны выдержка, мужество, точные технические приемы. И память нужна не меньше, чем на спуске. Трасса сложна не протяженностью, а обилием ворот. Красные, синие, желтые, они находятся так близко друг от друга, что надо иметь молниеносную реакцию и безупречную технику, чтобы выйти победителем.

Слалом-гигант напоминает оба вида троеборья — и длиной трассы и обилием ворот. Ворота в гиганте состоят из двух попарно поставленных палок с флажками. Спортсмен старается сократить путь, чтобы выиграть во времени, старается пройти

Участница № 24 — не стоит называть ее имени — вряд ли добьется хорошего результата. В ее стойке есть страх перед скоростью. Вчерашний день спорта!..

Мастерски проходит дистанцию специального слалома Виктор Панов — участник № 12. Фотография проигрывает в сравнении с кинолентой, но разве не чувствуется, что именно сейчас последует укол левой палкой, спортсмен перенесет вес на правую ногу и начнет новый вираж.

поближе к внутреннему флагу. Это требует долгих предварительных тренировок, в результате которых приходит мастерство. Иногда тренировки проводятся так. В снег вместо палок с флажками втыкают палки с чашечкой на верхнем конце. В чашечке — мяч. Лыжник должен пройти во время поворота очень близко к палке, но не настолько близко, чтобы задеть ее, заденешь — мячик выпрыгнет на снег. Попробуйте-ка так покататься, хотя бы с невысокой горки!

Юные болельщики — самые преданные друзья слаломистов. Они обкатывают склоны «чемпионской» горы, стремясь повторить новаторские технические приемы. И не даром! Ведь в Бакуриани часто бывает так, что зимняя спартакиада школьников проходит одновременно с Призом сильнейших.

СТАРАТЕЛЬНЫЙ ИОГАН-ДАВИД И МЕЧТАТЕЛЬНЫЙ ШАРЛЬ-ФРАНСУА

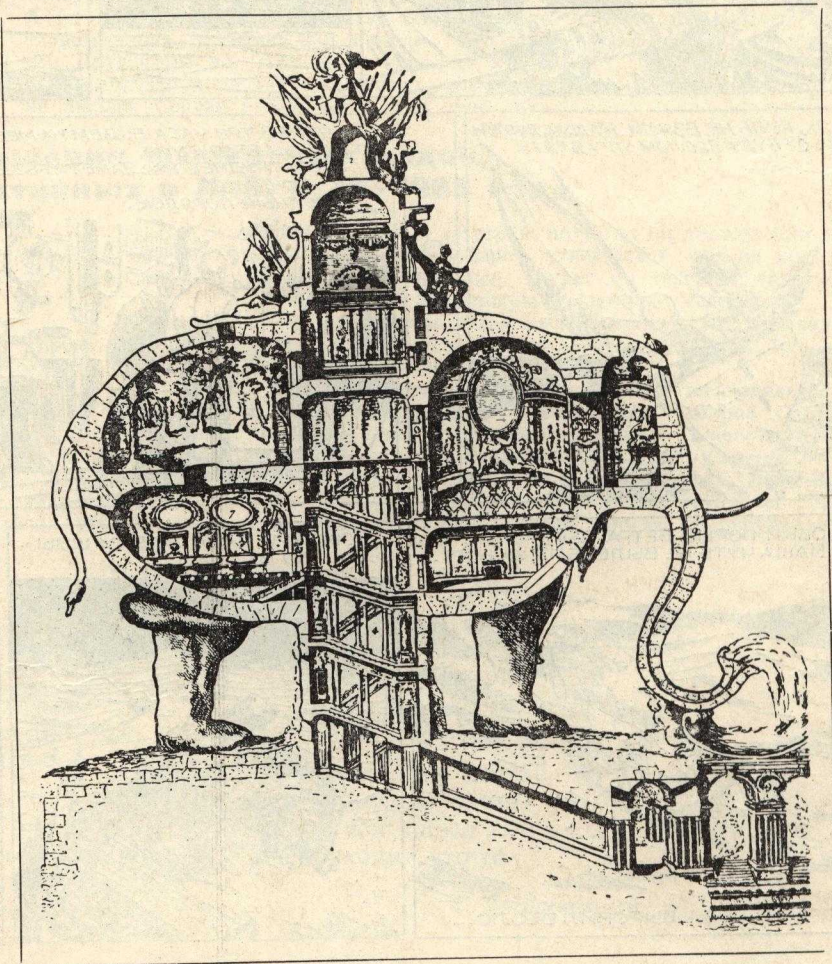
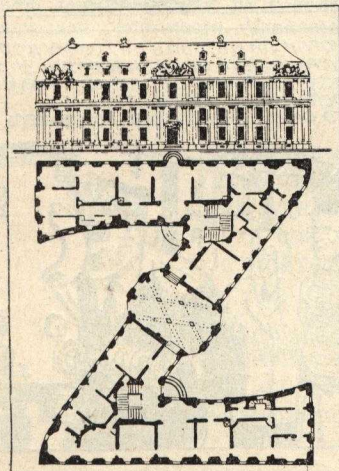
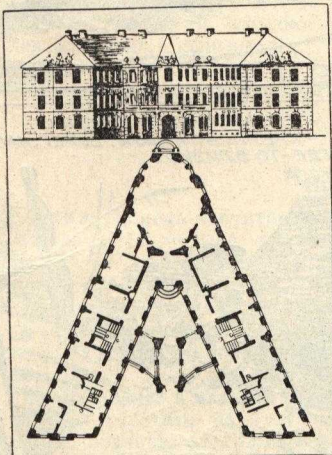
Жили-были примерно в одно и то же время (во второй половине XVIII века) два славных строителя, два ученых архитектора. Иоган-Давид Штайнгрубер жил-был в маленьком германском городе Ансбахе, а Шарль-Франсуа Рибар — в самом большом французском городе Париже. Оба архитектора оставили по себе память не столько своими постройками, сколько диковинными проектами построек не осуществленных.

Штайнгрубер, видно, был очень старательным человеком. Дело свое он решил изучить, что называется, «от А до Я», вернее «от А до Z», так как он пользовался латинским алфавитом. Намерения добросовестного зодчего не расходились с его делами. Он принялся за «А» и в результате упорного труда дошел-таки

до «Z». Но совсем не в переносном смысле! Штайнгрубер действительно аккуратнейшим образом, преодолев массу трудностей технического порядка, начертил 23 проекта зданий — с многочисленными залами, спальнями, кухнями, зимними садами, террасами, — в плане изображавших 23 буквы латинского алфавита. Ни одна из букв архитектурной азбуки Штайнгрубера не была построена. Да и будь построена — кто бы мог оценить оригинальный замысел архитектора! Разве что перелетные птицы — ведь здание в плане можно увидеть только сверху. Единственным памятником Штайнгруберу остались пыльные листы проектов на полках архитектурных архивов.

Такой же памятник, даже более фантастический, создал себе и Шарль-Франсуа Рибар. Он немало потрудился над проектом дворца под названием «Триумфальный слон». На этой странице вы видите «Триумфального слона» в разрезе. В утробе слона архитектор разместил не только роскошные комнаты, но и зимний сад. Спереди, из хобота должен был бить фонтан, а сзади, под хвостиком можно было распахнуть прелестное окошко и любоваться из него видами Парижа.

Впрочем, Рибар оказался несколько счастливее Штайнгрубера. Нечто отдаленно напоминающее его проект было сооружено в Париже полвека спустя. Это то самое огромное чучело слона на площади, которое описано в романе Виктора Гюго «Отверженные». Помните в брюхе этого совсем неблагоустроенного слона жил смелый Гаврош?

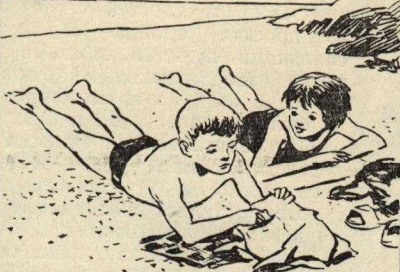
Ю. ЛОБАЧЕВ

Ураган

Приходишь
на
помощь

Глава 1

- СЕВКА, ЧТО ЭТО ТЫ В ОБЛАКАХ ВИТАЕШЬ?
- ПОНИМАЕШЬ, МАШУК, Я ВЧЕРА К ТРАНЗИСТОРУ СДЕЛАЛ ПРИСТАВКУ, ЛОВИТЬ УКВ... УТРОМ РЕШИЛ ПРОВЕРИТЬ. ВДРУГ, СЛЫШУ МОРЗЯНКУ! НАЧАЛ ЗАПИСЫВАТЬ...

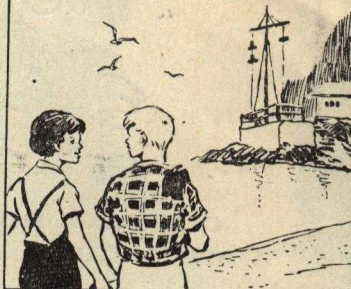

- ...И ТУТ ВОЛНА ИСЧЕЗЛА. ЧТО ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ?..

БУД АВКАРДЕТ
ИРТ АС АВА
УВОЛСНЕА

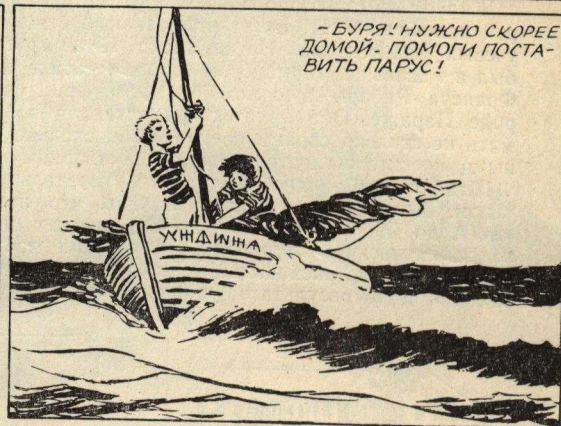
- МОЖЕТ, ТЫ ЧЕГО НАПУТАЛ?... ТО-ЖЕ МНЕ РАДИОЛЮБИТЕЛЬ!... КАК СЕГОДНЯ - БУДЕТ РЫБАЛКА?
- ОБЯЗАТЕЛЬНО. ДЯДЯ САША ПОСЛЕ ОБЕДА ПОЕДЕТ В ГОРОД, ВОЗЬМЕМ ЕГО ЛОДКУ.

Море было, как зеркало, на небе ни облачка...
- СМОТРИ, СЕГОДНЯ НЕТ НИ ОДНОЙ МЕДУЗЫ! КУДА ОНИ ПОДЕВАЛИСЬ?

РЕБЯТА НЕ ЗАМЕТИЛИ ТУЧИ. ОНА ПОЯВИЛАСЬ НА ГОРИЗОНТЕ И БЫСТРО РОСЛА...

- БУРЯ! НУЖНО СКОРЕЕ ДОМОЙ. ПОМОГИ ПОСТАВИТЬ ПАРУС!

- ЭХ, РУЛЬ НЕ ВЗЯЛИ. МАШУК, ДЕРЖИ ПАРУС! БУДУ ВЕСЛОМ УПРАВЛЯТЬ.

В
ТО
ЖЕ
ВРЕ-
МЯ.

- ЧЕРЕЗ ТРИ ЧАСА БУДЕМ НА МЕСТЕ. НО НАЧИНАЕТСЯ БУРЯ.
- ТЕМ ТРУДНЕЕ НАС ЗАМЕТИТЬ! КАК У ВАС, КОНРАД?
- ПОЛНЫЙ ПОРЯДОК.

- У МЕНЯ РУКИ ЗАМЕТЕЛИ.
- КРЕПИСЬ, МАШУК. БЕРЕГ, НАВЕРНО, ГДЕ-ТО БЛИЗКО!

НОВЫЙ ПОРЫВ ВЕТРА ПЕРЕЛОМИЛ МАЧТУ. МАША ЧУТЬ НЕ ВЫЛЕТЕЛА ЗА БОРТ...

НО СПАСАЯ ПОДРУГУ, СЕВА ВЫРОНИЛ ВЕСЛО...

УЖЕ ТРИ ЧАСА ЛОДКУ ШВЫРЯЛО ПО ВОЛНАМ...

- СМОГЛИ ЛИ ОТПЛЫТЬ ПО ТАКОМУ ШТОРМУ?
- С УТРА НИЧЕГО НЕ РАДИРОВАЛИ. ЗНАЧИТ... ВАХТЕННЫЙ ОФИЦЕР СТОЯЛ У ПЕРИСКОПА:
- ГОСПОДИН КАПИТАН, ЛОДКА!
- ЭТО ОНИ. НУ-С, КОНРАД, ГОТОВЬТЕСЬ!

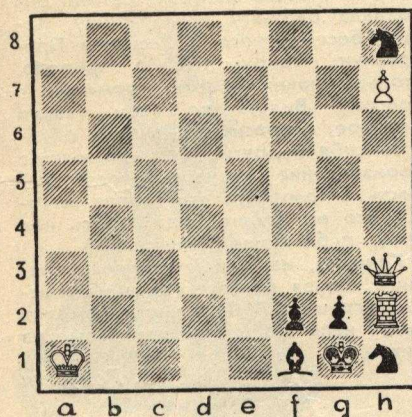

Продолжение в следующем номере. А пока разгадайте загадки этой главы.

КАК ИГРАЛ ХЛЕСТАКОВ

Ю. Барский

— Осип! Шахматы подай! Сейчас поставлю, как у нас с этим пехотным капитаном получилось. Это здесь... Это тут стояло...

У меня, конечно, королева сохранилась. Ладья. Преимущество громадное! Но он, бестия, не сдается. А в моей передней графы и князя толкнутся, только и слышно: «Иван Александрович выигрывает... Иван Александрович выигрывает...» Им легко говорить, а как выиграть? Ка-

питан, понятно, может лишь конем h8 ходить, но и у меня только король свободен. А королевой отойти, так ведь его слон выйдет, а затем пешка в королевые шагнет. Однако, думаю, ничего. Сейчас королем коня твоего поймаю. У меня ведь планы зарождаются просто! Легкость в мыслях необыкновенная! Хожу 1. Kpa1-b2. Графы и князья заглядывают, «Какое положение?» — спрашивают. «Смотрите, — говорю, — господа. Только уж насчет подсказки: ни, ни, ни!.. У меня ухо востро!» С кем это я играл? Да... с капитаном. Он конем отвечает — 1... Kh8-g6. Я опять королем — 2. Kpb2-c3. Он конем 2... Kg6-h8. Я — 3. Kpc3-d4. У меня все вперед продумано было, я ведь рассчитываю ходов на десять. А то и на тридцать. И больше могу... Тут опять слышу: «Выигрывает... выигрывает...» Признаться, я и сам думал: уже выигрываю. Однако, капитан, каналья, играет — 3... Kh8-g6 и ставит меня в совершенное недоумение. Теперь королем дальше не пройдешь. А на белое ступить нельзя: тут же слоном — шах, и пешку — в королевые. Другой бы на моем месте уже отказался. Но я не такой, я шутить не люблю. Сейчас играю королем в

обход — 4. Kpd4-e3. Он снова — 4... Kg6-h8. Я — 5. Kpe3-f4, а он, представьте, господа, 5... Kh8-f7. Короля не пропускает! И вот так мы с ним трое суток подряд: я то слева королем захожу, то справа, а капитан не дает проходу. Ну, натурально, пошли толки: как, куда, чем надо ходить? Пора игру кончать! Я же ничью не хочу, а капитан не сдается! Многие из генералов, которые тут находились, помочь брались, но чуть подойдут — нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь, просто черт возьми! Я, признаюсь, тоже немного смутился, хотел отказаться даже, но думаю: дойдет до государя, не годится... И что же? Выиграл, господа! Да что в самом деле? Я такой! Я найду всегда. Вот, будто, сюда пошел... или сюда... Нет, не помню. Не помню, господа, ничего не помню... Впрочем, меня завтра же произведут в фельдмарш...

Тут Хлестаков отправился отдохнуть и больше не упоминал о шахматах. Возможно, он и не знал, как выиграть. А выигрыш у белых есть! Кто укажет — как королю подобрать коня h8? Не забывайте: на белые поля становиться опасно. Но на все ли?

Решения шахматных задач, напечатанных в № 5, 9, 10 1965 года

1. «Как Король взбунтовался».

Оставшиеся четыре хода были такие: 6. Cd8—e7 a6—a5 7. Ce7:c5 Cb5—a6 8. Фc7:c6+Ca6—b7 9. Cc5—g1 Cb7:c6X.

2. «Черный Король срывает урок».

Сначала Карандаш велел Черному Королю стать на поле e3, затем на поле a8 (1. Фg4—c8X), а потом на поле h1.

3. «Кто залез в аквариум?»

Чтобы ответить на этот вопрос, рассуждать нужно так. В позиции диаграммы ход белых. А чем только что ходили черные? Пешками? Нет. Либо королем, либо ладьей! Значит, их король или ладья еще раньше покидали свое место. Чернявый мальчик уверяет, что

все время следил за игрой, но тогда он должен был это видеть. Он же, наоборот, утверждает, что ни король, ни ладья не двигались. Трудно ли теперь догадаться, кто выходил в юннатскую и вытащил телескопа?

Раз король или ладья уже двигались, то рокировать нельзя, и поэтому возможен мат в два хода: 1. Фа6—a1 Kpe8—d8 (или f8) 2. Фа1—h8X.

Раньше других правильные решения присылали: Наташа Ведерникова (Ялта), Дима Везилов (Баку), Алексей Гуляев (Саратов), Александр Ещенко (Краснодон), Сережа Зубавленко (Саратов), Серёжа Мелкумян (Ереван), Саша Михайлов (Ивдель), Лева Мосягин (Шарья), Володя Тихомиров (Йошкар-Ола), Таня Тихонова (Пенза), Ира Ярцева (Первоуральск).

ГДЕ ТЫ, СОН?

ЛАГЕРНАЯ СЦЕНКА

Мы ложимся.
Поздний час.
Нам уснуть охота.
Ну а сон забыл про нас,
Не приходит что-то.
— Где ты, сон?
Приди скорей!
Закричал во тьму Андрей.
— Сон, заснул ты, что ли?
Рассердился Толя.

Шутки, смех со всех сторон:
— Просыпайся, соня Сон!
— Да с кровати, соня,
Не свались спросонья!
Не до сна уже сейчас.
Спать прошла охота.
Что-то сон забыл про нас,
Не приходит что-то.

С. Погореловский

НАША ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

В редакции праздник — закончился конкурс глиняной игрушки. На почетном месте, под стеклом — самые лучшие: сказочная композиция «Репка» десятилетней Лиды Грицаенко, декоративная плитка «Донбасс» Лиды Безверхой, черепаха и черепашок с расписными панцирями Оли Тихоновой, космонавт с собакой Сережи Жевлаковича, миниатюрные зимние пейзажи Оли Сухановой с домиками и елками, веселая пестрая утка Вали Романовой, игрушки сестер Макеевых — «Золотая рыбка» Наташи и «Перепелка» Лены; козленок Иры Степановой, который «от мамы убежал»; «Ревушка-коровушка» Лены Шлагиной.

Все эти ребята будут награждены альбомом «Дымковская глиняная игрушка», посвященным старинному искусству замечательных русских умельцев.

Интересную плитку «Подводная лодка» со строгим и тщательным орнаментом прислал сахалинец Саша О. Ира Колесникова вылепила и хорошо

раскрасила персонажей из сказки Джанни Родари «Приключения Чиполлино». Наташа Беляева сделала изящную «Дюймовочку», Петя Пундонен — «Царевну-лягушку», Юра Загайнов — крестьянина с медведем.

Эти ребята и другие участники конкурса тоже получают памятные подарки.

Люда Федосова не первый раз участвует в затае Творческой Мастерской. На конкурсе игрушек из природных материалов Люда заняла первое место. Ее игрушки запомнились остроумными решениями, фантазией. Она умело использовала природную выразительность материалов, из которых делала свои игрушки.

На этот раз Люду постигла неудача. Куда девалась ее наблюдательность, умение подмечать забавное в жизни? Ее лепные фигурки взяты с готовых образцов, лица героев слащавы, ножки и ручки кукольны. Самы фигурки напоминают фарфоровые статуэтки. А ведь глина не фарфор. Фарфор нежен и хрупок, глина же груба и проста. Руки с силой мнут ее, руки ищут в бесформенном куске нужные формы, руки оставляют на глине следы труда, поиска, творчества. Такими «следами» надо дорожить. Они делают игрушку живой, выразительной. Сразу видно, что ее вылепили.

Люда не поняла этого, увлеклась ложной красотой, ее фигурки получились вялыми, безжизненными.

Но особенно огорчили нас работы творческого кружка из города Осташкова Калининской области. Когда мы распаковали посылки, нам показалось, что ребята в этом кружке затаили между собой странную

игру: кто выдумает человечков по уродливее и пострашнее, кто раскрасит игрушки в самые грязные, неярливые тона...

Человеческая фантазия богата: она создала бабу-ягу и жар-птицу, Кошечу бессмертного и Василису Прекрасную. Вокруг нас, в природе, столько ярких красок, гармонии и красоты. Видеть во всем только мрачное, некрасивое — значит, обеднять себя и других. Ведь настоящее произведение искусства несет радость и тому, кто его творит, и тому, кто его видит. Задумайтесь над этим, ребята из Осташкова!

Конечно, на одной цветной странице нельзя показать всех интересных игрушек. В ближайших номерах будут напечатаны еще некоторые из них.

Э. Голубева

Не успел закончиться один конкурс, а творческая мастерская уже объявила новый, под названием „СНЕЖНЫЙ ГОРОДОК“.

Условия конкурса — в „Костре“ № 12 1965 года.

Все на строительство снежных городков!!!

Рядом на цветной вклейке: ЛИСА В САРАФАНЕ, Нина Григорьева, Костромская обл., с. Орехово. КОСМОНАВТ, Сергей Жевлакович, Владимирская обл., совхоз «Энтузиаст». НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА, ДВОЕ МАЛЕНЬКИХ ЛИСЯТ, ГРЕЧЕСКИЙ ВОИН, Юра Загайнов, Кемеровская обл., Ново-Кузнецк. СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ, Семен Ольшанский, КБ АССР, г. Прохладный. РЕПКА, Лида Грицаенко, Читинская обл., с. Кайластуй.

Обложка К. Овчинникова

Редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. Погодин, С. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Тербинская (ответственный секретарь), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. А. Маевская

Технический редактор
А. А. Двораковская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76.

М-58039.

Тираж 300 000 экз.

Подписано к печати 15/XII 1965 г.

Формат 84×103¹/₁₆.
Заказ № 2027.

Печ. л. 8+1.

6,57 усл., 8,8 уч.-изд. л.

Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

ЛИСА В САРАФАНЕ

КОСМОНАВТ

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

ДВОЕ МАЛЕНЬКИХ ЛИСЯТ

ГРЕЧЕСКИЙ ВОИН

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

РЕПКА

